С. Б. Веселовский Род и предки А. С. ПУШКИНА в истории

С. Б. Веселовский

Род и предки А. С. ПУШКИНА в истории

·Наука·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АРХИВ АН СССР

С. Веселовский

С. Б. Веселовский

Род и предки А. С. ПУШКИНА в истории

Ответственный редактор
доктор исторических наук
С. М. КАШТАНОВ

МОСКВА «НАУКА»
1990

ББК 63.2
В38

Рецензенты:
доктора исторических наук
В. А. КУЧКИН, А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

Издание подготовил
К. А. АВЕРЬЯНОВ

Веселовский С. Б.
В38 Род и предки А. С. Пушкина в истории. — М.: Наука, 1990. — 336 с.
ISBN 5-02-008537-5

Работа известного историка академика С. Б. Веселовского посвящена истории предков А. С. Пушкина на протяжении почти 600 лет и знакомит читателя со всем родом Пушкиных — от полулегендарного Ратши, жившего еще в XII в., и до служилых людей XVII в. Исследование отличается безупречной точностью приведенных фактов, живостью изложения. В отличие от предыдущего издания (1969) издание сверено с оригиналом, в него внесены необходимые уточнения и дополнения, впервые публикуется ряд материалов.

Для историков, преподавателей, студентов, а также широкого круга читателей.

В $\frac{4603020000-087}{042(02)-90}$ 815-90, кн. II **ББК 63.2**

ISBN 5-02-008537-5

На переплете: городское строительство в Москве в конце XIV в. Миниатюра из летописного свода XVI в.
На форзаце: русское посольство З. И. Сугорского к императору Максимилиану II. Раскрашенная гравюра XVI в. Фрагмент.

Предисловие

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. „Государственное правило,— говорит Карамзин,— ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному“. Греки в своем унижении помнили славное происхождение свое и тем самым уже были достойны своего освобождения... Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?» — писал в своих набросках А. С. Пушкин [1].

Поэт хорошо знал свою родословную. В неоконченной поэме «Езерский» он утверждал:

Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине.
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.
От этой слабости безвредной,
Как ни старался,— видит бог,—
Отвыкнуть я никак не мог [2].

Род Ратши, к которому принадлежал А. С. Пушкин, относится к числу наиболее интересных русских боярских фамилий. Среди работ о предках А. С. Пушкина особого внимания заслуживает исследование известного историка

академика С. Б. Веселовского (1876—1952) «Род и предки А. С. Пушкина в истории» [3]. Будучи прекрасным знатоком генеалогии и истории России XIV—XVII вв., в ней он исправил многочисленные ошибки своих предшественников и впервые дал цельную картину истории рода Пушкиных, начиная с легендарного Ратши и заканчивая предками поэта в конце XVII столетия. Несмотря на то что с момента написания этой работы прошло более сорока лет, она не утратила своего научного и познавательного значения. Ни один серьезный исследователь рода Пушкиных не может миновать ее.

Первоначально С. Б. Веселовский обратился к этой теме в конце 20-х—начале 30-х годов. В тот период им было задумано большое исследование по истории русского боярства XIV—XVI вв., дошедшее до нас в виде отдельных очерков и статей. Родословной поэта был посвящен небольшой очерк «Род Ратши», законченный летом 1931 г. Издать эту работу при жизни С. Б. Веселовскому не удалось, поскольку исследования по генеалогии и истории класса феодалов в тот период не поощрялись.

В конце 30-х годов С. Б. Веселовский переделал этот очерк в более обширное исследование «Род и предки А. С. Пушкина в истории». Рукопись была доведена хронологически до начала XVII в. 20 января 1940 г. жена ученого — Ольга Александровна Веселовская записала в своем дневнике: «Третий вечер читаю вслух работу Степана Борисовича „Род и предки Пушкина в истории“. Работа эта уже включена в план печатания в сборнике Историко-архивного института... Работа остановилась на XI главе „Пушкины в в Смутное время“. Теперь предстоит еще писать

о Пушкиных в XVII веке и потом в XVIII и XIX веках. Вечером Степан Борисович по памяти продиктовал мне названия книг о расколе, о Морозовой, о заговоре Соковнина и Цыклера, в котором был замешан Федор Пушкин... Вот намеченные заглавия еще не написанных глав:

XII глава „Новая формация служилого землевладения (закрепощение крестьян)“,

XIII глава „Пушкины на службе в XVII веке“,

XIV глава „Землевладение Пушкиных“,

XV глава „Катастрофа рода Пушкиных в конце XVII века (Петр I)“,

XVI глава „Пушкины при Петре и его ближайших преемниках“,

XVII глава „Манифест о вольности дворянской и семья Пушкина (Екатерина II)“,

XVIII глава „Жизненная трагедия Пушкина“» [4].

Разразившаяся война, а вместе с ней эвакуация сначала в Казань, а затем в Ташкент прервали работу. Возвратившись незадолго до окончания войны в Москву, С. Б. Веселовский вновь обратился к этому исследованию. Требовательный к точности и ясности изложения, он переработал его, сократив материал о других ветвях рода Ратши, и написал новые главы, доведя изложение до конца XVII в.

В конце 40-х годов предполагалось издать эту книгу. В архиве дочери ученого А. С. Веселовской сохранилось письмо председателя Комиссии по изданию научно-популярной литературы АН СССР президента Академии наук СССР академика С. И. Вавилова от 21 сентября 1948 г.: «...принимая Ваше предложение об издании очерка «Род и предки А. С. Пушкина», прошу Вас, если возможно, закончить работу к Пушкинскому юбилею».

14 октября 1948 г. зам. директора издательства Академии наук СССР Е. С. Лихтенштейн в письме С. Б. Веселовскому просил сообщить объем работы и срок ее представления в издательство. 20 ноября того же года на подпись С. Б. Веселовскому был направлен издательский договор.

Однако выполнить это намерение историку не удалось. Виной тому было пошатнувшееся здоровье. Сыграли свою роль и необоснованные обвинения ученого в «буржуазности» после выхода в свет его монографии о феодальном землевладении в Северо-Восточной Руси [5].

Работа увидела свет только через 17 лет после смерти ученого. Благодаря поддержке А. Т. Твардовского она была опубликована в первом и втором номерах журнала «Новый мир» за 1969 г. Весной того же года очерк был напечатан в книге С. Б. Веселовского «Исследования по истории класса служилых землевладельцев» [6].

К сожалению, в эти публикации вкралось много ошибок и неточностей. Работа была излишне отредактирована. Тексты, опубликованные в книге и журнале, имеют разночтения. Неотъемлемой частью исследования являются составленные С. Б. Веселовским «Схематическая роспись фамилий рода Ратши» и «Поколенная роспись прямых и ближайших боковых предков А. С. Пушкина». Опубликованы они не были.

При подготовке настоящей публикации был тщательно просмотрен хранящийся в Архиве АН СССР машинописный экземпляр текста работы «Род и предки А. С. Пушкина в истории», положенный в основу этой публикации [7]. Он был сверен с редакцией очерка, хранящегося у А. С. Веселовской.

По воспоминаниям дочери ученого, в конце

жизни у С. Б. Веселовского резко ухудшилось зрение (он страдал катарактой глаз), поэтому после диктовки он не имел возможности лично проверить продиктованное, что приводило к досадным ошибкам. При подготовке рукописи к печати были исправлены без оговорок ошибки в датах, именах и географических названиях, имеющиеся как в оригинале, так и вкравшиеся в публикации 1969 г. Текст цитат сверен с источниками.

Была проведена выверка справочного аппарата. В тех случаях, когда авторские ссылки отсутствуют, без специальных оговорок даются указания на необходимые издания. В случаях, если источники, на которые ссылался С. Б. Веселовский, были изданы или переизданы, указываются последние издания. В квадратных скобках заключены слова, отсутствующие в оригинале, но необходимые по ходу изложения и для понимания текста. В поколенной росписи Пушкиных данная С. Б. Веселовским нумерация только мужских представителей рода Пушкиных заменена общей, включающей как мужские, так и женские имена.

В приложении к работе С. Б. Веселовским был дан список лиц, родственных Пушкиным по брачным связям. Представляется нецелесообразным публиковать его, поскольку текст этого приложения полностью повторяется в именном указателе.

В качестве дополнения к работе публикуется ранее не издававшийся очерк «Род Ратши». В нем рассказывается о потомках Акинфа Великого, игравших заметную роль в русской истории XIV—XVI вв. Он печатается по автографу, хранящемуся в Архиве АН СССР [8].

При подготовке настоящего издания с целью проверки были использованы и другие материа-

лы. В фонде историка имеются выписки из родословцев, черновые заметки, подготовительные материалы к этой работе [9]. Это выписки из актов, различных источников, наброски родословной Пушкиных. Часть сведений не вошла в текст исследования, другая лишь упоминается. Росписи предков поэта носят более полный характер, чем в публикуемой родословной таблице. В них указываются сведения о владениях тех или иных потомков Ратши, приводятся данные с указанием на архивные и опубликованные источники. В Архиве АН СССР имеются также дополнительные росписи рода Пушкиных, не вошедших в Бархатную книгу [10]. Это поколенные росписи Курчевых, Мусиных, Кологривовых, Шафериковых, Бобрищевых, Рожновых, а также других родов, связанных с Пушкиными по брачным связям. В них содержится ценный материал о боковых предках поэта.

При подготовке рукописи к печати были учтены замечания сотрудников Архива АН СССР, Института истории СССР АН СССР. Особую благодарность следует выразить дочери С. Б. Веселовского Анне Степановне Веселовской, принявшей самое активное участие в этом издании.

К. А. Аверьянов

Глава первая

Легенда о Ратше, родоначальнике Пушкиных

Род Ратши, из которого вышел А. С. Пушкин, по исторической значительности происшедших от него фамилий принадлежит к древнейшим русским родам. В роде Ратши первые три колена не поддаются критической проверке при помощи источников, но с Гаврилы Алексича, жившего в середине XIII в., все поколения могут быть фиксированы хронологически и реальность большинства лиц дальнейших колен может быть проверена и доказана. Следующее за родом Ратши место занимает род черниговского боярина Федора Бяконта, выехавшего в Москву в последних годах XIII в., от которого пошли фамилии Плещеевых, Басмановых, Игнатьевых и др. Родословия всех без исключения исторически известных родов становятся достоверными только со второй четверти XIV в. и позже.

Чтобы не повторяться в дальнейшем изложении, следует дать схему первых колен рода Ратши. Эта часть родословия одинакова в Государеве родословце, составленном в 50-х годах XVI в., и в различных частных родословцах, которые были составляемы на основе Государева родословца позже, в XVI и XVII вв.

1. Из Немец пришел Ратша. 2. У Ратши сын Якуп. 3. У Якуна сын Алекса. 4. У Алексы сын Гаврило Алексич. 5. У Гаврилы дети: Иван Морхиня да Акинф Великой. 6. У Ивана Морхини один сын Александр. У Акинфа Гавриловича Великого дети: Иван да бездетный Федор. 7. У Александра Морхинина пять сыновей: Григорий Пушка, Владимир Холопище, Давид Казарин, Александр да Федор Неведомица. У Ивана Акинфовича дети: Андрей, Владимир, Роман Каменский да Михаил, убит на Дону (1380 г.). 8. У Григория Пушки дети: Александр, Никита, Василий Улита, Федор Товарко, Константин, Андрей и Иван. А у Андрея Ивановича восемь сыновей: Федор Свибло, Иван Хромой, Александр Остей, Иван Бутурля, Андрей Слизень, бездетные Федор Корова, Иван Зеленый и Михаил (Челядня). У Владимира Ивановича — Иван Замытский. У Романа Каменского дети: Григорий Курица, Иван Черный, Юрий, Полуект Каменский и Дмитрий *.

Составители Государева родословца и Бархатной книги устраняли, как общее правило, легенды о выездах знатных родоначальников, но для Ратши сделали исключение и признали его выезд из «Немец». Частные родословцы следовали моде и украшали родословия легендами о выездах и различными новыми вымыслами. Так, относительно Ратши многие родословцы сообща-

* Родословцы частных редакций, родословец, списанный в 1677 г. для князя Степана Васильевича Ромодановского [2]. Некоторые частные родословцы старшим сыном Александра Морхинина показывают Владимира Холопища, а Григория Пушку — младшим сыном. По времени жизни следующих поколений это представляется более правильным [3].

ют: «Во дни благоверного великого князя Александра Ярославича Невского прииде из Немец муж честен, именем Ратша» [1]. Так, заимствованное из Государева родословца предание о выезде осложнялось хронологической несообразностью. Ниже будет показано, что Гаврила Алексич жил в середине XIII в. и был боярином Александра Невского. Поэтому его прадед Ратша, если считать по три поколения на столетие, как это принято в генеалогии, должен был жить в первой половине XII в. и никак не мог служить Александру Невскому.

Во времена удельной раздробленности Руси выездами называли вообще всякий переход служилого человека от одного князя к другому. После объединения Руси под властью московских государей выезды бывали действительно приходом из-за рубежа, и это представление о выездах было перенесено на родословные предания, сложившиеся еще в удельной Руси. В последней четверти XVII в. в связи с отменой местничества и составлением новой родословной книги начинается творчество самых смелых легенд о выездах знатных родоначальников из иностранных государств.

Эти легенды не только забавны, но и показательны для невысокого уровня образованности их творцов. Некоторые легенды обличают авторов в незнании родного языка. Так, Загоскины, очевидно, не знали, что загоска, зекзюля, зегзица есть чисто русское слово, позже вытесненное немецкой кукушкой, и сочинили легенду о татарине. Чичерины считали своим родоначальником итальянца Чичери, выехавшего будто бы в Москву с Софьей Палеолог. Очевидно, они не знали, что чичером называется в средней полосе России, где они жили, непогода, мокрый снег при ветре. Проз-

вища Рюма и Бестуж, Бестужий, то есть бесстыжий, были в XV—XVII вв. весьма распространенными, но это не помешало Бестужевым-Рюминым считать своим родоначальником немчина Гавриила Беста. Талыза — чисто русское слово, означающее «дубина», «оглобля», а Талызины выводили свой род от мурзы Кучук Тагалдызина [4].

Высокий образец нелепой легенды о выезде знатного иноземца дал не кто иной, как первый герольдмейстер Петра I — Степан Андреевич Колычев, происходивший из рода Андрея Ивановича Кобылы, боярина великого князя Симеона Гордого. Колычев сочинил легенду о выезде из Пруссии Камбила Дивоновича. Искажение имени родоначальника, писал Колычев, произошло от небрежности древних писцов, которые «убавлением литеры» вместо Камбила написали Кобыла [5].

Уже в XVIII в. к этой легенде относились (например, Крекшин) весьма недоверчиво, но это не помешало барону Кампенгаузену написать большое исследование о Камбиле и его мнимых знатных предках [6].

Последующие генеалоги относились к легенде о Камбиле «критически», то есть серьезно обсуждали эту нелепицу, не заслуживавшую внимания. Ведь достаточно обратить внимание на то, что по родословцам у Андрея Кобылы был брат Федор, имевший прозвище Шевляга, что значит «кляча», «плохая лошаденка», что старший сын Кобылы носил прозвище Жеребец, а младший, Федор, имел прозвание Кошка. В этих прозвищах допустимо предположить пережиток тотемистических воззрений, можно принять их просто как плоды родительского остроумия, но во всяком случае их достаточно, чтобы покончить с критическими разборами легенды о Камбиле.

Многочисленные легенды о знатных выходцах из-за рубежа дискредитировали генеалогические предания вообще, хотя в них нередко бывали элементы правды очень далеких времен. В XVIII в. при глубоком упадке дворянской генеалогии было принято относиться с недоверием и усмешкой к чужим преданиям и в то же время кичиться своей легендой, сохраняя ее в недрах фамилии как реликвию далекого славного прошлого. В небольшом багаже генеалогических познаний среднего дворянина хранились и передавались от отца к сыну имя родоначальника, действительного или вымышленного, и два-три факта, традиционно связываемые с каким-либо крупным общеизвестным историческим лицом или событием: Ледовым побоищем, Куликовской битвой, Александром Невским, Иваном Калитой, Дмитрием Донским и т. п.

Переходя из уст в уста, родословные предания деформировались. Самым слабым местом этих «творимых легенд» были смещения хронологических вех и контаминация разновременных лиц и событий.

Потомство Григория Пушки уже в XV в. разбилось на несколько фамилий, которые с течением времени утрачивали родственные связи, или, как тогда говорили, «родственное согласие», и отдельные отрасли рода продолжали в своих недрах творить особые легенды. Так, Мусины-Пушкины, признавая Ратшу своим родоначальником, считали его выходцем из Семиградии. Бобрищевы-Пушкины тоже веровали в Ратшу и полагали, что он вышел в конце XII в. из Германии в Новгород. По преданиям или из летописей они знали, что правнук Ратши, Гаврило Алексич, был боярином Александра Невского и прославился на

Ледовом побоище, а затем, игнорируя Государев родословец и Бархатную книгу, приплетали некстати к своим прямым предкам Акинфа Великого. Пушкины, прямые предки Александра Сергеевича, принимали своим предком Ратшу, но считали его потомком прибалтийских словен, выходцем из Пруссии, и связывали его с Александром Невским.

А. С. Пушкин в «Моей родословной» писал:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил [7].

В наброске родословной Пушкиных и Ганнибалов А. С. Пушкин писал: «Мы ведем свой род от прусского выходца *Радши* или *Рачи* (*мужа честна*, говорит летописец, то есть знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шерефединовы и Товарковы» [8]. Пушкин знал наверное, Бархатную книгу, изданную Н. И. Новиковым в 1787 г. [9], но, видимо, читал ее невнимательно. Из Бархатной книги он мог бы узнать еще ряд фамилий, происшедших от Ратши, но Шерефединовых он там не нашел бы. Очевидно, он имел в виду фамилию Шафериковых-Пушкиных, пресекшуюся в XVII в. *

Обращает на себя внимание двукратное употребление Пушкиным имени Рача наряду с правильной формой Ратша. Дело в том, что имя Рача

---

* В конце XV в. в Коломне упоминается Середединов, а позже — Шерефединовы. Об известных дьяках Ивана Грозного Петре и Андрее Шерефединовых А. С. Пушкин мог знать из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

нигде не встречается — ни в родословцах, ни в летописях, ни в других русских источниках. Возможно предположить, что «Рача» был плодом французского воспитания Пушкина. Во французском языке звука «ч» нет. Для передачи его в иностранных словах приходится употреблять три буквы — tch. Между тем имя Ратша, написанное французскими буквами — Ratcha, француз мог прочитать как Рача.

Очевидно, А. С. Пушкину было неизвестно, что личное имя Ратша, уменьшительное Ратишка, равно как и другие личные имена с окончанием «ша», в Киевской Руси и в Великом Новгороде были в большом употреблении. В летописях и в новгородских писцовых книгах XV—XVI вв. мы находим множество подобных имен: Гавша — Гавриил, Кирша — Кирилл, Данша — Даниил, Павша — Павел, Перша — Порфирий (Перфилий), Прокша — Прокофий, Стенша — Стефан и т. п. *

Имя Ратша могло быть производным от очень распространенных у киевских, новгородских и поморских (прибалтийских) славян имен Ратислав, Ратибор, Ратмир. Наиболее вероятным Ратшей рода Пушкиных представляется имя Ратислав. Из летописей известно, что у великого князя Александра Невского был слуга Ратислав, который после смерти Александра служил его брату Ярославу и был убит в 1268 г. в большом походе новгородской рати против немцев под Раковором. В некоторых списках летописей этот Ратислав

---

* От многосложных имен бытовые имена образовывались иногда путем отбрасывания первого слога. Например, от имени Александр производными были: Алексаша, Саша и Саня, употребляемые нами и в настоящее время. От имени Иаков употреблялись производные: Яков, Якша, Яша, Яня, Якун, Якуня.

называется Ратшей и Ратишкой, а иногда, по малограмотности переписчиков, — Ратьшей и Рачтшей [10].

Возможно, что А. С. Пушкин знал из летописей этого Ратшу-Ратишку, соратника Александра Невского (хотя и не на Невском побоище), и отождествил его с Ратшей родословцев, жившим лет на сто ранее Ратишки, так как не знал, что его прямым предком был витязь Александра Невского Гаврило Алексич.

Чтобы закончить наши справки из области древней ономастики, прибавлю, что сына Ратши, Якуна, нет никаких оснований выводить от скандинавского имени Гакон. Якун, Якуня — чисто славянская форма имени Иаков, очень распространенная в Киевской и Новгородской Руси, равно как Алекса есть производное от имен Александр и Алексей. Так, следует признать, что в именах предания о Ратше нет никаких следов его иноземного происхождения. Был ли Ратша выходцем, остается под вопросом, но несомненно, что он сам и его ближайшие потомки уже более ста лет жили в Новгороде и, может быть, в Киеве. В предположении, что Ратша был выходцем, нет ничего невероятного. Хорошо известно, что в дружинах первых Рюриковичей, кроме славян, были представители и других национальностей: скандинавы, ляхи, прусы — выходцы из Прибалтики, наконец, половцы и хазары. Несомненно, что некоторые приживались на новой родине, подвергались обрусению и становились родоначальниками служилых родов.

М. П. Погодин подверг тщательному исследованию свидетельства летописей о боярах и дружинниках — слугах русских князей домонгольского периода и убедительно доказал, что служба

этих лиц была нередко наследственной. Приведу один пример. Великий князь Юрий Всеволодович в 1237 г. посылал против татар своего воеводу Жирослава Михайловича, сына Михаила Борисовича, служившего сначала великому князю Всеволоду (1204—1207 гг.), а затем его сыновьям Юрию и Ярославу Новгородскому (1215 г.). Михаил был сыном Бориса Жирославича, боярина и воеводы великого князя Андрея Боголюбского (1169—1175 гг.). Борис был сыном Жирослава Иванковича, известного по летописям в продолжении 25 лет (1146—1171 гг.). Жирослав Иванкович был посадником великого князя Вячеслава Владимировича, а после бездетной смерти Вячеслава служил его брату Юрию, а затем сыну Юрия Андрею. Предками указанных лиц, весьма вероятно, были Иван Жирославич, служивший великому князю Всеволоду Ярославичу и убитый в 1078 г., и его сын Жирослав, служивший великому князю Владимиру Мономаху [11].

Все последующие исследования генеалогии дружинников первых русских князей вполне подтвердили взгляды Погодина, и представление о текучести и сбродном составе княжеских дружин следует считать не отвечающим действительности. Позднейшие генеалогические легенды, главным образом XVII—XVIII вв., скомпрометировали древние родословные предания, так как дворянство утратило способность их понимать и хронологическим смещением действительных исторических событий и лиц довело эти предания до нелепости. Отсюда нелепости о выездах из «Немец» или из «Пруссии», которой в XII—XVI вв. еще не существовало.

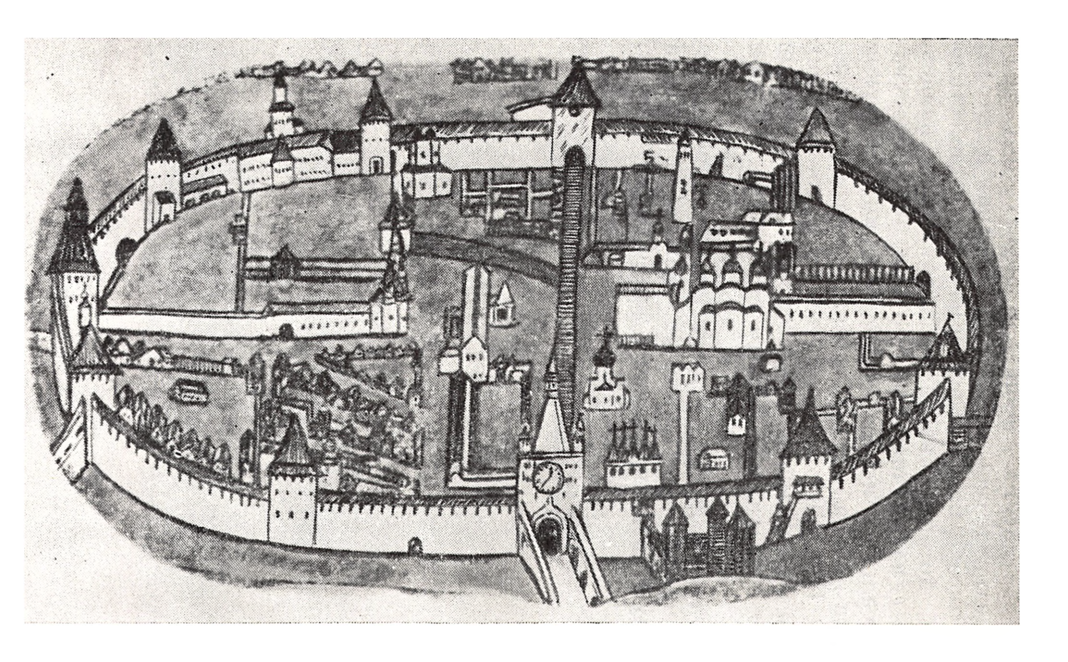
Прусами в древности называлось литовское племя, жившее на восточном побережье Балтий-

ского моря, приблизительно между устьями Вислы и Немана. В конце XV в. московские книжники сочинили для прославления московских великих князей легенду о происхождении Рюрика в двенадцатом колене от Пруса, сына кесаря римского Августа, которому Август будто бы дал в обладание ту часть Прибалтики, которую древние географы считали населенной прусами. Герберштейн, посетивший Московию в первой четверти XVI в., знал уже эту легенду о Прусе, а Иван Грозный в своих сношениях с Польшей не раз заявлял о своем происхождении через Рюрика и Пруса от римских императоров [12].

Непосредственными соседями прусов на западе в XII в. были поморяне, поморские славяне, от которых впоследствии получила свое название завоеванная и заселенная немцами Померания. Далее на запад, по Эльбе, жили полабские славяне. В XII—XIV вв. все прибалтийские славяне и прусы были завоеваны германцами. Славяне и прусы, не успевшие спастись бегством на восток, подвергались ассимиляции или беспощадному истреблению. Немецкие историографы в древности и в новейшее время, чтобы оправдать свирепое уничтожение славян и прусов, представляли их как диких, не имевших никакой культуры язычников. В действительности славяне и литовцы, подвергшиеся завоеванию крестоносных насильников, по культуре были нисколько не ниже своих соседей-немцев и других народов тех времен.

Новгородские славяне имели оживленные торговые сношения с народами Прибалтики. Свидетельством этого является существование в Великом Новгороде с древнейших времен Прусской улицы.

Если принять во внимание все вышесказанное

План Новгородского Кремля. Деталь иконы.

о прибалтийских славянах и прусах, то следует признать, что генеалогические предания о выездах из «Прусов», из «Пруссии» и из «Немец», то есть из стран, которые оказались под властью немцев, когда складывались эти предания, были отзвуками реальных исторических явлений. Отзвуком тех же явлений следует считать родословное предание Пушкиных о том, что их родоначальник Ратша хотя и вышел из Пруссии, но был потомком словенских князей. Ничего невероятного в этом нет.

Отдавши должную дань внимания родословным преданиям Пушкиных, можно перейти на прочную почву несомненно исторических фактов.

Глава вторая

Гаврило Алексич, витязь Александра Невского, родоначальник Пушкиных

Первым историческим лицом рода Ратши можно считать Гаврилу Алексича, витязя великого князя Александра Ярославича Невского.

Летописцы в рассказе о битве великого князя Александра Ярославича на реке Неве с полчищами шведов летом 1240 г. увековечили подвиги шести дружинников Александра Невского, отличившихся в бою. Четыре витязя — Гаврило Алексич, новгородец Сбыслав Якунович, ловчий князя Яков Полочанин и Миша Прушанин (по родословным преданиям родоначальник Морозовых, Шеиных, Салтыковых, Тучковых и других боярских фамилий) — были из старшей дружины великого князя, а Савва и Ратмир были из «простых слуг», то есть из молодшей дружины. Гаврило Алексич на коне вскочил на сходни вражеского судна и был сбит в воду, но выскочил из воды, вновь налетел на неприятелей, врубился в середину вражеского полка и убил самого «епискупа» и воеводу шведов: «...ту убиен бысть пискуп их и воевода их» [1].

Историческая достоверность Гаврилы Алексича и его связь с последующими поколениями рода Ратши подтверждаются записями его потом-

ков в синодике Переяславского Горицкого монастыря. Так, в записи 1535 г. Ивана Андреевича Чулкова перечислены в нисходящем порядке следующие предки вкладчика: Гаврило (Алексич), Акинф (Великой, сын Гаврилы), Иван (сын Акинфа), Андрей (Иванович), Александр (сын Андрея), по прозвищу Остей, Тимофей (сын Остея), Василий (сын Тимофея прозвищем Чулок), Андрей (Чулков, отец вкладчика) и т. д.

В записи Александра Упина-Слизнева предки вкладчика перечислены в обратном порядке, и запись кончается Акинфом и Гаврилой *.

Записи в синодиках заслуживают полного доверия, так как к этому относились с верой и никому не могла прийти в голову мысль поминать в своих молитвах вымышленных предков.

В лице Гаврилы Алексича, Сбыслава Якуновича, Миши Прушанина и других соратников Александра Невского мы можем видеть дружинников древнейшей формации первых русских князей. Старшие дружинники, за которыми с течением времени упрочилось название бояр, были советниками князя, его боевыми товарищами, организаторами ратных сил князей и помощниками по управлению княжеством. Непосредственными

* Запись известного боярина, любимца царя Алексея [Михайловича], Бориса Ивановича Морозова в синодике Троицкого Сергиева монастыря подтверждает родословное предание о происхождении Морозовых, Салтыковых, Шеиных, Тучковых (и других фамилий от рода Морозова) от Миши Прушанина, соратника великого князя Александра на Невском побоище. Запись содержит 70 мужских и женских имен прямых и боковых предков Бориса Ивановича, начиная с Михаила. Несколько иное перечисление имен, но тоже начиная с Михаила находится в синодике дворцовой церкви св. Евдокии в Кремле [2].

слугами княжеского двора и телохранителями князя была «молодшая дружина» князя, из свободных «простых» людей и из рабов. В источниках они называются то «отроками» или «детскими» (позже детьми боярскими), то огнищанами или чадью, как бы детьми, жившими во дворе князя, возле его княжеских теремов, на княжеском «огнище».

Клятвенная присяга, подкрепляемая крестным целованием, крепко связывала дружинника с князем. Вольные люди, поступавшие на службу князя, приносили присягу лично за себя и за своих детей и принимали обязательство служить верно князю и его детям, во всем хотеть им добра, не замышлять никакого лиха во вред князю, не сноситься с его недругами и не скрывать от князя никакого «дурна», грозящего ему со стороны. На почве таких обычаев дружинной службы связи, соединявшие дружинника с князем, нередко превращались в наследственную службу. Князь не мог обойтись без преданной ему дружины, а все жизненное благополучие дружинника зависело от прочности власти князя и его успехов в борьбе за власть.

На многих страницах наших летописей с древнейших времен «княжие мужи» — старейшая дружина выступает как большая военная и социальная сила, без которой князья не могли обойтись и прочно владеть своей «волостью» — княжеством. Дружинники князя Игоря говорили: «А ты добудеши, и мы» [3]. А Владимир Святославич поучал своих сыновей: «Сребром и златом не имам налезти (то есть приобрести.— *С. В.*) дружины, а дружиною налезу сребро и злато, яко же дед мой и отец мой доискася дружиною злата и сребра» [4].

Неудачи, а тем более гибель князя неизменно отражались на его слугах. Когда князь Всеволод Ольгович выгнал своего дядю Ярослава из Чернигова, он «всю дружину его посече и разграби».

Во всех сколько-нибудь значительных предприятиях князья должны были советоваться со своими боярами и вообще опираться на общественное мнение всей дружины. Летописец с неодобрением говорит про князя Владимира Галицкого, что он любил выпить и «думы не любяшеть с мужми своими» (Ипатьевская летопись. 1188 г.) [5]. Насколько опасно было для князя затеять какое-либо большое дело без согласия и поддержки бояр, можно видеть на примере случая из жизни князя Владимира Мстиславича Волынского, который задумал поход на своего племянника Изяслава, князя киевского, без совета с дружиной. Бояре сказали ему: «О собе еси, княже, замыслил, а не едем по тобе (то есть с тобой.— *С. В.*), мы того не ведали» [6], то есть знать не знаем и знать не хотим. Неразумный и упрямый князь решил обойтись без старейшей дружины. Обращаясь к своим «детским», то есть к молодшей дружине, он сказал: «А се будут мои бояре» — и отправился с ними в поход, но был разбит, его отроки «детские» все перебиты, а сам он бежал в Дорогобуж (1169 г.) [7].

Присяга связывала дружинника, но она же, как и обычаи дружиннической службы, связывала и князя. Князь должен был быть милостивым и щедрым, справедливым покровителем и защитником своих слуг, верным своему слову так же, как дружинник своей присяге. Князь должен был блюсти и охранять «честь» своих бояр, то есть то положение, которое боярин занимал в дружине князя по своей личной службе и по заслугам своих родителей.

На этих представлениях о служебной «чести» дружинника и о долге князя блюсти «честь» своих слуг зародились и с течением времени упрочились обычаи местничества, вносившие в княжеские дружины порядок и дисциплину. Эти обычаи ограничивали произвол князя в награждении и выдвижении своих слуг и в то же время полагали известные пределы честолюбию и чрезмерной предприимчивости княжеских дружинников. Есть указания, что в древнейшие времена дружинник, заявлявший чрезмерные претензии на выдвижение и оскорблявший таким образом «честь» другого дружинника, не менее заслуженного, чем он, но более умеренного в своем честолюбии, по приговору князя и его бояр мог быть «выдан головой», то есть в полное рабство, дружиннику, которого он «обесчестил» своими притязаниями.

Летописцы, воздавая похвалу князю Васильку Константиновичу Ростовскому, убитому татарами Батыя за отказ покориться ханской власти (1238 г.), в своем похвальном слове рисовали как бы идеал князя своего времени: «Бе же Василько лицом красен, очима светел и грозен, паче меры храбор, на ловех вазнив, сердцем легок, до боляр ласков, а кто ему служил, и хлеб его ел, и чашу его пил, то той за любовь его никако же не можааше быти у иного князя, ни служити, излишне бо слуги своа любяше. Мужество и ум в нем живяше, правда же и истинна с ним ходиста» [8].

Если князь был скуп и несправедлив, обижал дружинника своим жалованием и относился небрежно к «чести» своего слуги, отдавая предпочтение новым любимцам, то дружинник имел право «сложить с себя крестное целование» и «отъехать» к другому князю. Не следует, однако, представлять себе отказ дружинника от присяги и отъезд

как простой бытовой факт. Подобно тому как крестьянин, желавший отказаться и перейти на новое место, к другому землевладельцу, должен был соблюсти обычные правила отказа, чтобы не оказаться в положении беглого, уклоняющегося от исполнения принятых на себя обязательств, так же и дружинник, недовольный своим князем, должен был соблюдать соответствующие обычаи. Во-первых, он должен был «бить челом» князю о своей обиде в присутствии других слуг князя. Во-вторых, он должен был найти представителя церковной власти, который признал бы его отказ от присяги уважительным и «разрешил» его от присяги и крестного целования. Недопустим был отказ во время похода, а также в тех случаях, когда князь был в плену или в отлучке, например в Орде.

И князь, со своей стороны, налагая за какую-либо провинность дружинника опалу и наказание, должен был соблюдать известные обычаи. Он должен был объявить дружиннику его вину прямо в лицо в присутствии своей старшей дружины, и в своих решениях опираться на общественное мнение дружины. В опале он был волен и мог наложить любое наказание, но он был обязан дать провинившемуся слуге «исправу», то есть возможность сказать все, что он имеет, в свое оправдание. Поэтому заглазная опала, а тем более наказание считались со стороны князя поступком недопустимым и предосудительным.

Судя по истории отдельных боярских родов, случаи отъездов бояр и слуг вольных были гораздо реже, чем это представляют себе историки. Да и вообще ходячие представления о «бродячести» древних дружинников следует признать сильно преувеличенными.

«Делатель трудися»
Древнейшее изображение смерда
Рисунок на полях рукописи XII в.

Бояре-дружинники были не только лично хорошо вооруженными и опытными воинами, но и одновременно они были организаторами и предводителями своей «чади». Они выходили в поход со своим князем во главе младших родичей и со своим «полком-дружиной» из вольных слуг, послужильцев и рабов. Военные силы русских князей, как и армии раннего средневековья Западной Европы, не знали строевой дисциплины в собственном смысле слова, как не знали и правительственной организации вооружения и продовольствия ратных сил. Каждый воин, отправляясь в поход, должен был сам позаботиться о своем вооружении и о продовольствии в походе. Порядок и дисциплина в походе и боях поддерживались личными связями боярина-дружинника с его

«чадью», слугами и послужильцами и личной же связью боярина со своим князем.

Поскольку дружинник жил во дворе князя, он «ел его хлеб и пил его чашу», получая иногда в подарок от князя коня, оружие, «порты», то есть платье, и т. п. Но основу существования и благополучия дружинника составляли военная добыча и кормления при исполнении различных должностей в управлении княжеством и в хозяйстве княжеском.

Несомненно, что дружинники, «княжие мужи» разных чинов, с незапамятных времен владели иногда «селами», то есть землей, но их хозяйство в селах сводилось главным образом к использованию природных богатств — рыбных и бобровых ловель, пушного зверя, бортных угодий, где водились в изобилии пчелы, изредка — соляных варниц. Земледелие в собственном смысле слова играло в их хозяйстве небольшую роль и было рассчитано не на сбыт, а на удовлетворение личных потребностей дружинника, его чад и домочадцев.

Хозяйство велось главным образом при помощи рабов, без значительных затрат самого землевладельца. Если на земле дружинника сидели его слуги и различные зависимые люди, то они вели личное хозяйство на свой страх и риск и за пользование землей, защиту и покровительство землевладельца-дружинника несли различные службы и платили своему «государю» различные натуральные доходы.

Получал ли дружинник землю от князя или приобретал на свои средства, он легко мог развернуть хозяйство описанного выше склада, без особого риска мог оставлять его на долгое время без присмотра и так же легко мог свернуть свое хозяйство и бросить землю, захватив с собой все на-

иболее ценное — рабов, скот, незатейливый инвентарь и запасы различных продуктов.

В общем можно сказать, что дружинники древнейшей формации были связаны со своими князьями не своими землевладельческими интересами, а присягой и личными связями с князем. При переходе князя с одного стола на другой и из города в город дружинники обыкновенно следовали за ним, а после смерти князя служили в большинстве случаев его сыновьям или, при отсутствии сыновей, его младшим братьям.

Глава третья

Переход Ратшичей на службу к московским князьям и боярство великого князя Дмитрия Донского

После смерти великого князя Александра Невского (1263 г.) сыновья Гаврилы Алексича, как было в обычае у настоящих дружинников, стали служить его сыновьям. В начале XIV в. мы находим их на службе у Андрея Александровича, третьего сына Александра Невского. Андрей Александрович получил великое княжение в 1294 г. и прозывался Городецким, так как большую часть своей жизни прожил в своем уделе, в Городце на Волге, где и был погребен в 1304 г. Андрей Городецкий не оставил мужского потомства, и после его смерти возник вопрос, кому быть великим князем. Старшим в роде был князь Михаил Ярославич Тверской, племянник Александра Невского, но у него оспаривал великое княжение Юрий Данилович Московский, старший племянник Андрея Городецкого.

В связи со спором князей о великом княжении стал вопрос и о Переяславле Залесском, стольном городе Александра Невского. Переяславль после смерти Александра Невского достался его старшему сыну — великому князю Дмитрию, а после

смерти Дмитрия (1294 г.), был за его сыном Иваном. Иван Дмитриевич, умирая бездетным (1302 г.), отдал Переяславль своему дяде Даниилу Александровичу Московскому. Законность этого распоряжения была весьма сомнительной и спорной, но Даниил Александрович, а после его смерти его сын Юрий Московский «засели», то есть заняли, Переяславль и присоединили его к великому княжению.

Итак, в 1304 г. Михаил Тверской и Юрий Московский «сперлись» о великом княжении и отправились для разрешения своего спора в Орду. Юрий, уезжая в Орду, посадил в Переяславле своего младшего брата, Ивана Калиту. Княжеские бояре в силу присяги, обязывавшей их всегда и во всем «добра хотеть» своему князю и его детям, принимали деятельное участие в спорах и междоусобиях князей из-за столов. Летописи сообщают, что в связи с распрей Михаила Тверского и Юрия Московского «бысть замятна в Суздальстей земле во всех градех». В Костроме было убито несколько бояр. В том же мятеже был убит Александр Зерно, сын которого, Дмитрий, впоследствии выехал служить в Москву и стал родоначальником боярских фамилий Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых-Зерновых. В Нижнем Новгороде в кровавых схватках приняли участие «вечники», то есть все население, за что князь Михаил Тверской, вернувшись из Орды, перебил зачинщиков веча [1].

Бояре князя Андрея Городецкого, умершего бездетным, остались без государя и решили принять сторону Михаила Тверского. Летописи непосредственно после сообщения о смерти Андрея Городецкого, не находя нужным объяснять связь событий, говорят: «Болярин же его Акинф и с ча-

ды своими и прочие боляре идоша во Тверь ко князю Михаилу Ярославичю, братаничю Александрову» [2]. Затем после рассказа о поездке князей в Орду летописец сообщает: «И тогда усмотрив си время, болярин тверский, именем Акинф, хотя сотворити угодное князю своему, прииде со многими воиньствы на великого князя Ивана Даниловича, седящу ему тогда на великом княжении во граде Переяславли» [3]. Некоторые летописцы поясняют, что Акинф Великой хотел «вверитися и угодное сътворити князю своему», то есть заслужить доверие и милость нового господина [4].

Так, Акинф Великой на свой страх и риск задумал «засесть» Переяславль и захватить в плен Ивана Даниловича. Переяславль не был подготовлен к обороне, Иван Калита не успел собрать ратных людей и хотел уехать в Москву, но переяславцы не пустили его и решили отсидеться в осаде, «к тому же приспела и московская рать, и бишася зело крепко» [5]. О бое под Переяславлем летописи рассказывают коротко, что тверская рать была разбита, сам Акинф и его зять Давид были убиты, а сыновья Акинфа Иван и Федор спаслись бегством в Тверь. Родословное предание Квашниных прибавляет несколько интересных подробностей. На выручку князя Ивана Даниловича приспел «с своим полком» Родион Нестерович Рябец (родоначальник Квашниных). Акинф Великой с тверской ратью уже три дня стоял под Переяславлем, подготовляя приступ. Родион послал сквозь тверские полки своих двух слуг, Сарыча и Свербея, с известием о своем приходе. Князь Иван Данилович в ту же ночь вернул Сарыча с ответом, «а Свербия у себя оставил для веры, потому что Окинфова дочь была за Иваном Родионовичем». По сговору осажденные сделали вылазку, а Родион

ударил в тыл тверской рати. Тверичи были разбиты наголову, причем Родион лично убил Акинфа [6].

Выезд сыновей Акинфа Великого и других Ратшичей в Москву, как и бой под Переяславлем, связан с последующими этапами борьбы тверских князей с московскими за великое княжение. Юрий Данилович щедро «умздил» в Орде хана, его жен и вельмож, но ярлык на великое княжение все-таки получил Михаил Тверской. Юрий Московский, продолжая хлопотать в Орде о великом княжении, в 1315 [или 1316] г. женился на Кончаке, сестре хана Узбека, раздавал «дары многие», но ничто не помогло, и Михаил сидел на великом княжении до своей смерти в 1318 г. Только после смерти князя Михаила Юрий Московский стал великим князем [7]. Но в 1322 г. тверские князья опять получили ярлык на великое княжение. После смерти князя Юрия борьбу продолжал его брат Иван Калита и наконец в 1328 г. получил в Орде ярлык на половину великого княжения, а в 1332 г. новый ярлык — на все великое княжение.

Тверские князья продолжали бороться, но в 1338 г. понесли тяжелое поражение — по приказу хана в Орде были убиты тверские князья Александр Михайлович и его сын Федор. Иван Калита использовал это, чтобы нанести тверичам сугубое унижение — «взял изо Твери колокол от церкви святого Спаса (соборного храма.— *С. В.*) на Москву» [8]. Смерть князя Александра и его сына освобождала от присяги тверских служилых людей, дело тверских князей казалось им безнадежно проигранным, и к этому именно времени относится немотивированное сообщение летописей о выезде многих тверских бояр в Москву [9].

В числе выехавших в Москву бояр были и Ратшичи, всем родом, как это было тогда в обычае,

то есть сыновья Акинфа и его брата Ивана Morхини с чадами и домочадцами, со своими дружинами слуг, послужильцев и рабов. Уже в 1339 г. мы видим на службе в Москве двух представителей рода. По приказу хана великий князь Иван Данилович отпустил с ханским послом Товлубием к Смоленску своих воевод — Александра Ивановича Морхинина и Федора Акинфовича, который в 1304 г. бежал из-под Переяславля. А в 1349 г. упоминается в Москве и другой сын Акинфа, Иван, которого великий князь Симеон Гордый посылал со своей ратью на Великий Новгород [10].

Внуки Гаврилы Алексича выехали в Москву «всем родом», с чадами и домочадцами, с многочисленными слугами, послужильцами и челядью, и заняли в среде московского боярства высокое положение. Очевидно, они принесли с собой большое богатство в виде хорошего оружия, платья, лошадей, домашнего скота и рабов.

У Александра Ивановича Морхинина по родословцам было пять сыновей, причем потомство показано только у Григория Пушки. В действительности от Владимира Холопища пошла фамилия Холопищевых, от Давида Казарина пошли Гавриловы, от Федора Неведомицы — Неведомицыны. Молчание родословцев о потомстве этих сыновей Александра Морхинина объясняется тем, что эти фамилии с течением времени захудали, выбыли из среды «родословных» людей и в середине XVI в., когда составлялся Государев родословец, не подали росписей своих родов *.

---

* У Владимира Холопища по летописям известен сын Григорий Владимирович, который в 1395 г. был воеводой великого князя Василия Дмитриевича в Нижнем Новгороде [11].

Григорий Александрович Морхинин получил в Москве прозвище Пушка. В середине XIV в. в Москву стали проникать сведения об изобретении огнестрельного оружия, для определения которого на основе русских корней «пыл» и «пых» было образовано новое слово «пушка». Оправдывалось ли какими-либо личными чертами характера Григория Морхинина применение к нему прозвища Пушка, сказать невозможно, так как прозвища нередко давали с детства и без всякой связи с личными качествами человека *.

О службе Григория Александровича Пушки ничего не известно. Относительно же его потомства следует заметить, что оно в XV — XVI вв. отличалось по сравнению с потомством Акинфа Великого и множества других боярских родов совершенно исключительной плодовитостью. В XVII и XVIII вв. плодовитость Пушкиных разных фамилий значительно падает. Этот несомнен-

* Нет сомнения, что иногда прозвища бывали меткой характеристикой лица. Таковы, например, прозвища Хромой, Криворот, Косой, Шадра (рябой от оспы), Свибло (шепелявый, косноязычный), Возгра и Возгривая Рожа (сопливая).

В XVII в. один из Бутурлиных имел прозвище Очунная Рожа, вероятно, потому, что у него на лице было застывшее выражение глупого изумления. Но несомненно, что в большинстве случаев прозвища давали без всякой связи с личными качествами лица, по каким-то другим соображениям. Так, в роде потомков смоленских князей Фоминских в XV в. в четырех поколениях употреблялись ботанические прозвища: Трава (от него — Травины), Осока, Пырей, Щавей, Дятелина, Вязель (полевой горох) и т. п. Один из рабов Травиных носил прозвище Отрасль, а его сын — Ветка Отраслев. В роде Линевых в XV—XVI вв. были в ходу рыбьи прозвища: Сом, Окунь, Ерш, Карась и т. п. В роде Тыртовых в XVI в. были в употреблении звуковые прозвища: Зук (Звук), Шум, Гам и Крик.

ный факт заслуживает, как мне представляется, специального исследования. С чисто исторической точки зрения об этом следовало упомянуть, так как чрезмерно успешным размножением Пушкиных в XV в. объясняется их служебное и социальное снижение. Обладая первоначально большими, несомненно, вотчинами, Пушкины дробили их постоянно в семейных разделах, мельчали и спускались в слои рядовых служилых землевладельцев. Что Григорий Пушка был незаурядным служилым человеком, с несомненностью можно заключить из того, что его отец был воеводой и, может быть, даже боярином, а четвертый сын, Федор Товарко, был впоследствии в боярах.

Потомки Акинфа Великого заняли на московской службе неизмеримо более высокое положение, чем Пушкины. Отчасти это объясняется, вероятно, тем, что и сам Акинф был значительнее своего старшего брата Ивана Морхини, но, несомненно, большое значение имело и то, что Акинфовичи размножались гораздо умереннее Пушкиных.

Федор Акинфович, в молодости бежавший (в 1304 г.) из-под Переяславля и в 1339 г. бывший воеводой Ивана Калиты, умер бездетным, вероятно, во время одного из моровых поветрий середины XIV в. Его брат Иван Акинфович в середине века был в боярах. В Харатейном (пергаментном) списке синодика Успенского собора он записан среди самых крупных бояр XIV в. [12]

Из четырех сыновей Ивана Акинфовича самым замечательным был старший — Андрей. Младший сын, Михаил Иванович, в молодости пал на Куликовом поле смертью храбрых и не оставил потомства. От второго сына, Владимира, пошли фамилии Замытских и Застолбских. Замытские по-

лучили свое фамильное прозвище от Замытского стана Переяславского уезда, где у них были большие вотчины, а Застолбские прозывались по селу Застолбью во Владимирском уезде. Эта линия рода вымерла в XVI в. Наконец, третий сын, Роман, по весьма вероятному показанию генеалогических источников, был великокняжеским боярином. Он носил прозвище Каменский, по вотчине на реке Каменке в Каменском стану Бежецкого уезда. От него пошли фамилии Каменских, Курицыных и Волковых-Курицыных. Все эти фамилии в XV в. были вытеснены из рядов великокняжеского боярства и дали большое количество рядовых служилых людей великих княгинь и удельных князей, а позже опустились еще ниже — в ряды городовых детей боярских.

Исторически самым значительным было потомство старшего брата — Андрея Ивановича Акинфова. Пятеро его сыновей, а может быть, и все шесть, были боярами великих князей Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича.

Старший сын боярина Андрея Ивановича — Федор Свибло (свиблой, швиблой — шепелявый, косноязычный) — в 1366—1367 гг., будучи молодым человеком, принимал участие в спешной постройке первых каменных укреплений Московского Кремля и оставил по себе память до наших дней в названии одной из башен кремлевских стен *. Большое историческое значение этого предприятия Дмитрия Донского не только для самой Москвы, но и для всего Московского княжения сказалось в следующем же 1368 г., когда великий князь литовский Ольгерд произвел вне-

* Свибловой или Водовзводной называется угловая башня вправо от Боровицких ворот к реке Москве.

запный набег на Московское княжение и должен был отступить перед неожиданно для него воздвигнутыми укреплениями Москвы. В 1377 г. Федор Свибло был воеводой в походе на Мордовскую землю [13]. Из таких походов воеводы возвращались, по выражению летописцев, «с великой корыстью», то есть с большой добычей.

Во время похода Дмитрия Донского против Мамая Федор Свибло был оставлен в Москве для охраны столицы и путей сообщения с Москвой вышедших в поход полков [14].

В 1384 г. Федор Свибло во главе нескольких бояр ездил в Великий Новгород за «черным бором», данью Орде, которую московский великий князь за своей ответственностью уплачивал за все великое княжение, а затем взыскивал по разверстке с Новгорода и удельных княжеств их доли. Господин Великий Новгород платил «черный бор» неохотно, с задержками и постоянными пререканиями. Поэтому поездки за «черным бором» были делом ответственным, подчас не совсем безопасным, и были поручаемы обыкновенно самым выдающимся боярам. И на этот раз у московских послов произошло какое-то столкновение с новгородцами, о котором летописи говорят неясно. Новгородцы выехали на Городище тягаться с боярами, спор перешел в свалку, и «Свиблова чадь», то есть дружина, бежала в Москву, «исправы не учинив», а иные остались с боярами добирать «черный бор» [15].

В 1389 г. Федор Свибло в числе самых близких к великому князю Дмитрию Донскому бояр был свидетелем его духовного завещания [16]. После смерти Дмитрия Донского Свибло упоминается в числе великокняжеских бояр, производивших мену землями великого князя Василия Дмитрие-

вича с митрополитом Киприаном. В самом конце XIV или в начале XV в. Федор Свибло по неизвестной причине подвергся опале и все его вотчины и имущество были конфискованы * [17].

Второй сын, Иван Андреевич Хромой, был выдающимся боярином Дмитрия Донского и его сына. Подпись Ивана Хромого на духовной грамоте Дмитрия Донского говорит о его близости к великому князю. Иван Хромой женился на дочери боярина Дмитрия Александровича Монастырева и получил в приданое большую вотчину на Белоозере — волость Старую Ергу (ныне село Ерга-Воскресенское), которая находилась в роду Хромого около 200 лет [19]. В потомстве Ивана Хромого никогда не бывало более двух человек в колене, и его потомки были так «велики» и всем хорошо известны, что в различных актах назывались по имени и отчеству и не пользовались никаким фамильным прозвищем.

Третий сын, Александр Андреевич Остей, получил боярство в конце княжения Дмитрия Донского. В 1385 г. он был наместником в Коломне, где был захвачен в плен великим князем Олегом рязанским. Вскоре, однако, он был освобожден из плена и в 1389 г. со своими старшими братьями был свидетелем духовной Дмитрия Донского. В последний раз Остей упоминается в 1416 г. как боярин на суде великого князя Василия Дмитриевича [20]. От Александра Остея пошли боярские фамилии Чеботовых, Чулковых и Жулебиных.

Следующие сыновья Андрея Ивановича появляются на исторической сцене при великом князе

---

* Единственный сын Федора Свибла, Семен, был убит в 1438 г. под Белевом, и на нем пресеклась эта линия рода [18].

Василии Дмитриевиче. Перечислю происшедшие от них фамилии. От Ивана Бутурли пошла самая плодовитая и долговечная боярская фамилия — Бутурлиных; от Андрея Слизня пошли фамилии Мятлевых, Булгаковых, Слизневых; наконец, от младшего сына, Михаила Андреевича, пошла фамилия Челядниных, которые более ста лет находились в первых рядах московского боярства.

Так, можно сказать, что Акинфовичи с первых же шагов службы в Москве заняли очень высокое положение, а сыновья Андрея Ивановича начиная с княжения Дмитрия Донского вошли в среду московского боярства целой фалангой, оттесняя на вторые места старые московские роды.

Гаврило Алексич и Акинф Великой были представителями той древней формации княжеских слуг, которая сложилась при первых Рюриковичах, когда Северо-Восточная Русь не имела еще ни общепризнанного политического центра, ни единого наследственного государя-правителя. Во второй четверти XIV в. в упорной борьбе суздальских, московских и тверских князей ясно намечается перевес Москвы. В четвертом десятилетии века, когда Иван Калита получил великое княжение, на службу в Москву приходят крупнейшие представители великокняжеского боярства: Андрей Иванович Кобыла, потомки Миши Прушанина во главе с Иваном Семеновичем Морозом, Дмитрий Александрович Зерно, родоначальник Сабуровых и Годуновых, и др. Около 1338 г. в Москву выезжают многие тверские бояре, и в том числе Ратшичи, всем родом. Во второй половине XIV в. тверские и суздальские князья пытаются еще продолжать борьбу, но перевес Москвы становится несомненным. Так, в какие-нибудь 25—30 лет со дня смерти Ивана Калиты (1341 г.) в

Москву собираются все элементы старого великокняжеского боярства и образуют крепкое ядро правящей верхушки будущего Московского государства.

Притягательная сила Москвы как организующего центра была так велика, что в это же время в нее стекается множество выходцев из-за рубежей. Спасаясь от засилья Литвы, пришли в разное время смоленские княжата—Фоминские, Березуйские, Ржевские, Дмитрий и Владимир Александровичи Всеволожи и др. Спасаясь от Литвы же и от татар, приходили княжата и бояре с Волыни и из Чернигово-Северской земли: Дмитрий Михайлович Боброк Волынский, Иван Федорович Шонур Козельский, брянские бояре Пересвет и Ослябя, киевский боярин Родион Нестерович и др. Междоусобия в Литве сыновей Ольгерда привели в Москву Дмитрия Ольгердовича Брянского и Андрея Ольгердовича Полоцкого.

От татар бежали в Москву измельчавшие потомки муромских князей. Наступивший в Золотой Орде после смерти хана Узбека (1353 г.) длительный период дворцовых переворотов выбрасывал из Орды в разные стороны татарских царевичей и мурз, потерпевших поражение в борьбе. Так, приехал в Москву и крестился царевич Серкиз, от которого пошла боярская фамилия Старковых. Остался в Москве ханский посол Алабуга, приехавший из Орды с Дмитрием Донским, и стал родоначальником фамилии Мячковых.

Великий князь Дмитрий Иванович, как говорит английская поговорка, был надлежащим человеком на своем месте, то есть именно таким человеком, который был нужен в свое время на месте государя-правителя.

Дмитрий остался после смерти отца мальчи-

ком и был воспитан московским боярством в традициях дружинических товарищеских отношений князя к своим слугам. Рослый, дородный, всегда уравновешенный и спокойный, бесхитростный, но в то же время осмотрительный и осторожный, Дмитрий всем внушал доверие, умел принять пришельцев, пожаловать каждого по достоинству, не обижая старых слуг, расставить старых и новых слуг по своим местам и заставить всех служить общерусскому делу.

В первом открытом столкновении Руси с татарами, в бою на реке Воже в 1378 г. во главе московских полков пошел, разбил татар и сам был убит недавний выходец из Смоленска Дмитрий Александрович Монастырев [21]. Через два года Русь сделала героическую попытку сбросить ненавистное татарское иго. Дмитрий Донской объединил на Куликовом поле почти всю Северо-Восточную Русь и поставил в бою с Мамаем плечом к плечу своих старых слуг и множество выходцев из-за рубежей.

Смоленские княжата Дмитрий и Владимир Всеволожи сражались во главе передового полка. Во главе Коломенского и Переяславского полков сражался и был убит сын ордынского царевича Андрей Иванович Серкизов. Дмитрий и Андрей Ольгердовичи, братья великого князя литовского Ягайла, союзника Мамая, были воеводами засадного полка. Дмитрий Михайлович Боброк Волынский, воевода того же засадного полка, своевременным выступлением решил исход боя. Родион Ржевский и выходец из Литвы Семен Мелик перед боем произвели глубокую разведку движения татар в степях, а Семен Мелик после этого принял участие в бою и пал на Куликовом поле смертью храбрых [22].

Печать Дмитрия Донского со словами «Все ся минет». Свинец.

На помощь Дмитрию пришли княжата — белозерские, ярославские, ростовские, Иван Всеволодович Холмский, тарусские и оболенские князья.

Много надо было такта, выдержки и упорства, чтобы объединить столь разнородные элементы, сорганизовать их и достигнуть победы над страшным врагом, казавшимся всем непобедимым.

Основное ядро боярства Дмитрия Донского, состояло из небольшого сравнительно числа родов, не успевших еще разбиться на множество фамилий, как это произошло позже. Это ядро, состоявшее приблизительно из 25—30 родов, было правящей верхушкой Московского великого княжения, организатором его военных сил и [источником] кадров помощников Дмитрия Донского по управлению его хозяйством.

Виднейшие представители этих родов были все наперечет лично известны князю, знали друг друга, а многие из них были связаны между собой и с великокняжеским домом узами родства.

Дмитрий Донской и его любимый боярин Микула Васильевич Вельяминов, убитый на Куликовом поле, были женаты на родных сестрах, дочерях князя Константина Дмитриевича Суздальского. Дмитрий Михайлович Боброк Волынский при выезде в Москву женился на сестре Дмитрия Донского. Дочь Микулы Вельяминова была замужем за боярином Иваном Дмитриевичем Всеволожем, а дочь Ивана Всеволожа вышла замуж за князя Андрея Владимировича Радонежского. Старший брат последнего был женат на Марье Голтяевой Кошкиной (Кобылиной). Сын Дмитрия Донского Петр Дмитровский женился на дочери Полиевкта Вельяминова, младшего брата Микулы, свояка великого князя. Боярин Михаил Иванович Морозов по своей жене приходился шурином Микуле и Полиевкту Вельяминовым.

Родственные сплетения боярских родов между собой хорошо характеризуются браками пяти дочерей Дмитрия Александровича Монастырева. Не имея сыновей, он мог дать хорошее приданое своим дочерям и выдал из них замуж — одну за боярина Ивана Андреевича Хромого, другую — за боярина Александра Андреевича Белеута, третью — за воеводу Дмитрия Донского Ивана Чепечку, четвертую — за героя Куликовской битвы Семена Мелика, наконец, пятую — за Ивана Толбугу, потомка смоленских княжат, родоначальника Толбузиных [23].

Летописный рассказ о смерти Дмитрия Донского прекрасно обрисовывает взаимные отношения Дмитрия и его бояр. Особая «Повесть о житии и преставлении великого князя Дмитрия» подробно излагает его предсмертные заветы. Обращаясь к сыновьям, Дмитрий говорил: «И боляры своя любите, честь им достойную воздавайте про-

тиву служению их, без совета их ничьто же не творити». Боярам Дмитрий говорил: вы зна мой нрав и обычай, при вас я родился и вырос, с вами царствовал и держал свою вотчину, великое княжение, «мужествовах с вами на многи страны», вами был страшен в бранях врагам, вами поражал и покорял врагов, и великое княжение «вельми укрепих», великую честь и любовь имел к вам, «под вами грады держах и великия власти», детей ваших любил и никому из вас не сделал зла, никому не досадил, никого не обесчестил, но всех любил и держал в великой чести, радовался с вами и скорбел,— вы были у меня не боярами, а князьями моей земли [24]. В заключение Дмитрий напоминал боярам их присягу наследственно служить его детям, не щадя своих голов.

Глава четвертая

Землевладение потомков Гаврилы Алексича
в уездах Московского княжения и владения Пушкиных в Подмосковье

Во второй половине XIV в. великокняжеская власть московских государей неуклонно растет и крепнет, и Москва приобретает значение общепризнанного политического центра Северо-Восточной Руси. Бояре и слуги вольные московских князей почувствовали под собой твердую почву и стали прочно оседать на землю, расчищать первозданные дремучие леса и расширять земледельческое хозяйство. Экономические факторы этого важного процесса скрыты от нашего наблюдения полным отсутствием соответствующих памятников письменности. Судить об этом мы можем только по косвенным признакам.

В попытках осветить хоть сколько-нибудь эти важные и сложные явления мы должны указать в первую очередь два фактора.

Покорение Руси монголами более чем на два столетия остановило расселение славян в восточном и юго-восточном направлениях. Среднее и нижнее течение Оки надолго стало пределом, за которым мирный труд земледельца подвергался постоянной опасности разорения со стороны ко-

чевников. С середины XIV в. начинается распад Золотой Орды, и после образования Крымского, Казанского и Астраханского самостоятельных ханств положение южных и восточных окраин еще более ухудшается.

Под постоянной угрозой разорения население отливало на запад, в междуречье Ока — Волга.

Это обстоятельство в значительной мере способствовало усилению Москвы и Твери. Скопившееся в междуречье Ока — Волга население стало заселять обойденные первыми поселенцами дремучие леса на водоразделах рек. Есть множество указаний, что вторая половина XIV в. и почти весь XV в. были временем наиболее интенсивного истребления лесов в средней полосе Руси. Признав это, мы подходим ко второму очень важному фактору, обусловившему развитие земледельческих промыслов. Расчистка и истребление лесов сопровождались истощением природных богатств. Такой ценный пушной зверь, как бобр, в Подмосковье был истреблен уже в конце XIV в. По мере истребления лесов иссякали и другие природные богатства. Большие бортные леса, окружавшие стены Кремля и московского посада в XIV в., через столетие отодвигаются на сотни верст от Москвы.

Тот же процесс усиленной расчистки лесов и истребления природных богатств мы можем наблюдать и вокруг других крупных городов Руси.

Князья, чтобы привлечь к себе людей, на первых порах щедро раздавали им землю, всяческими льготами поощряли заселение пустых земель, которых в XIV в. в Московском княжестве было много. Нет сомнения, что бояре и слуги вольные приобретали землю и на свои средства, поселяли на ней крестьян и заводили хозяйство.

Бояре и слуги вольные наряду с самими князьями и с монастырями принимали деятельное участие в этом внутреннем заселении Руси. Так, приблизительно с середины XIV в. тип старого дружинника-воина стал перерождаться и начала складываться новая формация господствующего класса. Воин прочно садится на землю, заводит на ней хозяйство и тесно связывает свои интересы с владением землей и становится сельским хозяином.

Наши сведения о древнем боярском землевладении очень скудны, их приходится собирать с большим трудом, по крупицам, в самых разнообразных источниках. Однако и то сравнительно немногое, что удается сделать, дает весьма выразительную картину.

Ратшичи, как один из очень значительных боярских родов, оставили по себе довольно много следов в различных актах и в названиях существующих и исчезнувших селений. Не буду делать ссылок на многочисленные источники, что потребовало бы много места, так как это в значительной мере представляет специальный интерес. О землевладении потомков Гаврилы Алексича до перехода их на службу в Москву мы, к сожалению, ничего не знаем. Все известные нам владения приобретены на службе в Москве во второй половине XIV в. и позже.

Сыновья боярина Андрея Ивановича Акинфова, жившего в середине XIV в., представляются людьми очень богатыми и, как тогда говорили, многовотчинными.

О вотчинах Федора Андреевича Свибла, конфискованных у него в опале в конце XIV в. или в самом начале XV в., мы узнаем из духовных грамот великого князя Василия Дмитриевича. Под Москвой ему принадлежали села Буйловское

и Тимофеевское с мельницей на реке Яузе. Местонахождение села Буйловского неизвестно. А Тимофеевское на Яузе — это существующее ныне на окраине города Москвы село Свиблово. В уезде Переяславля-Залесского ему принадлежали села Весьское и Родионовское недалеко от Переяславского озера. В уезде Юрьева-Польского упоминаются села Федора Свибла: Чагино, Савельевское, Иворово и Карабузино. В Бежецком уезде (впоследствии — Тверской губернии) ему принадлежало село Максимовское. Чтобы обеспечить себя и свое хозяйство рыбой, он приобрел в Нижегородском уезде село Непейцыно. Затем, Федору Свиблу принадлежало несколько сел в Ростове, на Вологде — в Отводном стану и в Сямской волости (на запад от Кубенского озера) и в далекой Устюжской земле, — «и все села Свибловские Федоровские», — прибавляет духовная, не указывая их поименно [1].

У Ивана Андреевича Хромого, жившего во второй половине XIV в., известны следующие владения. Женившись на дочери боярина Дмитрия Александровича Монастырева, потомка смоленских княжат, он получил в приданое на Белоозере целую волость — Старую Ергу, Воскресенское тож, с небольшим вотчинным монастырьком и рыбными ловлями в реке Шексне. Это крупное владение принадлежало потомкам Ивана Хромого около двухсот лет и перешло к Кириллову Белозерскому и Новоспасскому Московскому монастырям после казни в опричнине в 1567 г. последнего представителя рода Ивана Хромого — боярина Ивана Петровича Федорова [2].

В роде Ивана Хромого известны еще следующие старые владения: в Коломенском уезде — Кишкино-Челяднино и Мартиновское, существую-

щие ныне; в Калуге — Губин угол; в Бежецком уезде — села Ивановское Большое и Ивановское Меньшое; в Звенигороде — Салославль, позже Салослово.

У третьего сына Андрея Ивановича, у Александра Остея, известно несколько владений под Москвой и в старых уездах Московского великого княжения. Самым древним владением можно признать село Жулебино в десяти километрах на восток от Москвы и смежное с ним село Остеево, ныне не существующее, но известное нам по писцовым книгам XVI в. [3] Очевидно, здесь в конце XIV в. была большая вотчина Александра Остея, часть которой досталась его внуку Андрею, носившему прозвище Жулеба. Другое Остеево находится в 30 километрах от Переяславля Залесского, в уезде которого нам по актам известны села Русаново и Новоселка, принадлежавшие Василию Тимофеевичу Чулку Остееву [4]. В Нерехотской волости Костромского уезда, в бассейне реки Солоницы, Остею и его внуку Андрею Хрулю принадлежало село Тетеринское, которое он дал Горицкому Переяславскому монастырю во второй половине XV в. [5] Следует отметить еще Хрулево в 13 километрах от Волоколамска и Чулково в 18 километрах от Бронниц [6].

У четвертого сына, у Ивана Андреевича Бутурли, и его потомков известны по актам XV в. следующие владения: село Спасское в Арбужевеси Пошехонского уезда, которое его вдова Евфросинья продала в середине XV в. митрополичьему дому; в Углицком уезде село Воздвиженское на реке Пукше в 30-х годах XV в. было дано Троицкому монастырю сыном Ивана Бутурли иноком Геннадием. Затем, в XV в. известны владения Бутурлиных в Радонеже и в Бохове стану (бассейн

рек Учи и Вязи) [Московского уезда], где упоминается не существующее ныне село Старое Бутурлино, и, наконец, существующее ныне село Бутурлино в четырех километрах от Серпухова [7].

У потомков пятого сына боярина Андрея Ивановича Акинфова, у Андрея Слизня, были значительные владения вокруг Переяславского озера: села Нила и Бубеково и деревни Якимова и Рябинки. В Звенигороде известно принадлежавшее им селение Белкино, а в Бежецком уезде—сельцо Семково в нескольких километрах от города Городецка (позже и ныне Бежецка).

Наконец, Челядниным принадлежало в XV в. несколько очень древних и весьма крупных владений, быть может, XIV в., в южной части Ростовского княжества и за рекой Нерлью в северных станах Переяславского уезда: в Ростове, в бассейне реки Сары,— села Первятино и Новотроицкое с несколькими участками земли в соседней слободе Карашской; в Переяславле и Юрьеве — села Загорье, Маурино и др. В середине XV в. великий князь Василий Темный «пожаловал в куплю», то есть продал, Федору Михайловичу Челядне в Бежецке село Башарово, конфискованное в опале у Никиты Константиновича Добрынского [8].

Потомство Григория Пушки по своему служебному положению, как будет показано в следующей главе, было значительно ниже потомков Акинфа Великого. И в землевладении Пушкиных не было того широкого географического размаха, который мы видели у «многовотчинных» и могущественных боярских фамилий, происшедших от Акинфа Великого. Для Пушкиных характерно то, что в первых поколениях они держатся Подмосковья и уездов Московского княжения в его первоначальных пределах. И лишь с конца XV в.,

размножаясь и разбиваясь на несколько фамилий, Пушкины начинают приобретать поместья и вотчины в более отдаленных от Москвы уездах. Замечательно, что, расширяя с течением времени владения, Пушкины продолжают сохранять тесные связи с Москвой и Подмосковьем — с древнейших времен и почти до Александра Сергеевича.

Недостаток памятников письменности для истории землевладения Пушкиных за первые два столетия можно восполнить данными топонимики, то есть сведениями о происхождении названий существующих ныне селений. Дело в том, что, по приблизительным вычислениям, не менее двух третей селений Московской области получили свои названия от имен и прозвищ бывших владельцев. А у потомков Григория Пушки, если говорить только о первых трех поколениях, живших в XV в., были такие прозвища, которые неизвестны ни в одной другой дворянской фамилии.

В первой половине XV в. жили третий сын Григория Пушки — Василий Улита и четвертый сын — Федор Товарко, в середине века жил Михаил Никитич Рожон, внук Григория Пушки, а во второй половине того же века жили Михаил Муса и Иван Кологрив Тимофеевичи Улитины и внук Федора Товарка Иван Борисович Бужар (иногда Бужур).

После этих предварительных замечаний вернемся к названиям древнейших селений первоначальной территории Московского княжества, совпадающей в большей части с современной Московской областью.

С прозвищем Григория Александровича Пушки связано девять селений. Весьма возможно, что некоторые из них более позднего происхождения, то есть получили свои названия не от Григория

Пушки, а от кого-либо из его потомков. Тем не менее этот факт представляется весьма показательным.

Наиболее интересным является хорошо известное москвичам Пушкино на реке Уче, в 25 километрах от Москвы по Ярославской железной дороге. По актам известно, что в конце XV в. оно принадлежало как «старинное» владение митрополитам всея Руси, а после учреждения патриаршества было домовой вотчиной патриархов. Как и когда оно досталось митрополичьему дому, неизвестно. Возможно, что оно было приобретено в третьей четверти XIV в. митрополитом Алексеем непосредственно у Григория Пушки, но не исключена возможность, что оно было отчуждено кем-либо из многочисленных потомков Григория Пушки в XV в. [9]

Укажем затем три селения Пушкино в бывшем Бронницком уезде, из которых одно находится в трех километрах от города. В бывшем Московском уезде в двадцати километрах от Москвы находится Пушкино-Андриановское. Еще Пушкино мы находим в пятнадцати километрах от Богородска [современного г. Ногинска] и еще одно — в 26 километрах от Подольска. Наконец, два селения Пушкино находятся в бывшем Верейском уезде.

С прозвищем Василия Григорьевича Улиты связано селение Улитино в бывшем Звенигородском уезде, а с прозвищем его брата боярина Федора Товарка — деревня Товаркова в 10 километрах от Рузы.

Михаил Рожон Пушкин оставил о себе память в двух селениях — в Рожнове на реке Десне в 25 километрах от Подольска и деревне Рожнове в бассейне Истры [10]. Последняя была частью большого владения Пушкиных, которое, дробясь

между сонаследниками, перешло частью в младшую линию рода Пушкиных. Село Синево-Семеновское и Мушков погост принадлежали еще деду Александра Сергеевича. Деревня Рожнова в XVI в. была дана Чудову монастырю, а затем выкуплена у монастыря думным дворянином Гаврилой Григорьевичем, увековеченным А. С. Пушкиным в «Борисе Годунове».

С прозвищем Михаила Мусы связана деревня Мусина в 19 километрах от Волоколамска [11], впоследствии вошедшая в состав владения Ярополец, в пушкинское время принадлежавшего Гончаровым.

Наконец, с прозвищем Ивана Борисовича Бужара (иногда Бужура) Товаркова связано село Бужарово в нижнем течении реки Истры, о котором известно, что в 1512 г. оно было продано Ириной Товарковой Иосифову Волоколамскому монастырю [12].

Само собой разумеется, что на основании одних названий нельзя с полной уверенностью говорить о принадлежности всех упомянутых селений Пушкиным, но равным образом невозможно видеть в приведенных топонимических данных ничего не говорящую нам случайность. Позднейшие памятники письменности во многих случаях подтверждают, прямо или косвенно, принадлежность упомянутых выше селений Пушкиным разных фамилий. Не менее важно то обстоятельство, что в древней топонимике территорий бывших Рязанского, Тверского, Ярославского и Нижегородско-Суздальского княжеств мы не находим никаких следов имен и прозвищ Пушкиных. В XVI в. и позже Пушкины приобретают поместья и вотчины во многих уездах, отдаленных от Москвы, но это совершенно не отражается на названиях селений.

Это понятно. Употребление прозвищ в дворянских семьях с течением времени выходит из обычая, а затем развитие с конца XVI в. правительственных описаний фиксирует старые названия, независимо от их принадлежности тому или иному лицу. Затем входит в обыкновение крупные селения, села называть по храмам, а не по владельцам. В XVI и XVII вв. появляется множество селений с названиями: Введенское, Покровское, Никольское, Рождественское, Вознесенское и т. п., которые вытесняют из употребления старые названия.

Подводя итоги, можно смело сказать, что Пушкины с середины XIV в. прочно оседают в Подмосковье и в уездах Московского княжества в его тогдашних границах. А сохранившиеся акты XV и следующих за ним веков показывают, что Пушкины, в особенности младшей линии, из которой вышел А. С. Пушкин, продолжают поддерживать старые связи с Москвой и Подмосковьем более четырехсот лет. Достаточно сказать, что по писцовым книгам Московского уезда 1623—1627 гг., в Московской округе с радиусом приблизительно в 50 километров четырнадцати Пушкиным младшей линии принадлежало 20 поместий и вотчин, большей частью небольших размеров.

Интересно отметить те районы Подмосковья, в которых Пушкины гнездились в наибольшем количестве и держались дольше всего.

На первом месте следует поставить бассейны Малой Истрицы и ее притока Холохольни, нижнего течения Истры и бассейн реки Всходни и ее притока Горетвы. Здесь, в этом обширном районе сходились границы западных станов Московского княжества — Сурожского и Горетова — с гра-

ницами юго-западных станов Дмитровского удела — с Ижвой, Берендеевым станом и волостью Раменкой.

\ В духовной грамоте 1328 г. московский князь Иван Калита упоминает в числе своих владений и Мушкову гору [13]. Позже мы узнаем, что на Мушковой горе был погост Троицы и что он был центром Мушкова стана. Еще позже границы Дмитровского и Звенигородского уделов были перекроены, и получилось то деление на станы, которое упомянуто выше. В межевой грамоте уделов 1504 г. на границе Дмитровского удела упоминается несколько владений Курчевых-Пушкиных. Давиду Ивановичу принадлежало сельцо Вогнениково (ныне Огниково) в Радомле Московского уезда, а его брату Борису — Ломишино в Дмитрове, справа от Истрицы, Ивану Тимофеевичу Курчеву принадлежали в Горетове стану деревни Симанкова, Телешева и Павлова [14].

Затем, Пушкиным принадлежали следующие селения: справа от Истрицы — село Бужарово с 16 деревнями, ныне не существующими, Ломишино и Верхуртово, на запад от Бужарова и Ломишина — Ананово, Мартюшино, Матвейкова, Зорина и село Синево-Семеновское, а вблизи от него Мушков погост. Слева от Истрицы Пушкиным принадлежали: Софонтьево, село Дорна на речке Холохольне, Скориково, Степанково, Куртасово, Вогниково и Раково. Земля последнего селения ныне находится на дне Истринского водохранилища.

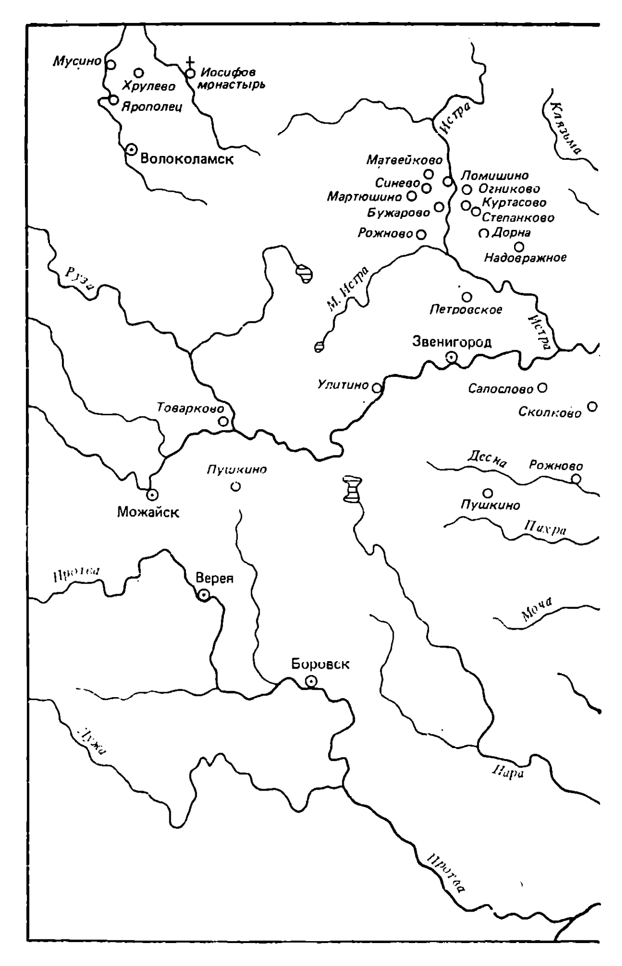
Все перечисленные селения лежали смежно и в первой половине XV в. составляли, вероятно, одно очень крупное владение. Во второй половине века и позже мы находим части этого массива во владении всех сыновей Григория Пушки, а затем

его внуков и правнуков. Нет никакой возможности проследить многочисленные разделы, переделы, продажи и покупки, которые совершали Пушкины на этой территории за 400 лет. Достаточно остановиться на нескольких интересных эпизодах.

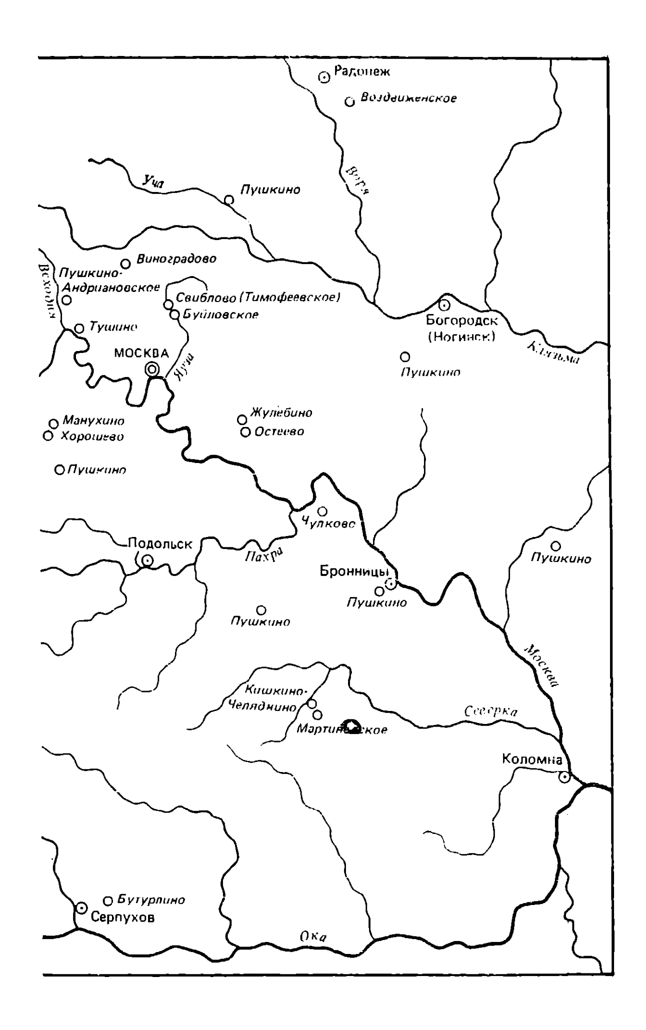
В 1512 г. Ирина Товаркова-Пушкина, бездетная вдова князя Семена Романовича Ярославского, уступила Иосифову Волоколамскому монастырю за долг в 500 рублей село Бужарово с 16 деревнями [15]. В конце XV и в XVI в. Курчевы-Пушкины и Внуковы-Улитины раздавали по частям свои жребии в родовой вотчине Чудову и Иосифову монастырям. Тем не менее Пушкины продолжали сохранять остатки своих вотчин, и после Смуты сделали несколько попыток вернуть старые владения.

Так, Федор Федорович Пушкин выкупил у Зыбина сельцо Рожново-Павловское, вотчину Михаила Никитича Рожна, жившего в середине XV в. В 1627 г. Пушкины всем родом, шесть глав семейств, выкупили у Чудова монастыря Мушков погост и село Синево. Они не только выкупили это родовое гнездо, но также занялись восстановлением родового богомолья — Троицы на Мушковой горе. Писцовая книга 1627 г. сообщает, что «на погосте церковь», а в ней вся утварь — ризы, книги, свечи поставные, образа и «всякое церковное строение Федора Семенова сына да сына его Федора Пушкиных». По тем же писцовым книгам за Пушкиными записаны следующие старинные вотчины: село Синево-Семеновское — за Федором Федоровичем и Федором Тимофеевичем, Лунево — за сыновьями Григория Сулемши, наконец, Ананово, Степанково, Матвейково и Мушков погост — за думным дворянином Гаврилой Григорьевичем.

Село Синево имело в 1627 г. очень скромный

Владения Пушкиных в Подмосковье

Радонеж
Воздвиженское
Воря
Уча
Пушкино
Виноградово
Вехолня
Пушкино-
Андриановское
Свиблово (Тимофеевское)
Буйловское
Тушино
МОСКВА
Яуза
Богородск
(Ногинск)
Клязьма
Пушкино
Жулебино
Остеево
Манухино
Хорошево
Пушкино
Чулково
Подольск
Пахра
Бронницы
Пушкино
Пушкино
Пушкино
Москва
Кишкино-
Челядкино
Северка
Коломна
Бутурлино
Серпухов
Ока

вид, и в нем велось небольшое хозяйство. На дворе вотчинника жили пять «деловых людей», да в особых дворах — приказчик и еще пять «деловых людей». Крестьян в селе не было, а «деловые люди» пахали десятин 15 пашни. Под лесной порослью и перелогом было немногим менее 45 десятин. В общем, если учесть приблизительно покосы, в Синеве было около 200 десятин земли. В сельце Рожнове было три семьи «деловых людей», а крестьян, как и в Синеве, не было.

После указанных владельцев село Синево досталось Ивану Федоровичу Пушкину *, который занялся хозяйством. В 1644 г. он взял у властей Иосифова монастыря в пожизненное владение пустоши Мартюшину и Сонину со льготой на 6 лет и дал такое обязательство: «И мне, Ивану, в те шесть лет посадить на тех пустошах... своих вотчинных крестьян четырех человек, а пятого крестьянина посадить в 10-й год... и дворы им крестьянские устроить... и пашня мне велеть роспахивать и сенные покосы роскосить и леса пашенные роспахать и росчистить». После льготных лет Иван Федорович Пушкин обязался платить в монастырскую казну по 4 рубля в год, а за каждого непосаженного по условию крестьянина по 50 рублей. После своего «живота» Иван Федорович Пушкин обязывался вернуть имение монастырю «со крестьяны и с хлебом стоячим и с молоченным и с земляным и со всеми крестьянскими животы и со всем с тем, что на тех пустошах ... устройства будет... по моей душе на вечной поминок» [16].

Иван Федорович Пушкин, вероятно, добросовестно старался исполнить принятое на себя обязательство, но, очевидно, это было не так просто.

---

* В поколенной росписи рода Пушкиных см. № 86.

По переписи 1678 г., в селе Синево были двор вотчинника с «деловыми людьми», двор приказчика и три двора крестьян, а людей в них десять человек. В Мартюшине было всего два двора крестьянских, а в них восемь человек.

После смерти Ивана Федоровича село Синево перешло к его сыну Ивану, при котором, по переписи 1705 г., в селе числились двор вотчинника с «деловыми людьми», двор приказчика с тремя человеками и пять дворов крестьянских с шестью душами мужского пола. Иван Иванович, не имевший детей, по духовной 1718 г. завещал все свое состояние, в том числе село Синево, Александру Петровичу, прадеду Александра Сергеевича. Александр Петрович был невидным представителем рода Пушкиных. Он начал службу рядовым Преображенского полка, в 1722 г. получил чин каптенармуса, и на этом его карьера окончилась. В припадке ревности он убил свою жену, за что был посажен в тюрьму, где и умер в 1725 г. Село Синево перешло к его сыну Льву Александровичу.

Лев Александрович был капралом артиллерии, когда произошел переворот 1762 г. Он был верен присяге императору Петру III и за это был посажен императрицей Екатериной в тюрьму, в которой пробыл больше года. Карьера его была окончена, он вышел в отставку и занялся приведением в порядок хозяйства в родовых имениях, расстроенного его отцом [17].

При Льве Александровиче по третьей ревизии (1760—1762 гг.) числилось: в селе Синеве, Мушков погост тож, — 20 душ мужского пола и 12 душ женского пола, в сельце Ананове — 47 душ мужского пола и 32 души женского пола, а в Мартюшине — 15 душ мужского пола и 13 душ женского пола. После смерти Льва Александровича Синево-

Семеновское перешло к его сыновьям, но было ли оно во владении отца Александра Сергеевича и когда было отчуждено Пушкиными, пока остается невыясненным.

Кроме описанного массива земель на Истре, Пушкиным в XV—XVIII вв. принадлежали находящиеся ближе к Москве владения в нижнем течении Истры, на реке Всходне и ее притоке Горетве. Так, например, внук Григория Пушки, Константин Никитич, около 1475 г. продал князю Д. Д. Холмскому села Петровское и Федоровское на юг от Истры. Тогда же его племянник Давид Иванович Курчев дал Симонову монастырю деревню Гавриловскую на Всходне. Воину и Петру Тимофеевичам, прямым предкам Пушкина, в 1627 г. принадлежали на верховьях реки Сетуни Манухино и Хорошево [18].

Среди древних подмосковных селений Пушкиных одно заслуживает особого внимания. Это село Виноградово на Долгих прудах.

В конце XVI в. деревня Дубровки, Виноградово тож, принадлежала упомянутому выше думному дворянину Гавриле Григорьевичу, а после его смерти его сыновьям — Григорию и Степану. При них была поставлена деревянная церковь, и Виноградово стало селом. Григорий и Степан Гавриловичи были выдающимися деятелями царствования Алексея Михайловича. У Григория детей не было, и после его смерти Виноградово осталось за Степаном Гавриловичем, а потом перешло к его сыновьям Матвею и Якову Степановичам. При них в селе Виноградове была построена та каменная церковь, которая с большими переделками существует доныне.

Бояре Матвей и Яков Степановичи были самыми видными представителями рода Пушкиных и в

свое время пользовались при дворе большим влиянием, но их слишком тесные связи со старообрядчеством и с мятежными стрельцами кончились катастрофой, в результате которой все Пушкины навсегда утратили свое место в среде московской знати. В 1697 г. сын Матвея, молодой стольник Федор, женатый на дочери Алексея Соковнина, за участие в заговоре Соковнина и Цыклера на жизнь Петра был казнен. Дело не ограничилось казнью молодого Федора Матвеевича. В связи с делом Соковнина Матвей Степанович был сослан в Сибирь с конфискацией всего имущества, а Яков Степанович, как менее виноватый, отправлен в свою касимовскую деревню, где вскоре и умер.

Катастрофой бояр Матвея и Якова Пушкиных воспользовались новгородские родичи, настолько далекие, что их лучше называть однофамильцами. Один из новгородских Пушкиных, а именно Иван Калинникович, был женат на Матрене Даниловне, родной сестре «безродного баловня счастья, полудержавного властелина» Александра Даниловича Меншикова. В 1707 г. Иван Калинникович и его брат Петр, вопреки всем законам и обычаям наследования недвижимости, получили вотчины сосланного в Сибирь боярина Матвея Степановича, в том числе и село Виноградово.

В 1729 г. Иван Калинникович продал село Виноградово князю Василию Владимировичу Долгорукову, и таким образом это старинное владение Пушкиных окончательно ушло из их рода [19].

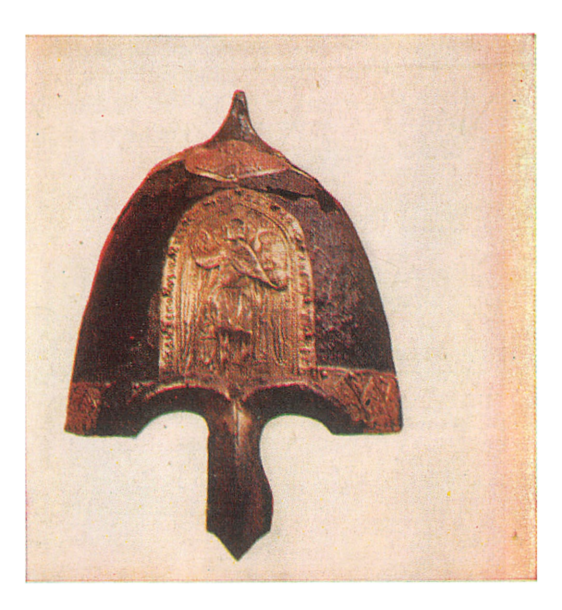
Произведенный обзор древних вотчин Акинфовичей и Пушкиных, конечно, очень неполный, дает тем не менее яркую картину широкого размаха землевладельческих интересов московского боярства XIV—XV вв. Следует прежде всего обратить внимание на то, что многочисленные вот-

чины Акинфовичей и Пушкиных, как и других значительных московских боярских фамилий, были расположены в Московском княжестве и в уездах Московского великого княжения. Ни в Рязанском, ни в Тверском, ни в Ярославском княжествах мы не находим ни одной старой вотчины Пушкиных. Это понятно, так как по мере оседания дружинников на землю происходило обособление служилых родов — сначала по великим княжениям, а затем в пределах великих княжений — по уделам, то есть землевладелец обыкновенно служил тому князю, в уделе которого было его владение.

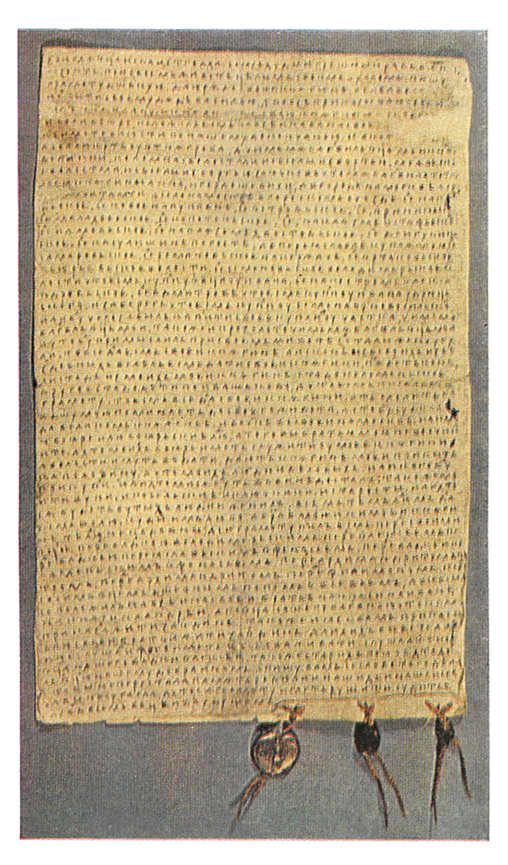
Мелкие бояришки, имевшие одну-две вотчины, были настолько слабы, что связывали свою судьбу с тем князем, в уделе которого была их земля, но крупные великокняжеские «многовотчинные» бояре относились к своей службе иначе: по своим землевладельческим интересам были естественными противниками удельной раздробленности Руси и столь же естественными сторонниками княжеского единодержавия.

Московские князья в XIV—XV вв. добросовестно, по-родственному наделяли своих братьев и сыновей уделами и поддерживали таким образом удельную раздробленность, а крупное боярство в целом как правящий верх землевладельческого класса относилось к удельным князьям по меньшей мере недружелюбно и делало все, чтобы низвести их на положение служебных князей, лишенных державных прав и всякой независимости.

В этом важном историческом процессе Акинфовичи, а частью и Пушкины сыграли выдающуюся роль. Это видно из прилагаемого в следующей главе перечня бояр, вышедших из рода Ратши [20],

Шлем князя Ярослава Всеволодовича (отца Александра Невского).

Духовная грамота князя Семена Гордого.
1353 г.

Перевозка камня
на строительство московского Кремля. 1366 г.
Миниатюра летописного свода XVI в.

Великий князь Дмитрий Иванович рассылает грамоты о нашествии Ольгерда. 1368 г. Миниатюра летописного свода XVI в.

Отступление Ольгерда от Москвы. 1369 г.
Миниатюра летописного свода XVI в.

Победа на Куликовом поле.
Фрагмент миниатюры конца XVI в.

Оборона Москвы от войск Тохтамыша с применением пушек. 1382 г. Миниатюра летописного свода XVI в.

Расчистка леса под пашню.
Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского».
Конец XVI в. Фрагмент.

Великий князь Василий Дмитриевич
и его супруга Софья Витовтовна.
Фрагмент большого саккоса митрополита Фотия. XV в.

Мор в Москве.
Миниатюра летописного свода XVI в.

*Ослепление великого князя Василия II Васильевича.
Миниатюра летописного свода XVI в.*

Золотой потир работы мастера Ивана Фомина. 1449 г.
Выполнен по заказу Василия II
для Троице-Сергиева монастыря.

Изображение Ивана III с семьей на шитой пелене Елены Волошанки. Конец XV в. Фрагмент.

Вывоз новгородского вечевого колокола в Москву. 1478 г.
Миниатюра летописного свода XVI в.

Иван III раздает поместья.
Миниатюра летописного свода XVI в.

Пушка, отлитая в Москве Павлином Фрязиным. 1488 г.
Миниатюра летописного свода XVI в.

Глава пятая

Потомки Гаврилы Алексича в думе московских государей после смерти Дмитрия Донского и до середины XVI в.

При великом князе Василии Дмитриевиче (1389—1425 гг.) Акинфовичи продолжали занимать в среде бояр очень высокое положение. В боярах продолжали служить Федор Свибло, Иван Хромой и Александр Остей Андреевичи. Опала и конфискация вотчин Федора Свибла не отразились на службе его младших братьев. В боярах же был, по-видимому, четвертый брат — Иван Бутурля. В последние годы княжения Василия выдвинулся и был пожалован в бояре младший брат — Михаил Андреевич. Боярство этих пяти братьев говорит об исключительно высоком положении, занятом старшей линией потомков Акинфа.

О Пушкиных за это время пока ничего не известно.

Кроме упомянутых сыновей Андрея Ивановича Акинфова, правнуков Гаврилы Алексича, известных нам из Государева родословца и из Бархатной книги, из рода Ратши вышел еще один выдающийся боярин великого князя Василия Дмитриевича — Дмитрий Васильевич, известный нам из частных родословцев.

Среди выписок из местнических дел и различных заметок генеалогического содержания в частных родословцах встречается список бояр великого князя Василия Дмитриевича, к которому «заехал» при выезде из Литвы в Москву потомок Гедимина, великого князя литовского, князь Юрий Патрикеевич, родоначальник Щенятевых, Куракиных и Голицыных. Великий князь Василий Дмитриевич принял знатного выходца с великой честью, выдал за него замуж свою дочь и «упросил» для него у своих старых бояр высокое место.

Непосредственно «под» князем Юрием Патрикеевичем занимали места: 1) Константин Дмитриевич Шея Зернов, родной дядя Федора Сабура, родоначальника фамилии Сабуровых, и Ивана Годуна, родоначальника Годуновых; 2) Иван Дмитриевич Всеволож, потомок смоленских князей; 3) Владимир Данилович из рода муромских князей, утративший свои вотчины и титул в междоусобиях; на четвертом месте Дмитрий Васильевич, а «под» ним Федор Федорович Голтяй Кошкин, дочь которого Марья несколько позже вышла замуж за князя Ярослава Владимировича Боровско-серпуховского и стала матерью жены великого князя Василия Васильевича Темного Марьи Ярославны [1].

Из приведенной заметки можно видеть, что Дмитрий Васильевич занимал в среде бояр великого князя Василия Дмитриевича очень высокое положение.

Другая родословная заметка сообщает: «Дмитрей Васильевичь, от Гаврила от Алексеевича, род иной (т. е. особый.— *С. В.*), а сынов у него не было, а были у него дочери: Марья, Васильева мати Образцова, да Григорьева мати Поплевина, да

Михайлова мати Игнатьевича Минина, да Игнатьева мати Костянтиновича»[2].

Для читателей, не посвященных в тайны старинной боярской генеалогии, следует расшифровать приведенную цитату.

Первая дочь Дмитрия Васильевича Марья была женой Федора Константиновича Добрынского, боярина великого князя Василия Темного, известного из летописей выдающегося воеводы, которому «при жизни слава, а по смерти вечная память». В летописях и других источниках Федор Константинович называется обычно Симским, по своей вотчине в уезде Юрьева-Польского (село Сима находится в нескольких километрах от Юрьева). Его сын Василий Федорович Образец принадлежит к замечательнейшим деятелям времени Ивана III. Имя Василия Федоровича Образца Симского связано со всеми важнейшими событиями объединения Руси, с ликвидацией независимости Великого Новгорода, с присоединением к великому княжению Тверского княжества, с борьбой против хана Ахмата. В летописях есть сообщение о том, что Василий Федорович Образец построил на своем дворе в Москве каменные палаты, что в то время было редкостью[3].

Вторая дочь Дмитрия Васильевича, имя которой неизвестно, была замужем за Василием Михайловичем Слепым Морозовым, старшим представителем рода Миши Прушанина, витязя Александра Невского. Его сын Григорий Васильевич Поплева, боярин великих князей Василия Темного и Ивана III, стал родоначальником известной в истории фамилии Морозовых, угасшей в XVII в. со смертью известных бояр царя Алексея Михайловича Бориса и Глеба Ивановичей Морозовых.

Михаил Игнатьевич Минин, сын третьей дочери Дмитрия Васильевича, был правнуком воеводы великого князя Дмитрия Донского Дмитрия Минича. Из летописей и синодиков известно, что Дмитрий Минич был убит литовцами в бою на реке Тростне во время внезапного набега Ольгерда в 1368 г. на Москву [4]. Сыновья и внуки Дмитрия Минича были в боярах.

Наконец, четвертая дочь Дмитрия Васильевича была замужем за боярином Константином Даниловичем, внучатым племянником митрополита Алексея и его младшего брата Александра Федоровича Плещея, родоначальника фамилии Плещеевых. От его сына Игнатия Константиновича пошла фамилия Игнатьевых, из которой одна ветвь в XIX в. получила графский титул.

Из родственных связей Дмитрия Васильевича можно видеть, какое высокое положение в боярской среде занимал этот потомок Гаврилы Алексича. Отсутствие его «рода» и его самого в Государеве родословце и в Бархатной книге объясняется тем, что этот род, не имея мужского потомства, пресекся, и не было никого, кто позаботился бы записать его в Государев родословец, когда он составлялся в пятидесятых годах XVI в.

По времени жизни Дмитрий Васильевич был, вероятно, правнуком Гаврилы Алексича и происходил от третьего его сына, младшего брата Морхини и Акинфа Великого.

При великом князе Василии Васильевиче (1425—1462 гг.) великокняжеская власть пережила тяжёлый длительный кризис, вызванный борьбой за власть между князьями московского дома. Вопрос вовсе не сводился к тому, быть ли великим князем Василию Васильевичу или его старшему дяде, удельному князю Юрию Дмитриевичу, как

это часто принято изображать. Борьба шла по вопросу гораздо более важному: будет ли великокняжеская власть продолжать расти и укрепляться за счет власти и значения удельных князей или последние раздробят и обессилят великокняжескую власть так же, как дробление на уделы обессилило другие крупные княжества Северо-Восточной Руси. В этом сложном процессе великокняжеское боярство сыграло огромную роль. Не обошлось, конечно, без изменников и предателей вроде Ивана Дмитриевича Всеволожа и братьев Добрынских. Такие были извергнуты со всем своим потомством из боярской среды. Были лица, проявившие шатание между борющимися сторонами. Таковы Михаил Федорович Сабуров и Иван Федорович Старков Серкизов. Большинство же великокняжеского боярства оставалось верным великому князю Василию даже после его ослепления и доставило в конце концов ему победу. К этому большинству твердых сторонников единодержавия принадлежали, судя по всему, что пока известно, Акинфовичи и Пушкины. В первой половине княжения Василия Темного в боярах были оба сына Ивана Хромого — Давид и умерший бездетным Роман и оба сына Александра Остея — Роман Безногий и Тимофей. Последний был вытеснен из среды великокняжеских бояр и одно время служил в боярах князю Василию Ярославичу Боровскому, а позже князю Дмитрию Юрьевичу.

В боярах были, затем, оба сына Ивана Бутурли — Иван и Григорий. Последний в конце 30-х годов ушел в Троицкий монастырь, где пробыл простым чернецом лет сорок, принимая горячее участие в служебной карьере своих сородичей и обогащая Троицкий монастырь вкладами [5]. В последние

годы княжения Василия Темного были пожалованы в бояре старший сын Ивана Ивановича Бутурлина Андрей и двое Остеевых — Андрей Романович Хрулев и Василий Тимофеевич Чулок.

Наконец, при Василии Темном продолжал служить младший Андреевич — Михаил, пожалованный в бояре в конце княжения Василия Дмитриевича. У Михаила Андреевича известны три сына: Иван, [Василий] и Федор Челядня. Иван Михайлович был женат на Елене, дочери боярина князя Юрия Патрикеевича, которая по матери была внучкой великого князя Василия Дмитриевича и приходилась родной племянницей Василию Темному [6]. В связи с этим браком Иван Михайлович был пожалован в бояре, но умер в молодости, ничем не отличившись. Его младший брат Федор Михайлович Челядня известен как деятельный сторонник Василия Темного и один из влиятельнейших бояр последних лет княжения Темного и позже Ивана III.

В общем можно сказать, что за все княжение Василия Темного не было года, когда бы в его думе не было по два-три представителя рода Акинфа.

Из Пушкиных в боярах был, насколько известно, только четвертый сын Григория Пушки — Федор Товарко. В молодости он принимал участие в одном деле, о котором стоит сказать несколько слов. Заселение южных окраин Московского государства, постоянно разоряемых Литвой и татарами, было в XIV—XV вв. делом большой государственной важности. Служилые люди не имели для этого достаточных средств и неохотно шли на постоянный риск разорения. Мало интересовались южными окраинами и монастыри, предпочитавшие заниматься хозяйством в бо-

лее безопасных местах. Так дело заселения окраин стало делом государственной важности, и за него брались князья. Окраины обрастали княжескими слободами и слободками, льготными поселками, находящимися под непосредственной защитой и покровительством князей. Иногда коллектив вольных людей получал от князя разрешение сесть на землю, сзывать со стороны «охочих людей» и «копить» на льготе на государя слободу. Иногда князья проявляли инициативу сами: сажали в слободы своих рабов или посылали своих слуг устраивать слободы. Для заслуженного человека подобное поручение, конечно, было неподходящим, но молодым людям его давали нередко. Так, на южной окраине сажали в разное время слободы Карамышевы, Картмазовы и Товарко Пушкин. Существующая ныне на реке Угре Товаркова слобода (при впадении в Угру реки Шани, в бывшем Медынском уезде) и является одним из плодов деятельности Федора Товарка.

Уже в преклонном возрасте, будучи боярином, Федор Товарко показал себя верным сторонником великого князя. В 1433 г. князь Юрий Дмитриевич решил силой захватить Москву и великокняжеский стол. Великий князь был застигнут врасплох. В надежде предотвратить столкновение и кровопролитие он отправил навстречу князю Юрию своих послов, бояр Федора Товарка и Федора Андреевича. Бояре встретились с князем Юрием близ Троицы, горячо спорили и убеждали его не начинать междоусобия, но не имели успеха [7].

Ликвидация в последней четверти XV в. независимости Ярославского, Ростовского, Тверского и Рязанского княжеств и объединение Руси под властью Москвы вызвали наплыв княжат ко дво-

ру великого князя Ивана III. Старые нетитулованные боярские фамилии должны были потесниться и дать место потомкам великих и удельных князей. Только немногие боярские роды в лице своих наиболее крупных представителей были в состоянии сохранить свои места в думе и при дворе великого князя. В числе этих родов были Акинфовичи, но более слабым Пушкиным это не удалось.

В конце XV в. в четвертом колене от Григория Пушки было не менее 50 человек. Самой значительной фамилией были Товарковы, но над ними тяготел какой-то рок бездетности. Из шести сыновей Федора Товарка три умерли бездетными. Из семи его внуков только один Иван Иванович Малого оставил потомство, двух сыновей, но и эти последние умерли без мужского потомства. Так пресеклась в 50-х годах XVI в. боярская линия Пушкиных.

Вымирание многих боярских фамилий объясняется не бездетностью в собственном смысле слова, а иногда смертностью молодежи в боях и в плену, но главным образом, по-видимому, это было следствием большой детской смертности. Судя по записям в синодиках, содержащих множество имен лиц, умерших в младенчестве, детская смертность в быту высшего класса в XVI—XVII вв. была не меньше, чем в крестьянском быту в XIX в.

Процесс вытеснения княжатами старых слуг из первых рядов можно наблюдать на карьере Товарковых.

Старший сын Федора Товарка Иван Федорович Ус Товарков был выдающимся человеком последней четверти XV в. Иван III не раз давал ему ответственные поручения в острые моменты лик-

видации независимости Новгорода: в 1471 г. он был послом в Великий Новгород, в 1476 г.— послом во Псков для переговоров о действиях против Новгорода, в 1478 г.— вторично послом в Новгород. В 1480 г. он был послом в Крым к хану Ахмату. В 1483—1485 гг. он был уже боярином [8].

Брат Ивана Уса Борис Федорович Шушлепа (шушлепень — лентяй, увалень, лежебока) служил князю Юрию Васильевичу Дмитровскому (который умер в 1472 г.) и был у него боярином [9].

У Ивана Уса было два сына — Иван и Андрей Дыхайло. Иван Иванович Усов служил великому князю и был окольничим [10]. Андрей Иванович Дыхайло служил в уделе князя Юрия Ивановича и был у него боярином [11].

Андрей Иванович Товарков был состоятельным человеком и боярином старого склада. Перед смертью (около 1520 г.) он «благословил» своего слугу Неждана Фофанова и дал ему в вотчину деревню Плетенево в Повельском стану Дмитровского уезда. Деревня Плетенево, существующая ныне, была куплена Андреем Товарковым в 1511 г. за 30 рублей, из чего видно, что это был довольно хороший участок земли [12].

Двоюродный брат Андрея Дыхайла Иван Иванович Молодой служил великому князю (1475—1479 гг.) и был, по-видимому, в думных дворянах. Оба сына последнего служили в уделе князя Юрия Ивановича. После смерти князя Юрия они стали служить великому князю (в 1545 г. Андрей Иванович Меньшой Товарков был на годовой службе в Васильгороде в полковых воеводах). Оба умерли бездетными, и на них пресеклась фамилия Товарковых [13].

Упорнее и успешнее, чем Товарковы, боролись за первые места многочисленные Акинфовичи.

Иван III.
Гравюра из «Космографии»
А. Теве. 1584 г.

Единственный внук Ивана Хромого, Федор Давидович, старший в роде Акинфа, был выдающимся боярином Ивана III. Он получил боярство около 1471 г., минуя чин окольничего, что было очень большой честью, и умер около 1483 г.[14]

После его смерти выдвигаются оба его сына — Григорий и Петр, но боярство получают только после долгой службы в воеводах и окольничих.

Из Остеевых в начале княжения Ивана III в боярах были умерший бездетным Андрей Хрулев и Василий Чулок. Вслед за ними несколько позже выступают младший брат Василия Чулка, Андрей Жулеба (в 1472 г.— боярин и посол к Магистру Ливонии), и старший сын Чулка, Иван Васильевич Чебот. Последний получил боярство только перед смертью (1501 г.), прослужив много лет в чине окольничего [15].

Бутурлины при Иване III были вытеснены из думы, быть может, за малолетством наличных представителей, и только при великом князе Василии III вновь попали в думу в чинах окольничих и бояр три сына Никиты Ивановича, младшего сына боярина Ивана Ивановича [16].

Челяднины при Иване III и позже, вплоть до вымирания (1535 г.) всей фамилии, неизменно держались в первых рядах боярства и принадлежали к замечательнейшим людям своего времени на государственном поприще. Оба сына Федора Михайловича Челядни, Петр и Андрей, были боярами. Последний сверх боярства имел самый высший чин — боярина-конюшего. Затем, в боярах были оба сына Андрея Федоровича, Иван и Василий. Иван Андреевич сверх боярства был конюшим, а Василий Андреевич — большим дворецким. Василий не оставил мужского потомства, а его дочь Марья первым браком была за князем Иваном Осиповичем Дорогобужским, а вторым — за своим дальним родственником боярином Иваном Петровичем Федоровым (об этом см. ниже).

Сестра Ивана и Василия Андреевичей была замужем за князем Семеном Даниловичем Холмским, и через этот брак Челяднины вторично были в свойстве с великокняжеским домом, так как

брат Семена Холмского Василий был женат на дочери Ивана III.

Боярин и конюший Иван Андреевич был взят в плен в злополучном сражении под Оршей и умер в плену в Литве. После него остался один сын, Иван, который тоже был боярином и конюшим и умер бездетным в 1535 г. С ним пресеклась фамилия Челядниных [17].

Просматривая изложенные в настоящей главе факты, мы можем сразу заметить очень значительное различие в судьбах Пушкиных, с одной стороны, и потомков Андрея Ивановича Акинфова — с другой. У Андрея Ивановича было восемь сыновей, из которых двое умерли бездетными и совершенно безвестными, а остальные пять, а может быть, и все шесть были в боярах. В следующем колене у Андрея Ивановича было 12 внуков, из которых не менее шести были в боярах. В третьем колене было 15 правнуков, из которых семь человек были в боярах и один — в окольничих. Наконец, в пятом колене, жившем уже в XVI в. и испытавшем на себе наплыв ко двору московского великого князя бывших удельных княжат, был 31 человек, из которых трое были в боярах и четверо — в окольничих.

Иную картину мы видим в судьбах потомков Григория Пушки. Из его семи сыновей в боярах был только один человек. Один же человек из 15 внуков Григория Пушки был в боярах у великого князя. В последующем колене Пушкиных было не менее 33 человек, из которых один был боярином у великого князя и один — боярином в уделе. В дальнейшем Пушкины так успешно размножались, что в пятом колене их было более 60 человек, и в служебном отношении они так снизились, что не выдвинули из своей среды ни одного чело-

века в думу московского великого князя, а некоторые представители, из числа испомещенных в Новгороде, опустились до того, что стали служить дому святой Софии, то есть новгородскому владыке, что для представителей боярских фамилий было большой деградацией.

Снижение Пушкиных в первых поколениях обусловливалось, конечно, не одной причиной. Смерти в походах в молодости, без потомства, бездарность и нерадивость некоторых представителей фамилии, различные не зависящие от их воли несчастные случайности — все это оказывало свое влияние. Таким же неблагоприятным обстоятельствам были подвержены служилые люди всех фамилий, в том числе и потомки Акинфа Великого, которые, размножаясь гораздо умереннее Пушкиных, успешнее боролись за высокое положение в правящей среде московского боярства.

Глава шестая

Конец дружинного строя и новая формация служилого землевладельца

Многолетнее правление великого князя Ивана III (1462—1505 гг.) ознаменовалось величайшими и многосторонними переменами в жизни Северо-Восточной Руси. После распада Золотой Орды и образования на развалинах ее Крымского, Астраханского и Казанского ханств московский великий князь стал самодержцем всей Руси в полном смысле этого слова, то есть государем, независимым от какой бы то ни было внешней власти. В то же время одно за другим теряли свою независимость великие и удельные княжества и происходила постепенная ликвидация автономии Господина Великого Новгорода. Объединение Северо-Восточной Руси под властью московского государя к концу XV в. в основном было закончено.

Одновременно происходили глубокие изменения в экономике и социальном строе нарождавшегося Московского государства. Уничтожение удельной раздробленности Руси и независимости Великого Новгорода с его огромными владениями на севере создало единый общерусский рынок и открыло возможности более равномерного заселения Руси и более успешного использования ее природных богатств. В зависимости от перемен в

экономике и в политическом строе Руси в короткий сравнительно срок, в какие-нибудь 50—60 лет, подвергся полному перерождению и класс служилых землевладельцев. Изменились его отношения к княжеской власти, экономическая основа его существования и весь социальный и бытовой облик. Так на смену боярина—дружинника, сидевшего на своих родовых и благоприобретенных вотчинах, пришел рядовой воин-помещик, временный владелец государевой (по существу государственной) земли.

Князья XII—XIV вв. ходили лично в походы со своими дружинами, в бою шли впереди, увлекая собственным примером своих боевых товарищей и слуг. Для дружинника было большим бесчестьем отстать в бою от своего господина и не подать ему помощи в опасности. Дмитрий Донской в полном сознании исторической важности своего выступления против Мамая бился на Куликовом поле как рядовой боец, отдав знамя и знаки власти своему слуге — Михаилу Бренку. Спешившись, он бился до изнеможения и был найден после битвы лежащим под деревом без сознания, в иссеченных и избитых доспехах. Внук Дмитрия Донского, Василий Темный, по выражению московских летописцев, «любил сечу», то есть сражался лично во главе своей рати. В злополучном бою под Суздалем (1445 г.) он был окружен татарами и взят в плен [1]. Василий Темный был последним из московских великих князей, который «любил сечу». Иван III, осторожный политик, гордый своими успехами и огромной властью, не только не любил сечи, но даже редко посещал свои полки.

Военные силы первых московских князей имели довольно сложный состав. Основным яд-

ром был «Государев двор», дворовый полк великого князя, состоявший из боярских дружин, возглавляемых самими боярами, и из отрядов «слуг под дворским» — низших слоев государевых дворян. В зависимости от обстоятельств дворовый полк был подкрепляем поуездными отрядами городовых детей боярских под начальством особо назначенных воевод великого князя, отрядами так называемых служебных князей, утративших права удельных государей, и, наконец, полками союзных, вассальных князей.

При великом князе Иване III вассальные и служебные князья и мощные бояре былых времен, организаторы и предводители отрядов и «полков», в значительном количестве были уже ликвидированы, а те из них, кто продолжал существовать, измельчали и не могли уже, как прежде, выводить с собой в походы сотни слуг и послужильцев.

Иван III и его ближайшие преемники последовательно и успешно перестраивали военные силы Московского государства на новых началах.

Они заводят «наряд», то есть пушки, первоначально для обороны городов, а позже — для военных действий в открытом поле. Великий князь Василий III завел отряды пехоты «с огненным боем», стрелков, позже получивших название стрельцов. Подвергалась постепенно переустройству и дворянская конница.

В общем, можно сказать, что московское правительство со времени Ивана III взялось за непосредственную организацию своих военных сил, устраняя посредничество княжат и своих былых дружинников-бояр. В связи с этим находится его нивелирующая политика относительно служи-

лого класса и создание среднего служилого человека, воина, непосредственно подчиненного ему и зависящего от правительства.

Боярство дробило свои вотчины в семейных разделах, не было способно вести на них хозяйство и, в общем, неуклонно мельчало. Иван III воспользовался этим естественным процессом, но, как осторожный политик, он не ставил ребром вопрос о низведении бояр на положение рядовых слуг, но и не упускал удобных случаев. Обладая крутым нравом и тяжелой рукой, Иван III без ненужных жестокостей своего первного внука царя Ивана сделал очень много, чтобы разрушить дружинную организацию армии и низвести крупное боярство на положение покорных слуг. Опалы при Иване III случались нередко. Подвергая опале крупного служилого землевладельца, Иван III отбирал у него вотчины, частично или все, и «распускал» дворы его «чади», отпуская на волю рабов.

Так, подверглись опалам в разное время любимец Василия Темного Федор Васильевич Басенок, Иван Иванович Салтык Травин, Андрей [Константинович] Шеремет Беззубцев, братья бояре Иван и Василий Тучки Морозовы, боярин и дворецкий Михаил Яковлевич Русалка Морозов, окольничий Иван Васильевич Ощера Сорокоумов, одно время бывший любимцем Ивана III, бояре князь Иван Юрьевич Патрикеев и князь Семен Иванович Ряполовский, князь Ярослав Оболенский и др. Распуская дворы опальных бояр, Иван III выбирал лучших воинов из числа боярских послужильцев, зачисляя их на свою службу, и давал им поместья.

Блестящий пример твердой политики нивелировки служилого класса мы можем видеть при

ликвидации независимости Великого Новгорода.

Отобрание в последней четверти XV в. земель новгородских бояр и житьих людей, земель новгородского владыки и монастырей отдавало в распоряжение московского правительства огромное количество земли, жилой, доходной, с заведенным на ней хозяйством. Часть новгородцев погибла при этом в тюрьмах и опалах, а значительное количество было сведено в Москву, испомещено в центральных и восточных уездах государства и перешло на положение рядовых служилых людей.

Отобранные в Новгороде земли были розданы в поместья москвичам, старым слугам московских князей. Из недавно присоединенных к Москве Тверского, Ярославского и Рязанского княжеств ни один человек не получил поместья в Новгороде. Так было обеспечено прочное политическое, экономическое и военное присоединение к Москве Новгородской земли.

Исследование генеалогического состава испомещенных в Новгороде москвичей представляет большой интерес. По неполным данным сохранившихся писцовых книг, в последней четверти XV и в первые годы XVI в. в Новгороде было испомещено около 2 тыс. человек. Из них около 150 человек были из «холопов» (слуг и послужильцев) опальных московских бояр, о которых было упомянуто выше. Затем, насчитывается человек 40 холопов («людей») новгородских бояр, лишившихся своих вотчин. Наряду с бывшими холопами получили поместья 60—70 мелких княжат, русских и выезжих из Западной Руси. Подавляющая масса помещиков была набрана из малоземельных или безвотчинных представителей мо-

сковских боярских и небоярских родов и изо всех старых уездов Московского государства.

Большинство поместий колеблется в пределах от 20 до 60 обеж. Несколько позже обжу стали приравнивать к 10 четвертям в трех полях, то есть 15 десятинам земли. Таким образом, можно сказать, что поместья в Новгороде колебались в зависимости от служебного положения человека в пределах от 300 до 900 десятин, не считая угодий, то есть усадебной земли, покосов и т. п. На угодья можно положить приблизительно от 10 до 15% поместья.

Разница в размерах поместий бывших холопов и других категорий помещиков заметна, хотя и не всегда, но, в общем, невелика. Становится несомненным, что при наделении поместьями решающее значение имела не родовитость помещика, а его служебная годность.

Трудно преувеличить огромное значение этой политики Ивана III, проведенной успешно и последовательно в Новгороде. Дело в том, что новгородский опыт послужил образцом для подобных же массовых испомещений в других частях государства, везде, где представлялась к тому возможность. Раздача земель в поместья участками в указанных выше размерах со времени Ивана III становится на целое столетие основой земельной политики московских государей.

Везде: в бывших Ярославском, Тверском и Рязанском княжествах, в Псковской области после ликвидации независимости Пскова, в западных и юго-западных областях, отнятых у Литвы, наконец, на южных и восточных окраинах, заселяемых вновь в XVI в., как, например, в Орловском, Веневском, Каширском, Арзамасском, Курмышском и Алатырском уездах,— везде москов-

ское правительство раздает в XVI в. земли только в поместья, а не в вотчины. Таким образом, поместное землевладение непрерывно росло, и рядовой воин-помещик становился господствующим типом служилого землевладельца.

Насколько позволяют судить сохранившиеся источники, подавляющее большинство служилых людей уже в середине XVI в. несло службу только с поместий. Не были редкостью среди потомков недавних удельных князей совершенно безвотчинные люди.

Если у некоторых представителей верхов служилого класса были родовые или купленные вотчины, то они были так невелики, что без дополнительного поместного обеспечения их владельцы не могли нести государеву службу. Так при Иване III было прочно положено начало новой формации служилого землевладельца — помещика, рядового воина, находившегося в полной зависимости от правительства.

А. С. Пушкин очень интересовался вопросом об исторических судьбах русской «аристократии». За неимением фактических данных он пытался осветить его при помощи сравнений с привилегированными сословиями государств Западной Европы. Наше боярство обладало в средние века большими привилегиями и большими земельными богатствами, но не породило аристократии, привилегированного сословия, ограничивающего власть монарха. В самом деле, недаром княжата и бояре уже в XV в. в своих челобитных именовали себя холопами, то есть как бы рабами великого князя. Наблюдательные иностранцы, как, например, Герберштейн, писали, что московские князья (Иван III и его сын Василий) обладают такой огромной властью над жизнью и имуществом

своих людей, какой не имеет ни один монарх Западной Европы [2].

В настоящее время история наших сословий настолько изучена, что мы можем уже несколько осветить вопрос, интересовавший А. С. Пушкина.

В XIV в. и раньше князья, чтобы привлечь к себе людей, щедро раздавали земли. В XV в. власть московского князя уже настолько окрепла, что ему не было никакой надобности щедрыми земельными пожалованиями привлекать людей на свою службу из соседних княжеств и из зарубежных государств. Как показывают их духовные грамоты, они нередко сами покупали населенные и ненаселенные земли у своих бояр и слуг. В виде особой милости они «жаловали» иногда землю «в куплю», то есть продавали небольшие участки незаселенной земли.

Следует напомнить, что до падения монгольского ига и позже, до взятия Казани и Астрахани, еще не было тех больших возможностей расселения на юг и восток, которые открылись во второй половине XVI в. А в центральных частях Московской Руси, в междуречье Ока—Волга, все лучшие и «угожие» земли были давно разобраны. Таким образом, рост вотчинного землевладения в XV в. остановился. Между тем на исторической сцене у служилого землевладельца появился страшный соперник в лице монашествующей братии пустынножительских монастырей.

Хорошо известно, что XV и XVI вв. были временем наиболее сильного и быстрого роста монастырского землевладения, происходившего главным образом за счет частновладельческих вотчин. Некогда богатые бояре раздавали и продавали свои вотчины монастырям и владыкам церкви, и эта убыль вотчинного частного землевла-

дения совершенно не возмещалась приобретением новых земель.

В Англии с незапамятных времен существовал обычай (а не закон) наследования земли по первородству, то есть нераздельно старшим представителем рода. По мнению известного философа и экономиста Джона Стюарта Милля, этот обычай имел то положительное значение, что в каждой семье было только по одному бездельнику.

Исчерпывает ли эта оценка Милля значение права первородства, мы можем не обсуждать, но несомненными следствиями этого обычая было, во-первых, то, что в Англии сохранились до наших дней крупное землевладение времен феодализма и вместе с тем земельная аристократия, во-вторых, то, что младшие члены семей, получавшие хорошее воспитание и образование, должны были сами завоевывать себе положение в жизни. В большом количестве они в молодости покидали родину и отправлялись в колонии, чтобы составить себе состояние и обеспечить свои семьи. Несомненно, что это обстоятельство на протяжении веков играло значительную роль в колониальной экспансии Англии.

На Руси господствовал обычай равного раздела наследства отца между сыновьями. Если родители при жизни выдавали замуж дочерей, то они давали им приданое и таким образом выделяли. После смерти родителей обязанность выдать замуж и наделить приданым, «как мочь сяжет», то есть посильно, прилично своему положению и состоянию, лежала на братьях. И в том и в другом случае надел дочерей и сестер приданым обыкновенно обременял вотчины долгами. Так происходило постоянное дробление вотчин между сонаследниками и обременение их долгами для

выдела приданого дочерям и сестрам. Между тем приобретение новых вотчин в XV в. стало уже делом трудным, которое удавалось очень немногим людям, занимавшим высокое служебное положение и имевшим возможность нажиться на службе.

Вследствие постоянного дробления вотчин между сонаследниками старое крупное боярство утратило, подобно удельным княжатам, основу своей социальной и политической силы и в XV в. оказалось вынужденным возлагать все свои надежды на милости великого князя. Таким образом, старое вотчинное землевладение, дробясь в семейных разделах, стало играть роль как бы питомников, в которых вырастали одно за другим поколения малоземельной или вовсе безземельной молодежи, воинов, привычных к ратному делу, «добрых службой», как тогда говорили, и желавших поддержать свой социальный и бытовой уровень жизни.

Эти следствия обычая равного раздела вотчин между сыновьями породили со второй половины XV в. (приблизительно) ту большую силу экспансии, которую мы можем наблюдать в жизни Московского государства. Московское правительство использовало эту силу, чтобы расширить пределы государства и обезопасить его восточные и южные окраины. Силами этой молодежи, нарождавшейся в недрах служилого класса, в середине XVI в. были взяты Казань, Астрахань, очищен для сношений с народами Востока волжский путь и во второй половине века открылась широкая возможность прочного поместного освоения восточных окраин государства — Арзамаса, Курмыша, Свияжска, Алатыря и Шацка.

* * *

В небольших сравнительно княжеских уделах средневековой Руси все отношения князя к его боярам и слугам носили личный и патриархальный характер. Многие из них были лично известны князю. Перед великим князем Иваном III стояла многотысячная толпа слуг разных званий и чинов. Отношения их к князю утрачивают личный характер, и в повседневной практике управления вырабатываются — медленно и не без труда — безличные, общие нормы служебных обязанностей и вознаграждения за службу. Этот интересный процесс можно наблюдать в истории поместного права лучше, чем в какой-либо другой области жизни Древней Руси.

Поместье XV—XVI вв. имеет очень мало общего с тем, что понимали под этим словом в XIX в., когда происхождение поместий в собственном смысле слова было давно забыто.

Поместьем первоначально назывался участок «государевой», княжеской земли (по существу государственной), данной служилому человеку во временное владение и пользование — для службы, за службу и на время службы.

Парень 15-ти лет считался «поспевшим в службу», записывался в списки служилых людей и мог быть поверстан «новичным», то есть начальным, окладом, земельным и денежным. В пределах оклада он имел право получить поместье. За исправную службу и особые заслуги новик имел право на придачу к окладу и на дополнительную поместную дачу.

Служба продолжалась бессрочно, до полной потери трудоспособности из-за раны, увечий или старости. При отставке от службы помещик имел

Вооружение русских воинов.
Гравюра из «Записок» С. Герберштейна. XVI в.

право получить небольшую часть поместья на «прожиток», то есть в пожизненное владение. Небольшой прожиток получали и вдова и сироты помещика, пожизненно или до выхода замуж. В середине XVI в., когда уже испытывался недостаток в пригодных для испомещения землях, был издан указ — «за девками (сиротами.— *С. В.*) долее 15 лет прожиточным поместьям не быть» [3]. По достижении 15 лет «девка» лишалась прожитка, если не выходила замуж за служилого человека, который мог закрепить за собой ее поместье.

Если у помещика были сыновья, то правительство в интересах службы оставляло за ними часть или все отцовское поместье. В большинстве случаев сыновья начинали служить при жизни отца. Если они были «службою добры», то им давали поместье «в отвод от отца», то есть отдельное поместье. Но чаще молодежь зачисляли на службу и верстали поместными окладами «в припуск к отцу» и «в поджить», то есть с условием нести службу с отцом и вместо него, а после его смерти владеть отцовским поместьем.

За опоздание или за неявку на службу, «неты на смотру», за побег из похода или уход со службы без отпуска помещик, смотря по вине, мог лишиться всего или части поместья. В XVI в., в особенности во время частых в то время войн, угроза отписки поместья «на государя» вовсе не была пустым словом. Во времена Ливонской войны царя Ивана, когда угроза отписки поместий оказывалась недостаточной, а действительное лишение поместья было нецелесообразным, так как служилый человек без поместья становился совершенно небоеспособным, правительство доходило до применения телесных наказаний: жену, детей и людей помещика сажали в тюрьму, а его самого, если удавалось поймать, били батогами и отправляли под конвоем в полки.

Так поместная система с последней четверти XV в. становится в руках московского правительства мощным средством, при помощи которого оно поддерживало служебную дисциплину и боевую готовность своих ратных сил. Постоянная угроза лишиться лично и лишить свою семью средств существования выбила из головы служилых людей Московского государства память о былой вольной службе их предков, о праве «сло-

жить крестное целование» и «отъехать в иное княжение» и принизило их до положения чади — холопов Акинфа Великого или Федора Свибла.

Описанная выше схема поместного права сложилась, конечно, не сразу. Первые московские князья давали своим слугам участки земли, но до конца XV в. все основывалось на милости и усмотрении князя. В многочисленных сохранившихся источниках по Новгороду мы не находим ни норм окладов, ни норм обеспечения вдов, сыновей и дочерей служилого человека, ни других деталей впоследствии сложной системы поместного права. Все эти общие безличные нормы права очень медленно складываются на практике в течение XVI в.

Перелом в истории служилого землевладения произошел в Смутное время. Уже в XVI в. вотчинное землевладение утратило свой безусловный характер, в особенности после того, как в середине XVI в. служба с вотчин стала столь же обязательной, как и с поместья. С другой стороны, поместная система утрачивает свою острую обусловленность личной службой, и все чаще и чаще поместье переходит по наследству к сыновьям и внукам на тех же условиях, на которых получали поместья их отцы и деды.

Процесс сближения права поместного землевладения с вотчинным продолжается и в XVII в. и оканчивается указом Петра I 1714 г., уничтожившим всякое различие между поместным и вотчинным правом [4].

Глава седьмая

Пушкины на поместьях в Великом Новгороде, Твери, Кашине, Зубцове и других городах Московского государства

По мере объединения Северо-Восточной Руси под властью московских государей происходило расселение размножавшихся потомков Григория Пушки по всему лицу земли Русской. Массовое испомещение московских служилых людей в Новгороде и Торжке началось в 1484 г. В 1485 г. бежал в Литву последний тверской великий князь и Тверское княжество перестало существовать, а в 1489 и 1500 гг. в Новгороде были произведены повторные массовые испомещения москвичей.

По приблизительному подсчету, в это время было в наличности до 90 потомков Григория Пушки, если считать не только отцов семейств, но и взрослых сыновей, служивших при отцах с их же поместий. На поместья в Новгороде попали следующие лица: Василий, Иван и Захарий Васильевичи, потомки Александра, первого сына Григория Пушки. Родословцы сообщают о них, что они служили новгородскому владыке Геннадию (1484—1504 гг.) [1]. От них пошла новгородская ветвь Пушкиных, от которой все прочие Пушкины постоянно старались отмежеваться и отделаться как от захудалых родичей.

Из второй линии, от Никиты Григорьевича, получили поместья три человека: Василий Константинович и его двоюродные братья Василий и Андрей Никитичи. Из третьей линии (от Василия Улиты) было испомещено четырнадцать Мусиных-Пушкиных и двое Шафериковых. Наконец, из четвертой линии получил поместье Григорий Борисович Товарков. Всего, по неполным данным сохранившихся писцовых книг, удалось обнаружить двадцать три человека. Если же принять во внимание взрослых сыновей, известных нам по родословцам и не упомянутых в писцовых книгах, то можно сказать, что по меньшей мере треть наличных в то время Пушкиных получила в конце XV в. поместья в Новгороде [2].

Приведу сведения о размерах поместных дач некоторых лиц из числа вышеупомянутых:

Игнатий и Василий Васильевичи — 42 обжи (630 десятин, не считая угодий), Василий Константинович — 54 обжи (810 десятин), Андрей Никитич — 23 обжи (345 десятин), Григорий Михайлович Мусин — 29 обеж (435 десятин), Тимофей Михайлович Мусин — 22 обжи (330 десятин), Гаврило Михайлович Мусин — 30 обеж (450 десятин), Григорий Борисович Товарков — 29,5 обжи (440 десятин).

Количество крестьянских дворов в поместьях, в общем, находилось в некотором соответствии с обжами, но было несколько больше обеж, так как не всякий дворохозяин был в состоянии обрабатывать целую обжу. Так, например, у Григория Мусина при 29 обжах было 35 дворов, а у Тимофея Мусина на 22 обжах — 25 дворов.

Древнейшие новгородские книги и писцовые книги Торопецкого уезда 1539/40—1540/41 годов [3] содержат подробное описание доходов, ко-

торые помещик имел право получать с крестьян: хлеба зерном, масла, сыров, бараньих лопаток, полтей мяса, овчин, горстей льна и т. п. Но уже в тверских книгах 1540 г. и в позднейших новгородских перечисления повинностей нет, так как помещику было предоставлено право изменять оброки и повинности и заменять их по своему усмотрению и соглашению с крестьянами.

Очень важно отметить, что правительство Ивана III, насаждая поместья в Новгороде и в других городах, перенесло на помещика все судебные, административные и податные привилегии, которые сложились в предшествовавшие столетия в практике вотчинного землевладения.

По образцу вотчинного иммунитета сам помещик и его приказчик были неподсудны местным княжеским наместникам и волостелям. По всем делам они были судимы в Москве самим князем или его боярами. Люди и крестьяне помещика были подсудны местным судебным властям только в душегубстве, разбое и татьбе (краже.— *С. В.*) с поличным, то есть в наиболее тяжелых уголовных преступлениях. Во всех прочих делах люди и крестьяне поместья были судимы самим помещиком или, по его полномочию, его приказчиком.

«Смесные дела», то есть такие, в которых люди и крестьяне поместья тягались с посторонними людьми, подлежали «смесному» (совместному) суду помещика и его соседа, помещика же, или наместника и волостеля, если поместный крестьянин «сплетался» в тяжбе с государевым человеком, с посадским или дворцовым, или черным крестьянином. В смесном суде помещик «сидел и берег своего человека», а судебные пошлины с виноватого по суду смесные судьи делили пополам. Та-

ким образом, право смесного суда давало помещику возможность защищать своих крестьян от «сторонних» людей.

Очень существенной привилегией иммунитета было право помещика платить все причитающиеся с поместья налоги не по мирской волостной раскладке, а по окладу княжеских писцов и данщиков, и только за свое поместье.

Таким образом, каждое поместье было замкнутой в себе и независимой от соседей социальной ячейкой, полным хозяином которой был помещик. На него правительство возложило податную ответственность за крестьян поместья и дало ему право прибавлять и изменять повинности и оброки крестьян и брать для своего хозяйства любое количество земли. Единственным ограничением этих прав были: требование не брать с крестьян доходов с той земли, которую помещик возьмет для своего хозяйства, и общая угроза опалой, если он чрезмерными поборами запустошит поместье,— «а доспеет пусто, и [ему имярек] платити великих князей дан и посошная служба самому, а от великих князей в том быти ему в опале» [4].

Указанные выше новгородские писцовые книги сообщают, что Пушкины без промедления воспользовались предоставленным им правом. Так, Григорий Мусин из 29 обеж своего поместья стал пахать со своими людьми две обжи, а Иван Мусин из 34 обеж взял в свое хозяйство шесть обеж, то есть около 90 десятин.

Так немедленно после массового испомещения служилых людей началось превращение воина, привыкшего на кормлениях получать готовые доходы, в сельского хозяина, сначала при помощи свободных крестьян, имевших право отказа и вы-

хода, а позже, в конце XVI в., лишенных права выхода и закрепощенных.

Очень трудно охарактеризовать в кратких словах ратную службу, которую должен был нести помещик за данную ему государством землю и связанные с этим судебные и податные привилегии. Общей нормой было: со 100 четей (150 десятин) жилой, то есть обрабатываемой, земли, «доброй и угожей», то есть обеспеченной необходимыми угодьями (лесом, покосами),— хорошо вооруженный человек на коне, а в дальний поход «о дву конь», то есть с запасной лошадью. Все снаряжение, а также продовольствие помещик должен был делать на свой счет.

От этой общей нормы приходилось на практике отступать в зависимости от дальности похода, продолжительности службы и реального размера поместья. Поэтому разрядные дьяки перед отправкой служилых людей в поход производили смотр и давали «на подмогу» или на подъем денежное жалованье, смотря по земельному обеспечению служилого человека вотчинами и поместьями, по его вооружению и вообще по боевой годности, а также по количеству и качеству выведенных им слуг.

Этот сложный учет боевой годности людей для нас не всегда ясен, но тем не менее я приведу один пример. Иван Никифорович Рожнов-Пушкин имел оклад денежного жалованья в девять рублей. По справке за ним оказалось вотчины 66 и две трети четей и 130 четей поместья, всего без малого 200 четей, или 300 десятин. В 1556 г. на общий смотр в Серпухове он явился «сам на коне, в доспесе, за ним человек без доспеху». Ему предстояло идти под Казань. «По уложенью», то есть по общему указу, ему следовало дать «на его го-

лову» полный оклад — девять рублей, а за человека, явившегося без доспеха, по количеству земли поместья следовало вычесть два рубля. По осмотру и по новому окладу ему было положено семь рублей, а за вычетом двух рублей за человека без доспеха ему было дано пять рублей [5].

Этого заурядного примера достаточно, чтобы показать, как зорко и дотошно учитывали московские дьяки службу и земельное и денежное вознаграждение за нее.

Расселение Пушкиных по Руси, объединенной под властью московских государей, можно обрисовать по сохранившимся источникам только в общих чертах.

После бегства в Литву последнего тверского князя и его сторонников московскому правительству досталось в бывшем Тверском княжестве большое количество дворцовых, черных и частновладельческих земель, которые оно роздало своим старым слугам.

Курчевы-Пушкины вдобавок к своим измельчавшим дмитровским вотчинам получили в первой трети XVI в. поместья в Тверском уезде. Василий, Иван и Тимофей Семеновичи и их двоюродный брат Семен Григорьевич получили село Филистово с 21 деревней; всего в их поместье были двор боярский, два двора людских и 34 двора крестьянских, пашенной земли 322 четверти да 1013 копен покосов; считая на десятины, около 535 десятин. Богдан и Третьяк Ивановичи получили село Теляково с 10 деревнями, в которых было 22 крестьянских двора, а земли около 350 десятин. Истома Давидов получил село Клокатое с 265 десятинами. Наконец, Семен и Афанасий Ивановичи Курчевы получили около 500 десятин в селе Болсунове [6].

Тогда же или немного позже получили поместья: в Кашинском уезде — Василий Иванович Рожнов, в Старицком — Иван и Семен Никифоровичи Рожновы, в Зубцовском — десять Кологривовых и трое Поводовых. Во второй четверти XVI в. Поводовы обосновались на поместьях в Белеве, а Бобрищевы — во Ржеве.

Младшая линия Пушкиных до середины XVI в. держалась на своих московских и дмитровских гнездах, а в третьей четверти века, быть может в связи со службой в опричнине Семена Михайловича (прямого предка А. С. Пушина), выделила нескольких представителей на поместья в Вяземский уезд. По дворовому списку 1577 г., в Вязьме имели поместья Семен Михайлович и его двоюродные братья Григорий Иванович и Федор Александрович [7].

Глава восьмая

Государев двор в середине XVI в., опалы и казни Ивана Грозного

Для понимания дальнейших исторических судеб Пушкиных следует сделать несколько пояснений о Государеве дворе и устранить некоторые укоренившиеся в историографии предрассудки относительно внутренней политики Ивана Грозного.

В середине XVI в. весь класс привилегированных служилых землевладельцев, помещиков и вотчинников, делился на две весьма неравные части. Государев двор был как бы вершиной всего класса. По приблизительному вычислению в нем было около 2600 человек. Высшим чином двора был боярин, а низшим — жилец. Только эти люди, служившие во дворе великого князя, как тогда говорили, «по дворовому списку», назывались дворянами.

Под этим слоем, превосходя его численностью раз в пятнадцать (точнее сказать невозможно), находился слой так называемых детей боярских, служивших «с городом», то есть в поуездных городовых организациях. Городовых детей боярских было тысяч 35, способных к «полковой службе» в дальних походах, и тысяч 10 — «осадной службы».

Генеалогический состав Государева двора был весьма устойчив, но непроходимой грани между

ним и городовыми детьми боярскими не было. Из родов, служивших из поколения в поколение по дворовому списку, постоянно выделялись неудачники и неспособные представители, опускавшиеся в ряды городовых детей боярских, а из последних «лучшие слуги», «выбор из городов», то есть отборные воины, поднимались и попадали в дворовый список обыкновенно в чине жильца и очень редко выше.

Если представить себе класс служилых землевладельцев в виде пирамиды, то Государев двор представлял собой правильное завершение пирамиды. Вершина состояла из 65—70 человек в думных чинах. Дума была правящим центром всего государства. Непосредственно за думцами было человек 500 дворян высших чинов: больших дворян московских, стольников и стряпчих. В руках думцев и трех высших чинов находилось все центральное и местное управление, все военные и гражданские должности.

Жильцы в количестве до 2 тыс. человек, сменяясь по очереди, жили в Москве при государе в качестве дворцовых телохранителей и исполнителей мелких поручений.

Когда царь отправлялся лично в поход, то его обыкновенно сопровождал государев или дворцовый полк, сформированный из жильцов, под командой «дворовых» воевод из бояр или окольничих.

Таким образом, жильцы царя Ивана были как бы преемниками «молодшей дружины» киевских князей, а с другой стороны — предшественниками лейб-гвардии российских императоров XVIII в.

Дворяне получали по чину и по личным заслугам различные кормления, а после отмены в 1556 г.

Иван IV посылает суда
с осадными орудиями на Казань.
1552 г. Миниатюра летописного свода XVI в.

кормлений стали получать денежное жалованье. Городовые дети боярских кормлений не получали, а денежное жалованье давалось им только на подмогу и на подъем в походы.

По сохранившейся Тетради дворовой, содержащей перечень лиц, служивших в 1539—1564 гг., в дворянах было двадцать четыре человека Кологривовых и Поводовых, десять Курчевых, восемь Рожновых, пять Бобрищевых, четверо Мусиных и четверо Пушкиных младшей линии, среди которых был и прямой предок А. С. Пушкина — Михаил Иванович (по Дмитрову) [1].

Когда в 1565 г. Иван Грозный решил учинить «на своем государьстве себе опришнину», то он поставил условие — «бояр и околничих, и дворецкого, и казначеев, и дьяков, и всяких приказных людей, да и дворян, и детей боярских, и столников, и стряпчих, и жилцов учинити себе особно» [2]. Таким образом, образовалось два двора: в земщине остался старый Государев двор прежнего состава, одновременно царь устроил себе Особный, или Опричный, двор, который в просторечье стал называться опричниной.

По этому вопросу в исторической литературе до сих пор держатся старые предрассудки о демократических симпатиях Ивана Грозного. Известный в свое время историк права и философ проф. К. Д. Кавелин, желая реабилитировать и осмыслить учреждение Опричного двора, утверждал (голословно), что Иван Грозный в опричнине сделал «первую попытку» заменить в государственном управлении «родовое вельможество» «началом личного достоинства» и открыть дорогу талантам независимо от «породы», происхождения [3].

Эта идея о широкой дороге, открытой талантам независимо от происхождения, так пришлась по душе либеральному интеллигенту XIX в., что успех высказываниям Кавелина был обеспечен на многие десятки лет, и вариации на тему о

«низах» служилого класса и о худородных и безродных талантах, которым царь Иван открыл в опричнине дорогу, повторяются после Кавелина на разные лады.

Неуместно было бы в настоящем очерке поднимать сложные вопросы, связанные с семилетним существованием Опричного двора (с января 1565 по сентябрь 1572 г.), для нашей темы достаточно обратить внимание и сказать несколько слов о личном составе Опричного двора.

В настоящее время выяснено до ста пятидесяти человек, служивших в опричнине [4]. Это значительная часть Опричного двора, и притом правящая верхушка его. Среди этих полутораста опричников мы находим представителей едва ли не всех княжеских и боярских родов. Большинство этих лиц и до опричнины служило в Государеве дворе, и имена их самих или их отцов и родственников мы находим в упомянутой выше Тетради дворовой.

Известна служба в опричнине следующих лиц.

Из князей трубецких — Федор Михайлович и Никита Романович; из ярославских князей — шурин царя Ивана по первой жене Василий Андреевич Сицкий, Роман Васильевич и Иван Петрович Залупа Охлябинины, четверо Хворостининых и Иван [Борисович] Жирового Засекин; из одоевских — боярин Никита Романович; из рязанских — Семен и Петр Данилович Пронские; из суздальских — Василий Иванович Барабошин; из тверских — Василий Иванович Ватута и Андрей Петрович Телятевские; из ростовских — Василий Иванович и Иван Васильевич Темкины и двое Гвоздевых; из других фамилий — Петр Иванович Борятинский, Андрей Петрович Хованский, Дмитрий [Михайлович] Щербатого-Оболенский,

Василий Юрьевич Голицын, четверо Вяземских и т. д.

Из старых боярских родов известны опричники: Дмитрий Андреевич Бутурлин, Иван Иванович Мятлев-Слизнев, Иван Яковлевич Чеботов, Никита Васильевич и Григорий Никитич Борисовы-Бороздины, Василий Иванович Умного-Колычев, Замятня [Иванович] Сабуров, четверо Плещеевых, двое Басмановых-Плещеевых и т. д.

По незнанию генеалогии считали «безродным» известного опричника Петра Васильевича Зайцева, который вышел из старшей линии боярского рода Добрынских, к которому принадлежал богатейший современник Ивана Грозного боярин Иван Иванович Хабаров Симский.

«Худородным», со слов самого Ивана Грозного, считали известного опричника Васюка Грязного. В действительности он и его сородич опричник Василий [Федорович] Ошанин происходили из старого ростовского рода Ильиных. В Тетради дворовой записано восемь Ильиных, в том числе и Василий Ошанин.

А вот несколько примеров из второго и третьего слоев дворянства. Очень видным опричником был Константин Дмитриевич Поливанов. В Тетради дворовой записано двадцать два Поливанова, в том числе и сам Константин Дмитриевич. В опричниках были Петр и Богдан Григорьевичи Совины. В Тетради дворовой записано десять Совиных, в том числе Григорий с сыном Петром. Не менее видным опричником, чем Константин Дмитриевич Поливанов, был Алексей Михайлович Старого-Милюков. Милюковы вели свой род от Семена Мелика, убитого на Куликовом поле. В Тетради дворовой записано десять Милюковых и девять Старого-Милюковых, в числе которых и сам

Алексей Михайлович с тремя старшими братьями, тоже служившими в опричнине.

Приведенных примеров совершенно достаточно, чтобы сказать определенно, что царь Иван набрал себе опричников либо прямо из старого Государева двора, либо из тех родов, которые задолго до опричнины служили по дворовому списку и принадлежали к той немногочисленной правящей верхушке служилого класса, которая была описана выше. Поэтому можно сказать, что Иван Грозный, учреждая опричнину, вовсе не имел намерения опереться на «низы» служилого класса и рассек, если так можно выразиться, пирамиду класса служилых землевладельцев не по горизонтали, а по вертикали, сверху вниз.

Так понимали дело современники Ивана Грозного и ближайшее потомство: англичанин Флетчер, не знавший русского языка и судивший о русской жизни со слов представителей правящей верхушки государства, с которой он имел дело, писал, что Иван Грозный сознательно и последовательно натравливал младших представителей княжеских и боярских родов на своих старших сородичей. То же по существу писал неизвестный редактор хронографа 1617 г. Он говорил, что «парение похоти» (то есть страсти) омрачило «многомудренный» разум царя Ивана, он начал истреблять своих родственников и вельмож, а к тому же «крамолу возлюби», разделил свое государство на земщину и опричнину и «поусти» одну часть своих людей на другую [5].

Конечно, такая оценка опричнины далеко не исчерпывает ее исторического значения, тем более что последствия опричнины на деле разошлись с замыслами царя Ивана. Но напрасно историки

с пренебрежением отбрасывают высказывания Флетчера и редактора хронографа и пытаются задним числом осмыслить явления далекого прошлого, не считаясь с фактами, и приписывают царю Ивану такие замыслы, которые, вероятно, никогда не приходили ему в голову.

А. С. Пушкин в «Моей родословной» писал:

Мой предок Рача (так! — *С. В.*) мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV пощадил [6].

Александр Сергеевич, очевидно, имел в виду только Пушкиных, так как из «Истории» Карамзина ему, конечно, было известно, что «гнев венчанный» не пощадил многих виднейших представителей рода Ратши из числа потомков Акинфа Великого: Ивана Петровича Федорова, Ивана Яковлевича Чеботова, Ивана Ивановича Чулкова, Жулебиных и несколько Бутурлиных.

В черновом наброске родословной Пушкиных и Ганнибалов А. С. Пушкин выразился ближе к истине: «В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф (то есть Карамзин.— *С. В.*) именует и Пушкиных» [7].

Александру Сергеевичу, очевидно, Пушкины представлялись «знатным родом» на всем протяжении их 600-летнего дворянства. Между тем со времени пресечения в конце XV в. боярской фамилии Товарковых-Пушкиных за весь XVI в. в думе московских государей не было ни одного Пушкина. Мало того, при Иване Грозном по меньшей мере половина наличных в то время Пушкиных служила не в дворянах, не по дворовому списку, хотя бы в низших чинах Государева двора, а в

городовых детях боярских, что для родовитых людей было большой «потерькой чести».

По Бархатной книге и частным родословцам, в 60-х годах XVI в. насчитывается не менее восьмидесяти человек Пушкиных разных фамилий: более тридцати человек Пушкиных на поместьях в Великом Новгороде, шестнадцать Курчевых, восемь Рожновых, двенадцать Мусиных, двенадцать Кологривовых, трое Бобрищевых, четверо Поводовых и т. д. Но Пушкины в это время так измельчали и так размножились, что растеряли множество своих родичей. Так, второй сын Михаила Тимофеевича Мусы, Гаврило, в родословцах показан бездетным, тогда как в новгородских писцовых книгах у него упомянуто пятеро сыновей [8]. У Федора Степановича Шаферика Улитина показаны два брата без потомства, тогда как в актах у них упоминаются сыновья и внуки.

В общем, можно считать, что при Иване Грозном Пушкиных разных фамилий было не менее 90 человек, из которых в дворянах служили 53 человека. Таким образом, около трети Пушкиных по своему служебному положению не имели случая обратить на себя внимание Ивана Грозного и попасть под его горячую руку. Тем не менее несколько Пушкиных все-таки пострадали от опальчивого царя.

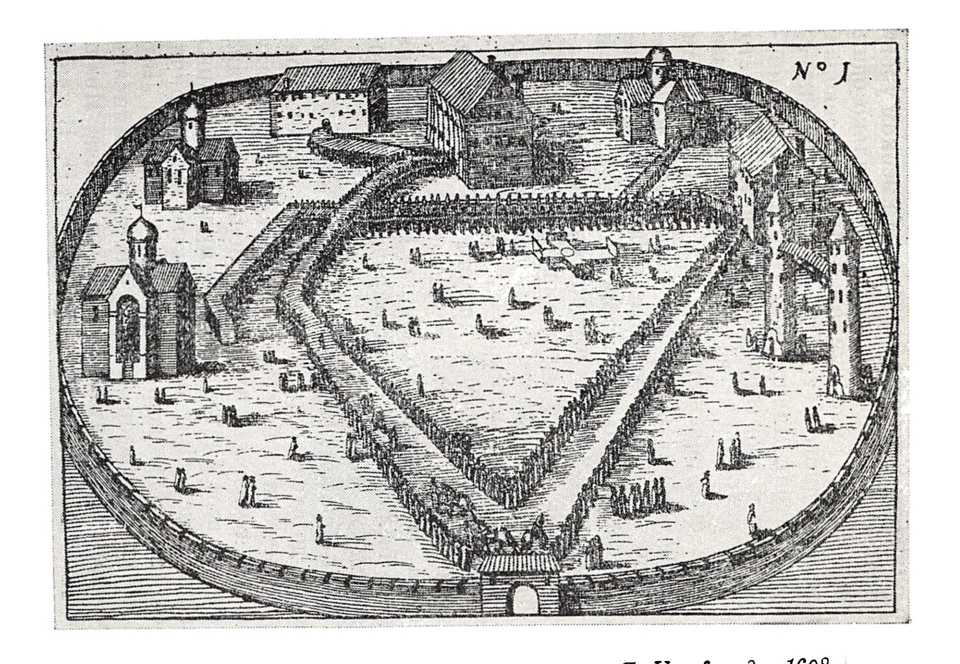
Курбский в «Истории о великом князе московском» упомянул о Дмитрии Федоровиче Шаферикове Пушкине и писал, что он был «муж зело разумной и храбрый и уже в совершенных летех; единоплеменен же бе Челядниным» [9]. Курбский знал Дмитрия Федоровича Шаферикова лично, так как тот не раз сражался под начальством Курбского в Ливонии.

Все ближайшие родственники Дмитрия Федо-

ровича Шаферикова были заурядными городовыми детьми боярскими, служившими с небольших поместий в Шелонской пятине Великого Новгорода. Изо всех Шафериковых Дмитрий Федорович был единственным выдающимся человеком.

Незадолго до 1550 г. он попал в дворовый список и в 1550 г. в числе тысячи «лучших слуг» Государева двора получил поместье под Москвой. Его возвышение по службе началось еще до того времени, когда царь взял бразды правления в свои руки. В 1554 г. Дмитрий Шафериков был вторым воеводой передового полка в походе на луговую черемису. С начала Ливонской войны он все время в передовом полку — в Ругодиве и в Орешке, а затем в действиях под начальством князя Курбского. В 1562 г. он был воеводой в Себеже, в 1564 г.— в Невеле, в 1565 г.— в Велиже. На Земском соборе 1566 г. Дмитрий Шафериков был в дворянах первой статьи, то есть занимал высокое положение — в «больших московских дворянах», выше стольников [10]. Он был убит, по-видимому, во время новгородского погрома 1570 г., и одновременно с ним погиб его брат Иван. После Ивана Шаферикова остались две дочери, получившие в 1570 г. прожиток из поместья отца. В том же году получил поместье младший сын Дмитрия Андрей, а поместье самого Дмитрия Шаферикова было отдано его вдове с двумя малолетними сыновьями в августе 1572 г. [11]

В синодике опальных царя Ивана записаны казненные в опричнине Никифорка и Докуня Курчевы-Пушкины. Курчевы происходили от Никиты, второго сына Григория Пушки. Давид и Борис Ивановичи Курчевы владели небольшими вотчинами в Дмитрове, на границе с Московским уездом. (См. выше, С. 56.)

Александрова слобода в XVI в. Гравюра из книги Я. Ульфэльда. 1608 г.

По службам Курчевы были не на высоком уровне. В полковых головах упоминается только один Курчев — Иван Семенович, а в полковых воеводах не было ни одного Курчева. В 1535 и 1536 гг. Семен и Дмитрий Давидовичи Курчевы были посланы ставить новые городовые укрепления вместо сгоревших в Перми и во Владимире. Подобные поручения обыкновенно давались низшим чинам Государева двора. По своим поместьям в Тверском уезде несколько Курчевых служили «с городом» по Твери, а по своим дмитровским вотчинам пять Курчевых служили в уделе князя Юрия Ивановича. После смерти в тюрьме князя Юрия Ивановича (1536 г.) человек семь-восемь Курчевых служили во дворе великого князя.

Казненные Никифор и Докуня (он же Докука) Курчевы были сыновьями тверского помещика Третьяка Ивановича Головина Курчева, жена которого была кормилицей царевича Федора (родившегося в 1557 г.) *.

Таким образом, Никифор и Докуня были товарищами детства царевичей Ивана и Федора. Заслуги матери и близость к царевичам открыли для юных Курчевых путь в Опричный двор царя Ивана, и это благоприятное при нормальных жизненных условиях обстоятельство было причиной их гибели. В разряде полков похода на Литву 1567 г. Никифор и Докуня были написаны подрындами у рогатины юного царевича Ивана и после этого нигде не упоминаются [13]. В связи с их гибелью в опричнине все прочие Курчевы, а их было в то время человек 15—16, сошли неза-

---

* Об этом мы узнали случайно из местничества Василия Никитича Пушкина с Андреем Осиповичем Плещеевым [12].

метно с жизненной сцены — в самых полных частных родословцах род Курчевых кончается на том колене, к которому принадлежали казненные Никифорка и Докуня. В 1637 г. один из Курчевых, Иван, имел вотчину в Дмитрове и служил во дворе патриарха, но при составлении в 1686 г. новой родословной книги из рода Курчевых, по росписи Пушкиных, не было ни одного человека.

Так, можно, сказать, что «гнев венчанный» действительно «пощадил» многочисленное потомство Григория Пушки. Однако царь поступил так вовсе не по особым симпатиям к Пушкиным. В этом легко убедиться, если сравнить гибель упомянутых выше Пушкиных с уничтожением ряда знатнейших потомков Ратши других фамилий.

В главе V было показано, что самыми значительными из рода Ратши в XIV—XVI вв. были Акинфовичи, потомки боярина Андрея Ивановича, жившего в середине XIV в. На них-то и обрушился всей тяжестью Иван Грозный. Об этом стоит рассказать с некоторыми подробностями для характеристики среды и событий, из которых Пушкины вышли сравнительно благополучно.

Старшим среди Акинфовичей был боярин Иван Петрович Федоров. Он родился в первом десятилетии XVI в. и был старше царя Ивана лет на двадцать. Как единственный наследник вотчин и богатств, накопленных пятью поколениями его предков начиная с Ивана Андреевича Хромого, Иван Петрович был одним из самых богатых людей своего времени. Его жена Марья Васильевна Челяднина в первом браке была замужем за князем Иваном Осиповичем Дорогобужским, от которого имела одного сына, убитого в молодости на службе. Как последняя представительница

угасшего в 1542 г. знатного рода Челядниных, Марья Васильевна, со своей стороны, была богатой женщиной. Ее брак с Иваном Петровичем был бездетным.

Иван Петрович начал служить в 1536 г., когда он был воеводой передового полка в Муроме и Владимире [14]. Затем двадцать лет он ходил воеводой почти во всех походах того времени. Пять или шесть поколений прямых предков Ивана Петровича были в боярах, и в 1544 г., в возрасте около тридцати пяти лет, он получил чин боярина, минуя окольничество. В 1549 г. Иван Петрович получил самый высокий чин — боярина-конюшего. После казанских походов 1549, 1551 и 1556—1557 гг. Иван Петрович служил большей частью в Москве, а в 1562—1563 гг. он был на очень ответственном месте — наместником в Юрьеве Ливонском. После учреждения опричнины и удаления царя в Александрову слободу Иван Петрович Федоров и князь Иван [Федорович] Мстиславский были поставлены во главе правительства всей земщины.

В июне 1566 г. он еще был в Москве и принимал польских послов, а в конце месяца, накануне открытия Земского собора, был удален и назначен в Полоцк, где был и в 1567 г., когда над ним разразилась царская опала.

Об Иване Петровиче Федорове и казни его сохранилось довольно много сведений у отечественных и иностранных писателей. Сопоставляя их и устраняя все недостоверное, можно представить себе дело так.

В сентябре 1567 г. царь отправился в полки с намерением принять участие в действиях против поляков. Не доходя до Великого Новгорода, на стану в селе Дворцах царь получил какие-то

сведения, круто изменил свои планы и с большой поспешностью возвратился в Москву. Он вызвал из Полоцка Ивана Петровича Федорова и убил его собственноручно во дворце, без всякого суда и следствия, даже без допроса.

По рассказам иностранных писателей, Иван Петрович Федоров был главой заговора — захватить царя на фронте и выдать польскому королю. Иван Грозный вызвал Ивана Петровича во дворец, посадил на свой трон в царском одеянии, дал ему в руки скипетр и с притворным смирением приветствовал как своего государя. Потом он сбросил личину смирения и убил его ножом, а затем приказал выбросить его тело на площадь.

Н. М. Карамзин не верил в существование заговора и полагал, что Иван Петрович Федоров был жертвой «клеветы», которую, прибавим от себя, Иван Грозный не находил нужным проверить.

Иван Петрович Федоров вырос в вековых традициях верной службы и преданности своему государю, но в то же время был исполнен чувства личного достоинства и гордости своим высоким положением. Огромное богатство, отсутствие детей, высокое положение и преклонный возраст — все это лишало его стимулов искать царских милостей, угождать царю и потакать его порочным наклонностям.

В частной жизни он был щедрым и милостивым господином своих многочисленных слуг и послужильцев, а в общественной — беспристрастным и праведным судьей. Генрих Штаден, очень склонный к злословию, для Ивана Петровича Федорова сделал исключение и писал, что он был единственным из бояр, кто судил праведно, был доступен для просителей и пользовался в народе уважением [15].

Столкновение такого человека с Иваном Грозным было неизбежно, и Иван Петрович Федоров и его жена предвидели это.

В 1564 г. Марья Васильевна дала Троицкому Сергиеву монастырю сельцо Кишкино-Челяднино в Коломенском уезде и село Богородицкое в Юрьеве, оставив за собой право пожизненного владения. На таком же условии сам Иван Петрович, отправляясь на службу в Полоцк в 1566 г., дал Кириллову Белозерскому и Московскому Новоспасскому монастырям свою вековую вотчину — село Старую Ергу на Белоозере [16].

Потомство Александра Остея при царе Иване было представлено несколькими выдающимися думцами. Из фамилии Чеботовых были окольничий Дмитрий Андреевич, умерший в 1562 г., и боярин Иван Яковлевич Чеботов. Затем в окольничих были Иван Иванович Чулков и Иван Иванович Овцын-Жулебин, умерший около 1563 г. Накануне опричнины в живых были Иван Иванович Чулков и Иван Яковлевич Чеботов.

Иван Иванович Чулков перед опричниной не раз служил в полковых воеводах. Учреждение опричнины застало его на воеводстве в Великом Новгороде. Затем он служил во Ржеве и в последний раз упоминается в разрядах в 1568 г. на воеводстве в Вязьме [17]. В том же году он показан «выбывшим», то есть казненным, в Новиковском списке думных чинов. Причины и обстоятельства его казни неизвестны.

Иван Яковлевич Чеботов одно время пользовался исключительными милостями царя. Его отец был заурядным дворянином и ни разу не получал назначений в полковые воеводы. Тем не менее Иван Яковлевич в 1551 г. был пожалован в окольничие, а затем, в 1559 г., в бояре.

Портрет Бориса Годунова. XVII в.

По свидетельству Таубе и Крузе, он был близок к царю, и если не был в числе вдохновителей опричнины, то во всяком случае еще до учреждения ее был посвящен в замыслы царя. Принятый в Опричный двор, Иван Яковлевич стал в нем своим человеком, и в 1569—1570 гг. он не раз упоминается как боярин из опричнины. В конце 1570 или в начале 1571 г. он подвергся опале, но и при этом царь оказал ему особую милость — разрешил уйти в монастырь, а после его смерти сделал по его душе большой вклад Кириллову монастырю. Иван Яковлевич в опале сохранил свою вотчину и, будучи схимником Ионой Ростовского Борисоглебского монастыря, продал ее в 1573 г.[18]

Опалу и уход в монастырь Ивана Яковлевича Чеботова можно поставить в связь с казнью старицких князей, во дворе которых служила его близкая родственница Марфа Жулебина, боярыня княгини Евфросиньи (в иночестве Евдокии) Старицкой, казненная со всей свитой старицких князей. Иван Яковлевич был последним представителем фамилии Чеботовых. Чулковы и Жулебины в связи с казнью указанных лиц сошли на положение рядовых дворян.

Остается сказать несколько слов о Бутурлиных. Бутурлины, несмотря на свою многочисленность, в массе служили по дворовому списку и занимали видные места в думе, в полковых воеводах и головах и в гражданской администрации.

Перед опричниной самыми значительными из фамилии Бутурлиных были сыновья окольничего Андрея Никитича — Афанасий, Дмитрий, Иван и Василий. Афанасий и Иван были пожалованы в окольничие в 1563 г. Иван был пожалован в бояре уже в опричнине, в 1567 г., что было исключительной милостью царя. При опричнине же, в

1568 г., был пожалован в окольничие Дмитрий. Наконец, Василий Андреевич начал служить в 1548 г. и показал себя выдающимся воеводой. Князь Курбский упоминает о казни только Василия Андреевича и его «братии», то есть родственников, но ничего не говорит о причине и обстоятельствах казни. Василий Андреевич упоминается в последний раз в 1567 г. на воеводстве в Дорогобуже. По-видимому, тогда же погибли он и еще несколько Бутурлиных, а его старшие братья погибли позже и, несомненно, по другому делу [19].

Афанасий Андреевич был заподозрен в намерении бежать в Литву [20]. Быть может, в связи с этим в конце существования опричнины он был удален со службы и умер в 1571 г. (погребен у Троицы).

Дмитрий Андреевич служил в Опричном дворе и был казнен около 1575 г., после отставки опричнины. Одновременно с ним был казнен его младший брат боярин Иван Андреевич с сыном Федором и дочерью.

В синодике опальных царя Ивана упоминаются еще следующие Бутурлины: Леонтий, сын опричника Дмитрия Андреевича (погребен у Троицы в 1577 г.), Григорий Неклюд Дмитриевич и Степан Варфоломеевич [21].

В об ем можно сказать, что от опал царя Ивана Бутурлины понесли в разное время тяжелые потери, притом в лице самых крупных представителей фамилии. Но Бутурлиных было много, после смерти царя Ивана они стали оправляться, и при царе Федоре появился в думе в чине окольничего Иван Михайлович, племянник казненных Андреевичей, а при царе Борисе был пожалован в окольничие Фома, сын Афанасия Андреевича.

Можно сказать, что «гнев венчанный» если и «пощадил» Пушкиных, то не пожалел других, более значительных потомков Ратши.

Глава девятая

Возвышение Пушкиных в последней четверти XVI в.

После бурного времени опал Ивана Грозного, и в частности после семи с половиной лет опричнины, на исторической сцене появляются новые люди и становится заметным служебное возвышение некоторых младших отраслей старых боярских и княжеских родов. В зависимости от нашей склонности видеть все в розовом свете и останавливать свое внимание на положительных качествах и поступках людей или, наоборот, смотреть на все пессимистически, мы легко можем утратить правильный критерий в оценке исторических личностей, если не будем считаться с обстановкой, в которой они жили и действовали.

В. О. Ключевский на лекциях и позже, в «Курсе русской истории», говорил, что пресловутая борьба Ивана Грозного с княжатами и боярством и опричнина свелись к уничтожению лиц и не изменили государственного и социального строя, существовавшего до кровавых опал «венчанного гнева», как выражался А. С. Пушкин про «свирепого внука» великого князя Ивана III, «смирителя бурь» и «разумного самодержца» [1]. Последующие и новейшие исследования подтвердили мнение В. О. Ключевского и дополнили новыми данными. Исследования показали, что

генеалогический состав класса служилых землевладельцев, несмотря на гибель множества выдающихся лиц и целых фамилий знатных родов, не изменился.

Из всех княжеских родов Оболенские по количеству жертв «венчанного гнева» занимают, бесспорно, первое место. Полностью были уничтожены старшие линии рода — Щенятевы и Телепневы, понесли большие потери Репнины, Серебряные, Щепины и Кашины, но еще в опричнине стали подниматься Щербатовы, а несколько позже — Долгоруковы, младшие фамилии рода, до того совершенно незаметные в служебном отношении. В роде Зерновых на смену «великим» дотоле Сабуровым в опричнине стали подниматься Годуновы. В роде стародубских князей опалы царя Ивана расчистили путь для возвышения князьям Пожарским, которые в служебном отношении были самой захудалой отраслью рода.

В предыдущей главе было рассказано, какие тяжелые потери понесли потомки Ратши от опал царя Ивана. Без преувеличения можно сказать, что «гнев венчанный» не пощадил самых крупных представителей рода — Ивана Петровича Федорова, Ивана Яковлевича Чеботова, Ивана Ивановича Чулкова, Афанасия, Дмитрия, Ивана и Василия Андреевичей Бутурлиных, не говоря о других, менее значительных потомках Акинфа Великого. И из многих десятков ничем не замечательных Пушкиных царь Иван не пощадил Дмитрия Федоровича Шаферикова, несомненно выдающегося по своей службе человека.

Князь Курбский в последнем «отвещании» на второе послание Ивана Грозного писал, что он погубил множество выдающихся людей, «а в то

место осталися калики, их же воеводами поставляти усильствуешь...» [2]

Естественно, что Курбский был склонен преувеличивать таланты и заслуги воевод, пострадавших от Ивана Грозного, и пристрастно недооценивать способности «воеводишек калик» последних Ливонских походов, но по существу в его словах была большая доля правды. Бесспорно, что у Ивана Грозного во вторую половину его царствования не было таких военачальников и «полкоустроителей», как князь Александр Горбатый Суздальский, как князья Михаил Иванович Воротынский и Андрей Курбский, которые еще в молодости заслуженно прославились при взятии Казани. И совершенно естественно, что Ивану Грозному за недостатком способных и талантливых людей в верхнем слое служилого класса пришлось искать их во вторых и третьих рядах дворянства.

Возвращаясь к Пушкиным на службе у царя Ивана, следует прежде всего отметить, что не все отрасли Григория Пушки воспользовались в равной степени сложившейся благоприятно для них обстановкой.

Пушкины старшей линии по-прежнему коснели в своих новгородских поместьях. Курчевы-Пушкины, как было сказано выше, сошли с жизненной сцены, по-видимому, в связи с казнью в опричнине двух представителей фамилии — Докуни и Никифорки. Рожновы, Кологривовы, Поводовы и Мусины продолжали оставаться на прежнем уровне, то есть лучшие представители этих фамилий служили в низших чинах Государева двора, а прочие — в городовых детях боярских. Некоторое повышение служебного уровня заметно у Бобрищевых-Пушкиных. Но толь-

ко младшая линия Пушкиных, потомки Константина Григорьевича, прямого предка А. С. Пушкина, воспользовались в полной мере возможностями возвышения, открывавшимися перед ними после гибели множества лиц, семей и целых фамилий от опал царя Ивана. И что, может быть, еще важнее, это то, что, начав трудный путь к высотам Государева двора, Пушкины продолжали возвышаться и позже, в XVII в., несмотря на бурные события Смутного времени.

Царь Иван познакомился с Пушкиными в опричнине, и с этого времени становится заметным выдвижение нескольких Пушкиных. Впереди идет, однако, не опричник Семен Михайлович, а его племянник Евстафий Михайлович, старший представитель фамилии Пушкиных. Про Семена Михайловича можно сказать, что в опричнине и после нее он карьеры не сделал: ни в полковых головах, ни тем более в воеводах не был. В 1578 г. он был писцом Волока Ламского, и после этого не известно ни одной его значительной службы. В соответствии с этим и его сыновья Федор и Тимофей были рядовыми дворянами. В 1598 г. в походе царя Бориса к Серпухову против крымских татар они были головами в полках [3], и только много позже, при царе Михаиле, Федор и Тимофей (прямой предок А. С. Пушкина) уже в преклонном возрасте достигли высокого положения в центральном и местном управлении.

Евстафий Михайлович, несомненно, был недюжинным и дельным человеком. Впервые мы узнаем о нем в 1572 г., в конце существования опричнины.

События 1571 г. подорвали окончательно доверие Ивана Грозного к опричникам и к опричнине как военной силе. Опричные воеводы, на которых

царь возложил отражение набега хана Девлета, не оправдали доверия царя. Подозревая везде измену, царь бросил свои полки и, минуя Москву и Александрову слободу, бежал на Белоозеро, в Кириллов монастырь. Девлет беспрепятственно дошел до Москвы, выжег московские посады, разграбил Подмосковье и ушел с большой добычей в Крым. В 1572 г. в ожидании вторичного набега татар царь решил удалиться в Новгород. Он захватил с собой новобрачную царицу, царевичей и всю царскую казну и в начале июня прибыл в Новгород. Для своей безопасности он собрал в Новгород из соседних городов до 10 тыс. стрельцов и казаков. Не доверяя ни земским, ни опричным воеводам, царь поставил на путях в Новгород заставы, выбрав для этого особо доверенных людей.

На заставу в Старицу были посланы Евстафий Михайлович Пушкин и его сородич Дмитрий Андреевич Замытский [4]. В грамоте к ним от 17 июля царь писал, что по вестям, полученным в Новгороде от воевод, стоявших на Оке, крымский хан направляется на Москву. Царь предписывал Пушкину и Замытскому проведывать со своей стороны, «как ево (то есть крымского хана.— *С. В.*) чаяти к берегу (Оки.— *С. В.*), и где ему реку перелесть, и на которое место чаяти; и вы б велели разведывати подлинно, а о том бы есте нас без вести не держали, посылали б есте к нам с тою вестию почесту о дву конь (то есть нарочным, с запасной лошадью для замены уставшей.— *С. В.*), чтобы нам про то небезвестным быть... Да и во Твери б есте поставили сына боярского или дву добрых, и какова весть у них про царя будет, и оне б нас про царев приход по тому ж не держали без вести» [5].

Эта служба Евстафия Пушкина на заставе в Старице в такое тревожное время, которое переживал летом 1572 г. Иван Грозный в ожидании второго набега крымского хана, свидетельствует о большом доверии царя к Евстафию Пушкину. То же говорит и осенний разряд полков для царского похода 1572 г. в Ливонию — Евстафий Пушкин должен был «дозирать сторожи», то есть проверять сторожевую охрану царской ставки. И эта служба говорит о приближении Евстафия к царю и о доверии к нему со стороны царя Ивана.

В следующем году он служил уже в «стратилатском чине», как выражался князь Курбский, говоря о полковых воеводах,— был назначен вторым воеводой в Новосиль, что для молодого человека было хорошим продвижением по службе. В 1576, 1577 и 1579 гг. мы видим Евстафия Михайловича уже воеводой передового полка в Ливонском походе[6].

Частная разрядная книга из моего собрания сообщает много интересных подробностей этого похода. После взятия Ровна царь послал князя Михаила Ноздреватого-Звенигородского с сотней детей боярских и стрельцов под Смильтен, гарнизон которого отказался сдаться. Затем на помощь князю Михаилу был послан Андрей Ефимович Салтыков. Воеводы «промысла никакого под городом (Смильтеном.— *С. В.*) не сделали и государю о том вести никоторые не учинили, что им литва говорит». Тем временем царь Иван послал Проню Балакирева «проведать», что делается под Смильтеном. Проня Балакирев, вернувшись, донес, что он подъехал к русскому лагерю «шумко», то есть без всяких предосторожностей, «а сторож у них не было... и полочане князь Михайловы и Андреевы побежали ни от кого, и стал шум ве-

лик; и после опять остановились». И Проня Балакирев, приехав к государю, и про то сказал, что «они (воеводы.— *С. В.*) стоят небрежно». Царь Иван в подобных случаях не любил шутить. Получив это известие за столом, царь «из-за кушанья» послал одного из своих любимцев, Деменшу Черемисинова, а «с нарядом мелким (с полевыми пушками.— *С. В.*) отпустил боярина своего Василия Федоровича Воронцова да Астафья Михайловича Пушкина». Черемисинов сыскал про воевод, «что они сделали негораздо», убедил гарнизон Смильтена сдаться и привел литву «со всеми животы» в стан к царю. Царь приказал отпустить литву на родину, город Смильтен велел разорить, «а князя Михаила Ноздреватого велел бить на конюшне плетьми». Андрей Салтыков отговаривался тем, что не получил никаких указаний от князя Михаила, «и государь Андрею за тое неслужбу шубы не дал» [7].

В 1580 г. Евстафий Михайлович был послан на весьма ответственную службу — четвертым воеводой в Смоленск [8]. Та же разрядная книга рассказывает, что литовский военачальник пан Филон с девятитысячным войском подошел к Смоленску и стал лагерем в семи верстах от города. Воеводы сделали вылазку, напали на Филона, разбили его, захватили пушки и все лагерное имущество неприятеля и взяли 380 человек в плен. Сам пан Филон бежал в Оршу. За эту крупную победу царь наградил воевод золотыми.

В том же году Евстафий Михайлович с титулом муромского наместника (для большей почетности) был послан к Стефану Баторию для переговоров о мире [9]. Эта служба была неудачной — царю Ивану удалось добиться мира много позже,

и только при посредничестве иезуита Антония Поссевино. В 1588 г. Евстафий Михайлович был на службе в полках в Серпухове. Это была его последняя служба на ратном поприще [10]. В 1590 г. мы видим его уже на гражданской службе — он был писцом Венева. Через четыре года он удачно выступил на дипломатическом поприще. С титулом елатомского наместника Евстафий Михайлович был товарищем князя Ивана Самсоновича Туренина в полномочном посольстве и 18 мая 1595 г. заключил со шведами вечный мир.

В конце царствования Бориса Годунова Евстафий Михайлович и его «братья» вызвали чем-то неудовольствие царя. До опалы дело не дошло, но Евстафий Михайлович «с братьей» был удален из Москвы. Однако это было сделано в очень почетной форме: он был пожалован в думные дворяне и послан (в 1600/01 г.) воеводой в Тобольск. Поскольку воеводы всех сибирских городов были подчинены тобольскому воеводе, воевода Тобольска был как бы наместником всей тогдашней Сибири.

Таким не совсем обычным путем после 30-летней службы достиг думного чина первый из фамилии Пушкиных. По тогдашним обычаям и порядкам это имело очень большое значение для карьеры прочих Пушкиных не только как прецедент, но также как достижение родича, на которого могли опираться в своих местнических притязаниях и спорах все члены фамилии.

Евстафий Михайлович был, несомненно, незаурядным человеком, но о частной жизни его мы, к сожалению, ничего не знаем. В генеалогическом пасквиле на Сукиных есть интересное сообщение о дочерях Евстафия Михайловича, нуждающееся, впрочем, в проверке: «Борисова сына Сукина Василья женили Ондрей да Василей Щелка-

ловы (всесильные и при царе Борисе дьяки.— *С. В.*), взяли за него у Остафья Пушкина дочь неволею, а другая Остафьева дочь Пушкина была за князем Ондреем Дмитреевичем Хилковым»[11].

Вслед за Евстафием шел в гору его брат Иван Михайлович Большой. В 1574 г. он был пожалован в ловчие. Чин ловчего сам по себе не давал права участвовать в думе, но создавал известную близость человека к царю. Ловчие и сокольничие получали доступ в думу только в том случае, если были жалуемы «с путем», то есть с особым кормлением. В 1577—1579 гг. Иван Михайлович был полковым воеводой в Ливонских походах, а в 1582 г. с князем Дмитрием [Петровичем] Елецким был в посольстве в Польшу, для урегулирования некоторых частных вопросов заключенного с Польшей мира[12]. В 1583 г. он вызвал чем-то немилость царя Ивана и был отставлен от ловчества. На место Пушкина ловчим был назначен его далекий сородич Дмитрий Андреевич Замытский, о котором было упомянуто выше. Замытские были захудалой отраслью рода Акинфа Великого, и Дмитрий Андреевич Замытский, подобно Пушкиным, выдвинулся после гибели своих более значительных сородичей — Ивана Петровича Федорова, Ивана Яковлевича Чеботова, Ивана Ивановича Чулкова и нескольких Бутурлиных.

При царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове Иван Михайлович Большой продолжал служить, но особо почетных назначений не получал и только много позже, на старости лет, был пожалован царем Василием в думные дворяне.

У А. С. Пушкина было ошибочное представление, будто при царе Борисе Пушкины были явно обижаемы в местнических спорах и вообще были

Русский боярин.
Гравюра из «Путешествия» А. Олеария

гонимы. О местнических тяжбах Пушкиных речь будет ниже, а здесь отмечу факт, совершенно несовместимый с немилостью царя Бориса относительно Пушкиных. Одновременно этот факт является верным показателем возвышения именно младшей линии Пушкиных по сравнению с другими фамилиями рода Ратши.

На Земском соборе 1598 г., избравшем на цар-

ство Бориса Годунова, присутствовали десять человек младшей линии Пушкиных и только шесть человек из других фамилий рода Ратши.

На соборном приговоре подписались в звании дворян Евстафий, Иван Большой и Никита Михайловичи и в звании «выбора из городов» их младшие братья — Леонтий и Ивашка Михайловичи. Затем в звании стольника подписался Алексей Евстафьевич, а в числе стряпчих приложили руки Михаил и Иван Евстафьевичи и Афанасий Иванович, сын Ивана Большого Михайловича. Наконец, в жильцах подписался Михаил Никитич, сын Никиты Михайловича [13].

Обращает на себя внимание отсутствие на Земском соборе 1598 г. всех прочих многочисленных потомков Григория Пушки разных фамилий — Бобрищевых, Рожновых и Кологривовых, которые в большом количестве служили в это время по дворовому списку и могли бы быть по своему служебному положению на Земском соборе.

Еще более замечательно, что из потомков Акинфа Великого на соборе было только шесть человек: окольничий Фома Афанасьевич и дворянин Матвей Васильевич Бутурлины, в чине жильцов — Сергей и Леонтий Ивановичи Мятлевы-Слизневы, сыновья опричника Ивана Ивановича Мятлева, и два представителя захудалой отрасли рода — Андрей Васильевич и Константин Тимофеевич Замытские, родственники опричника, а позже ловчего царя Ивана Дмитрия Андреевича [14].

К концу столетия по дворовому списку служили и все прочие Пушкины того же поколения: Григорий Григорьевич Сулемша, его младшие братья Иван и Гаврила Григорьевичи, Матвей Федорович, Федор и Тимофей Семеновичи. Все они медленно, но неуклонно и прочно продвига-

лись вперед и завоевывали положение в верхних слоях Государева двора.

На путях к высотам царского двора Пушкиным приходилось преодолевать сопротивление среды и нередко местничаться и тягаться о местах со своими сослуживцами и соперниками. Интересно отметить, что сначала, приблизительно первые 40—50 лет, Пушкины выступают в местнических делах как нападающая сторона: они подают челобитные и затевают счеты «о местах». Но по мере того, как Пушкины поднимались и упрочивали за собой занятые высоты, им приходилось все чаще и чаще попадать в положение обороняющихся и отбиваться от нападений еще более «новых», чем они, людей, поднимавшихся из нижних слоев дворянства.

Анатоль Франс (в «Острове пингвинов») советовал историкам не утруждать себя новыми исследованиями и не высказывать самостоятельных новых мыслей, так как читатели исторических сочинений любят находить в них только те глупости, к которым они привыкли [15]. Не будем следовать этому совету тонкого сатирика, имевшего в виду своих соотечественников, и будем рассказывать о местнических тяжбах Пушкиных без предвзятых по этому вопросу мнений.

В XVI—XVII вв. местнические обычаи были пережитками родового быта, когда общественное положение человека определялось не одними его личными качествами, но также принадлежностью его к тому или иному роду и местом, которое он занимал в своем роду. В Московской Руси место человека на лестнице служилых чинов, служебный уровень, на который он имел основание и право претендовать, определялись не только происхождением, а сочетанием служеб-

ной годности и служб человека с учетом его родовитости, то есть служебного уровня его «родителей», родичей вообще, а в первую очередь его прямых предков — отца, деда и т. д. по прямой и ближайшим боковым линиям [16].

По неспособности, нерадивости и по разным случайностям человек мог потерять свое место, или, как тогда говорили, свою «честь». Потеря чести немедленно отражалась на положении как его самого, так и его сыновей и ближайших потомков. Во всех княжеских и боярских родах были семьи и целые отрасли родов, которые «закоснели» в низах служебной иерархии и потеряли свое место. Обычаи местничества вовсе не закрывали таким людям путей подняться вновь, но требовали, чтобы возвышение происходило постепенно, с учетом служебных интересов лиц и родов, которые не растеряли своей служебной чести.

Опалы царя Ивана уничтожили множество крупных лиц и целые отрасли крупных служилых родов. Это открывало путь к возвышению захудалым фамилиям, которые на протяжении нескольких поколений коснели в низах служебной иерархии. Таким фамилиям при возвышении приходилось, однако, энергично бороться за места и восстанавливать честь своего рода. Этим объясняется большое количество местнических споров, которые начались в конце царствования Ивана Грозного и продолжались много десятков лет позже. И вовсе не случайность, что в большинстве случаев споры затевали именно «выдвиженцы», если можно так выразиться, а не старослужащие представители родов, уже завоевавшие себе место.

В литературе были давно известны местнические споры князя Дмитрия Михайловича Пожар-

ского, героя национальной борьбы с польской интервенцией. Не понимая значения этих споров, историки характеризовали Пожарского как недалекого заурядного человека, неуживчивого и мелочного честолюбца, который больше ценил место за царским столом, чем свои заслуги перед родиной.

Во избежание подобных же превратных суждений о Пушкиных следует рассказать об их борьбе за места. Пушкины и князья Пожарские были в одинаковом положении — их ближайшие предки растеряли честь своего рода, поэтому при возвышении им приходилось начинать все сначала. Рассмотрим несколько дел первых Пушкиных.

В 1578 г. Евстафий Михайлович Пушкин местничался с князем Захарием Ивановичем Сугорским. Сугорские были захудалой отраслью белозерских князей, но Захарий лично по службе был старше и ничуть не ниже Евстафия Пушкина. Еще в 1565 г. он служил головой в полках. В 1573 г. он был посланником к императору Максимилиану. Мы не знаем мотивировки решения, но по разрядам известно, что Пушкин был «выдан головой» князю Захарию Сугорскому [17].

Следует объяснить эту формулу решения местнических судов. В буквальном смысле слова это означало выдачу обвиненного в полное холопство. В местнических делах «выдача головой» обвиненного по суду местника имела символическое и бытовое значение. В XVI—XVII вв. ни одному человеку не приходило в голову сделать рабом выданного ему «головой» местника. Обвиненный местник с покорным видом, с непокрытой головой шел на двор своего нового господина. Последний, вероятно в присутствии чад, домочадцев и всей дворни, делал местнику более или менее суровое

внушение, давал ему почувствовать в полной мере свою власть и затем милостиво прощал. Смотря по взаимным отношениям столкнувшихся лиц и фамилий, дело могло окончиться либо подобной сценой, либо полным примирением. Оправданный по суду приглашал к себе в дом выданного ему «головой» местника, сажал за стол, и недавние враги за чаркой вина добросовестно старались устранить моменты личной обиды и сходились на признании принципиальной правильности царского решения их тяжбы.

В 1583 г. Евстафий Михайлович Пушкин бил челом на Андрея Тимофеевича Михалкова. Его противник был совсем худородным человеком — сыном дворцового дьяка Тиши Михалкова. Но за Андреем Михалковым были многие годы службы по дворовому списку (с 1547 г.), и служить он начал лет на двадцать раньше Евстафия Пушкина. За это время он успел породниться с Морозовыми и занять место среди родовитых людей (Андрей Тимофеевич Михалков был женат на Марье Григорьевне Шестовой-Морозовой, и по этому родству Михалковы позже были в свойстве с царем Михаилом).

В сущности, и Пушкину приходилось нападать с пустыми руками, так как и он, подобно своему противнику, не мог опираться на службы своих родителей. Этим, вероятно, объясняется то, что суд по этому делу, как говорят разряды, был «не вершен», то есть спор остался без решения [18].

В 1582 г. Иван Михайлович Большой Пушкин был назначен в товарищи к князю Дмитрию Петровичу Елецкому в посольство к Баторию. По разрядным книгам, ввиду спешности отправления послов «в Посольском приказе записана та служба Ивану без мест со князем Дмитрием». Это

означало, что по особому указу местники были разведены, вопрос о местах указанных лиц оставлен открытым и их служба в данном случае не могла служить прецедентом в последующих местнических делах.

В том же году Иван Михайлович Пушкин бил челом на Михаила Андреевича Безнина-Нащокина. Нащокины по своему происхождению были значительно ниже Пушкиных, но по службам много выше их. При царе Иване Нащокины пользовались большим доверием и милостями: в 1572 г. Роман Алферьев, а в 1573 г. Михаил Андреевич Безнин были пожалованы в думные дворяне и не раз служили в полковых воеводах. Разряды сообщают, что у Ивана Михайловича Пушкина с Михаилом Безниным суд был, но решения не приводят. Вероятно, Пушкин был обвинен, хотя позже Пушкины ссылались на свое превосходство перед Нащокиными.

В мирное время царствования Федора Ивановича количество служебных назначений сократилось и местнические споры были редки. Мало их было и при царе Борисе, который не любил местничества. При самозванце и при Василии Шуйском споры о местах возобновились. Тимофей Семенович Пушкин бил челом на князей Юрия Мещерского, Ивана Мезецкого и Семена Вяземского и получил «невместную» грамоту, то есть местники были разведены [19].

Тогда же Гаврило Григорьевич Пушкин заспорил о месте с князем Федором Андреевичем Звенигородским. Пушкин доказывал свое превосходство путем сложных сопоставлений случаев служебных назначений разных лиц своего и чужих родов. Между прочим он писал в челобитной, что в 1578 г. в походе к Резице (в Ливонии) Евста-

Дмитрий Самозванец.
Гравюра Ф. Снядецкого. XVII в.

фий Пушкин был выше Романа Алферьева, а Иван Большой Пушкин в походе 1577 г. был больше Михаила Безнина. Князь Федор Звенигородский в свою защиту выбрал для нападения старшего родича Пушкиных Дмитрия Федоровича Шаферикова, указывая, что он «по родству большой брат» всем Пушкиным. Хотя Дмитрий Федорович Шафериков и бывал в полковых воеводах, но Гаврило Григорьевич поспешил от него отмежеваться, так как все прочие Шафериковы имели поместья в Великом Новгороде и были городовыми

Марина Мнишек.
Гравюра Ф. Снядецкого XVII в.

детьми боярскими. В памяти, поданной на суде, Гаврило Григорьевич писал, что Дмитрий Шафериков «по родству мне мал, и розошлися мы в родстве... з Дмитрием подолеку». К этому Гаврило Григорьевич прибавлял, что по царской милости дворян не ставят на одну доску с их родичами, которые служат по городам, «... и по вашей царьской милости тех случаев в дела не ставливали,— нашол он и потерял собе да своим родителем (то есть родичам.— *С. В.*), которые служат по Новугороду, а не нам. А мы, государь, новгород-

цами ни правы, ни виноваты быти не хотим, и ими не считаемься, а считаемся мы своею лествицею», то есть родословной фамилии Пушкиных. Самозванец был свергнут с престола, и спор остался нерешенным [20].

В конце царствования Василия Шуйского произошел и остался нерешенным спор Ивана Михайловича Пушкина с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским. Пожарский подал на суд «в случаех Татевых да Хилковых да Палецких». На это Пушкин возражал: «А я, Ивашка, подовал однех Пушкиных, а Челядниных и Федоровых и Бутурлиных не подовал». Пушкин говорил, что если Пожарский хочет считаться своими крупными родичами, а не одними князьями Пожарскими, то «государь бы ево пожаловал, велел ему (то есть Пушкину.— *С. В.*) с ним считатца своими родители, Челядниными да Федоровыми да Бутурлиными». В роде князей стародубских Татевы, Хилковы и Палецкие разошлись с Пожарскими, если считать по поколениям, так же далеко, как в роде Ратши Пушкины (Морхинины) разошлись с Челядниными (Акинфовичами). Пожарские в роде стародубских князей были самой захудалой отраслью, а отец и дед Дмитрия Михайловича, служа в городских приказчиках и в губных старостах, «потеряли» свою «честь». Спор остался нерешенным, так как царь Василий вскоре был свергнут с престола [21].

Ниже, после обзора Пушкиных при первых Романовых, мы вернемся к местничеству и к отмене его в 1682 г.

Глава десятая

Пушкины в Смутное время

Итак, Пушкины после медленного возвышения при царях Иване и Федоре достигли наконец думного чина в лице старшего представителя рода Евстафия Михайловича. Царствование Бориса Годунова приходило к концу. Наступала бурная, полная драматизма пора дворцовых переворотов, самозванщины, гражданской войны, шведской и польской интервенции. А. С. Пушкин заинтересовался этой эпохой и, взявши начальный эпизод, падение царя Бориса, построил на нем свою гениальную драму.

Фактическая сторона «Бориса Годунова» заимствована Пушкиным главным образом, если не исключительно, у Н. М. Карамзина. Десятый и одиннадцатый тома «Истории государства Российского», содержавшие [изложение событий] царствований Федора Ивановича и Бориса Годунова, вышли в 1824 г. Под свежим впечатлением от чтения этих томов А. С. Пушкин задумал «Бориса Годунова» и уже в начале ноября 1825 г. писал князю П. А. Вяземскому, что закончил свою «трагедию» и перечитывает ее вслух [1].

В черновых набросках задуманного, но не написанного полностью предисловия к «Борису Годунову» Александр Сергеевич писал: «Трагедия моя уже известна почти всем тем, коих мнениями

я дорожу. В числе моих слушателей одного недоставало, того, кому обязан я мыслию моей трагедии, чей гений одушевил и поддержал меня... Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов, Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богатые!» [2]

В этих же набросках А. С. Пушкин писал: «Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, con amore (то есть с любовью. — *С. В.*), но без всякой дворянской спеси» [3].

Главное действующее лицо, Борис Годунов, выведено А. С. Пушкиным в том именно понимании исторической личности Бориса Годунова, которое дано Карамзиным, но в изображении двух Пушкиных — вымышленного Афанасия Михайловича и действительного исторического Гаврилы Григорьевича, которого Александр Сергеевич имел в виду в приведенном выше наброске предисловия, он довольно свободно и несколько тенденциозно следовал своей творческой фантазии [4]. Ниже будет объяснено, почему для второго Пушкина Александр Сергеевич взял вымышленное имя.

В «Борисе Годунове» Афанасий Михайлович Пушкин, оставшись после пира наедине с князем Василием Шуйским, сообщает ему, что его племянник Гаврила прислал ему из Кракова гонца с вестью о появлении в Польше самозванца и об успехах Лжедмитрия при дворе Сигизмунда. Шуйский предвидит великую грозу. Пушкин с сочувствием соглашается, что царю Борису не усидеть на троне:

И поделом ему! Он правит нами,
Как царь Иван (не к ночи будь помянут).
Что пользы в том, что явных казней нет...
. . . .
Уверены ль мы в бедной жизни нашей?
Нас каждый день опала ожидает,
Тюрьма, Сибирь, клобук иль кандалы,
А там — в глуши голодна смерть иль петля [5].

Такая оценка режима царя Бориса заимствована Пушкиным целиком у Карамзина, который не жалел красок, [чтобы] очернить Бориса Годунова. У А. С. Пушкина Афанасий Михайлович характеризует таким образом царя Бориса Годунова, и эта характеристика должна в то же время объяснить поведение Гаврилы Пушкина [6].

Басманов отзывается о Гавриле Пушкине как об «опальном изгнаннике». Поскольку опальных людей никогда не ссылали в чужие государства, это выражение следует принять как обмолвку. Возможно, Пушкину представлялось, что Гаврило подвергся опале и бежал в Польшу. У Карамзина об опале и бегстве Гаврилы Пушкина нет ни слова. Ниже я попытаюсь объяснить, откуда у Пушкина создалось представление о том, что Пушкины при царе Борисе подвергались опалам и что опальных ссылали в Сибирь, а пока вернусь к изображению личности и поведения Гаврилы Григорьевича в «Борисе Годунове».

«Опальный изгнанник» Гаврила Григорьевич, естественно, был врагом Бориса. Он появляется при самозванце в Кракове, находится при нем во время приема лиц, стекавшихся к самозванцу в Краков, и горячо поддерживает предприятие мнимого Димитрия. Царь Борис узнает об этом и говорит: «Противен мне род Пушкиных мятеж-

ный» [7]. Гаврила Григорьевич сопровождает самозванца в походе на Русь и остается верен ему после поражения при Добрыничах. После скоропостижной смерти царя Бориса Гаврила Григорьевич проникает в лагерь Басманова и старается склонить его к измене царевичу Федору Борисовичу.

Далее, Гавриле Григорьевичу отведено видное место в свержении с престола Федора Годунова. Он появляется в Москве, читает на Лобном месте на Красной площади воззвание самозванца к москвичам, призывает народ признать его законным царем и вызывает восстание против Годуновых. Народ принимает Гаврилу Пушкина как «боярина». О непосредственном участии Гаврилы Григорьевича в расправе с Годуновыми А. С. Пушкин, следуя Карамзину, умалчивает.

Вообще вся роль Гаврилы Григорьевича в «Борисе Годунове» как бы подтверждает слова царя Бориса о «мятежности» рода Пушкиных. Посмотрим, как было дело в действительности.

Карамзин в ярких красках описывает тиранию царя Бориса, его подозрительность и суровые расправы с мнимыми и действительными врагами — Романовыми и другими, но об опалах на Пушкиных ничего не говорит. У Карамзина подозрительность и опальчивость Бориса Годунова проистекает от того, что он достиг власти благодаря преступлению и постоянно одержим страхом перед возмездием. В связи с этим Борис поощряет доносы холопов на своих господ. В подтверждение этого Карамзин в примечании к тексту приводит без всяких комментариев выдержку из одной частной разрядной книги (1601 г.): «Послал царь Борис в Сибирь Пушкиных Остафья с братьею за опалу, что на него доводили

люди его, Филипка да Гришка; а Левонтия да Ивашку Пушкиных за то, что они били челом на князя Ондрея Елецково в отечестве и тем царя раскручинили... поместья и вотчины у них велел отписать, а животы распродать»[8]. Карамзин прекрасно знал, что в Сибирь в то время не ссылали, как в XVIII в. и при Пушкине, и не рискнул объяснить выражение «послал за опалу» как ссылку в Сибирь в опале. А. С. Пушкин, не освоившийся с чтением памятников XVI—XVII вв., понял прочтенную им у Карамзина цитату как ссылку нескольких Пушкиных в опале в Сибирь.

Выше было рассказано, что Евстафий Михайлович Пушкин вызвал чем-то неудовольствие царя Бориса, быть может, по ложному и недоказанному доносу холопов. До опалы дело не дошло, но царь Борис решил удалить его из Москвы и «за опалу», то есть вместо опалы, послал его на воеводство в Тобольск, причем пожаловал в думные дворяне. По разрядам, Евстафий Михайлович Пушкин был послан в 1600/01 г. и умер там в 1603 г., но, конечно, не от голода и не от петли, а, вероятно, от старости и непривычных условий жизни. На место Евстафия в 1603 г. царь Борис послал в Тобольск его младшего брата Никиту Михайловича, для которого это назначение было, несомненно, милостью царя *.

Что касается Леонтия и Ивашки (Ивана Меньшого) Пушкиных, младших братьев Евстафия и Никиты, то приведенное выше сообщение о них карамзинской разрядной книги неточно и не-

* В 1603 г. Никита имел высокий оклад жалованья — сорок рублей — и при отправке в Тобольск получил жалованье на два года вперед[10].

ясно. Их претензия местничаться через голову старших братьев с князем Андреем Елецким была, по тогдашним понятиям, неприличной дерзостью. Возможно, что их только припугнули отпиской вотчин и «животов», возможно, что в действительности наказали таким образом, но в опале и в Сибири они не были [9]. В конце царствования Бориса они служили в армии на юге, принимали участие в действиях против самозванца, и при осаде Кром Леонтий и его племянник Афанасий Иванович (сын Ивана Большого Михайловича) были убиты.

Начальные этапы службы Гаврилы Григорьевича неясны. В разрядах Гаврила Пушкин без отчества упоминается в 1581 г. как стрелецкий сотник, а в 1601 г. как письменный голова (товарищ воеводы) в Пелыме [11], но этим Гаврилой одинаково мог быть и Гаврила Григорьевич Пушкин и Гаврила Иванович Бобрищев-Пушкин. Во всяком случае, достоверно известно, что в последние годы царя Бориса Гаврила Григорьевич не только не был в опале, но пользовался доверием царя Бориса. В 7112 г. (с 1 сентября 1603 г.) Гаврила Григорьевич получил из Галицкой чети свой оклад жалованья — двадцать рублей [12]. Судя по окладу, он был в это время в чине стряпчего.

При вести о появлении в Польше самозванца царь Борис приказал закрыть границы и назначил во многие окраинные города новых воевод. В числе этих городовых воевод был и Гаврила Григорьевич Пушкин, посланный в Белгород. Белгород находился несколько в стороне от возможных путей вторжения самозванца, но все-таки был очень важным пограничным городом. Это назначение во всяком случае говорит о том, что Гаврила Григорьевич Пушкин пользовался доверием царя Бориса.

Долго ли Гаврила Григорьевич Пушкин пробыл в Белгороде, неизвестно. Когда после смерти царя Бориса юго-западные и западные города стали сдаваться самозванцу, воеводой в Белгороде был князь Борис Михайлович Лыков [13].

В стане самозванца Гаврила Григорьевич Пушкин появляется только в Крапивне, когда самозванец медленно и осторожно, хотя и беспрепятственно, шел на Москву, рассылая по городам воззвания к населению. Судя по ловкости и осмотрительности, проявленным Гаврилой Григорьевичем Пушкиным на всех последующих поворотах его жизненного пути, он в переходе на сторону самозванца шел в ногу с большинством людей своего круга, не предупреждая событий и не отставая от них.

Частные разрядные записи сообщают, что самозванец из Крапивны послал в Москву «для смуты» Гаврилу Григорьевича Пушкина и Наума Плещеева: «Гаврило Пушкин да Наум Плещеев, приехав к Москве с прелесными грамотами сперва в Красное село, и собрався с мужики, пошли в город, и пристал народ многой, и учали на Лобном месте грамоты честь и послали в город по бояр» [14]. И здесь видна осторожность Гаврилы Григорьевича Пушкина — не рискуя попасть в руки правительства Годуновых, сидевшего в Кремле, Пушкин и Плещеев начали агитацию в Красном селе и пришли под стены Кремля во главе возбужденной толпы «мужиков».

Иначе рассказывал об этом при царе Михаиле Андрей Плещеев в местничестве с Василием Никитичем Пушкиным в 1627 г.: «Во 112 [1603/04] году послан был Наум Плещеев на службу в Царицын город. И как вор Растрига пришол в Путивль во 113 [1604/05] году, а в низовых (поволж-

ских.— *С. В.*) городех Растриге крест целовали, и в те поры Наума Плещеева царицынские козаки, связав, привели к Растриге под Орел, как Растрига шол под Москву. И Растрига посылал Наума Плещеева к Москве для прелести; а велел на Москве объявить, что ему низовые городы добили челом. И Наум, государь, Плещеев, узнав вора Растригу, к Москве для ради прелести от Растриги не поехал. И в ту, государь, пору Гаврила Пушкин у Ростриги к Москве на воровство напросился, над царицею Марьею и над царевичем Федором промышлять и московских людей прельщать и на Ростригино имя х крестному целованью Москву приводить. И в ту, государь, пору Рострига велел Гаврилу Пушкину Наума Плещеева, связав, отвесть к Москве и на Лобном месте Наума Плещеева велел объявить, что ему, Ростриге, низовые городы добили челом, и низовых воевод и Наума Плещеева, связав, к нему, Ростриге, прислали. И Гаврила, государь, Пушкин, приехав от Растриги к Москве, Московское государство прельстил и на Растригино имя к крестному целованью привел» [15].

Однако чтения «прелесных грамот» и личного авторитета посланцев Лжедмитрия, видимо, было недостаточно, чтобы вызвать восстание. На сцену выступил хорошо известный москвичам Богдан Яковлевич Бельский, двоюродный племянник знаменитого опричника Малюты Скуратова Бельского, авантюрист крупного калибра, изменявший последовательно всем государям, которым служил и милостями которых пользовался. Те же разрядные записи рассказывают: «... И на Лобном месте Богдан Белской учал говорит в мир: яз за царя Иванову милость ублюл царевича Дмитрея, за то и терпел от царя Бориса. И услы-

ша то, и достал народ возмутился, и учали Годуновых дворы грабить; а иные воры с миром пошли в город, и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царицыны пограбили». В заключение рассказа об этом разряды прибавляют: «И Гаврила Пушкина Рострига за то пожаловал, что назвался (то есть напросился.— *С. В.*) у него к Москве и государство Московское смутил, пожаловал соколничеством и в думу» [16].

Другая частная запись разрядов прибавляет: «И как тое грамоту (привезенную Пушкиным.— *С. В.*) прочли, и тово ж дни в суботу миром всем народом грабили на Москве многие дворы боярские и дворянъские, и дьячьи, а Сабуровых и Вельяминовых (сородичей Годуновых.— *С. В.*) всех грабили» [17].

Так Гаврила Пушкин, вызвав возмущение московской черни, отошел в сторону и предоставил Богдану Бельскому, Михаилу Молчанову и другим более дерзким и смелым людям некрасивые роли в развернувшихся событиях.

Таким необычным, в зависимости от сложившейся обстановки, путем попал в думу второй представитель рода Пушкиных. Сотоварищам Гаврилы Григорьевича по службе и вообще современникам это возвышение, вероятно, вовсе не казалось чрезмерным. Это видно из того, что все последующие правительства признавали за Гаврилой Григорьевичем Пушкиным оба чина, полученные им от самозванца.

Судя по известным пока данным, Гаврила Григорьевич и другие Пушкины не проявили особой преданности самозванцу и не получили никаких особых милостей. Более того, можно сказать, что они при самозванце продолжали свою службу так же, как они служили бы при

малолетнем Федоре Годунове, если бы он усидел на царском троне.

При самозванце Гаврила Григорьевич был послан на воеводство в Белгород, то есть туда же, где был при царе Борисе. Иван Михайлович Большой был назначен на воеводство в Корелу, а Тимофей Семенович (прямой предок А. С. Пушкина) сначала был вторым воеводой в Рязани, а затем воеводой во Мценске. Никакой особой милости самозванца не было в том, что на его свадьбе присутствовали двое Пушкиных — Гаврила Григорьевич и его старший брат Григорий Сулемша.

Поскольку А. С. Пушкин не знал и не мог знать о событиях Смутного времени больше, чем рассказал о них Карамзин, странно было бы критиковать «Бориса Годунова» с точки зрения несоответствия деталей драмы с историческими фактами. Если стать на такой неправильный путь, то следовало бы говорить, конечно, не о Гавриле Григорьевиче Пушкине, а о главном действующем лице — о Борисе Годунове. Темой настоящего этюда является история рода Пушкиных, и для нашей темы изложение этих фактов было необходимо, но эти факты интересны также тем, что бросают некоторый свет на процесс творчества А. С. Пушкина.

Пушкин прекрасно усвоил все, что дал о царе Борисе Карамзин. Других источников по этому вопросу и семейных преданий у Пушкина, очевидно, не было. Не освоившись с чтением памятников XVI—XVII вв., А. С. Пушкин понял 161-е примечание Карамзина к одиннадцатому тому «Истории государства Российского» как указание на ссылку нескольких Пушкиных при царе Борисе в Сибирь. Это служило для него объясне-

Якутск. Гравюра XVII в.

нием поведения Гаврилы Пушкина. Сознавая в самом себе «мятежный» дух, Пушкин воссоздал образ Гаврилы Григорьевича и вложил в уста царя Бориса известную фразу о «мятежном» роде Пушкиных.

Вернемся к рассказу о Пушкиных и их участии в дальнейших событиях Смутного времени.

Присутствуя 8 мая 1606 г. на свадьбе самозванца, Пушкины, наверное, знали о назревавшем против него заговоре. 17 мая Лжедмитрий был убит, а 19 мая воцарился Василий Шуйский. Все произошло как по писаному. Пушкины плавно перешли на новые рельсы и в лице своих наиболее видных представителей стали служить ново-

му царю. На сторону самозванца некоторые Пушкины перешли не по своим вкусам и не по симпатии к мнимому царевичу Дмитрию, а следуя общему течению. К Василию Шуйскому они отнеслись иначе и стали ему служить не за страх, а за совесть.

Иван Михайлович Большой, старший после Евстафия в роде Пушкиных, был пожалован царем Василием в думные дворяне. Когда царь Василий вскоре после воцарения послал на юг большую армию, то в этом походе Иван Михайлович был у пушечного «наряда». В 1607 г., когда вспыхнуло восстание южных городов, то Иван Михайлович был в числе «осадных» воевод, расположившихся с полками за рекой Москвой для охраны столицы. На свадьбе царя Василия Иван Михайлович присутствовал со своей женой Еленой Ивановной, которая играла в церемонии почетную роль государевой свахи. После этого при Шуйском и после его свержения с престола Иван Михайлович оставался все время в Москве и 19 марта 1611 г. был убит, когда поляки выжгли Москву, захватили Кремль и побили многих бояр и думных людей и «всяких чинов людей ... безчисленно»[18].

Следующий по старшинству Пушкин, Никита Михайлович, по возвращении с воеводства в Тобольске служил в 1607 г. в Москве и стоял в Красном селе «для обереганья (Москвы.— *С. В.*) от воров изменников». В 1608 г. царь Василий послал его на очень важное по тому времени место — воеводой на Вологду. На этой службе с Никитой Михайловичем случилось происшествие, бросающее тень на его честное имя. Нам трудно судить, мог ли он при большей распорядительности отстоять Вологду от тушинцев и польских отрядов

Лисовского и Сапеги, или обстоятельства сложились так, что сопротивление было невозможно, но только Никита Михайлович сдал Вологду тушинцам и присягнул «Тушинскому вору», причем остался на своем месте. Вскоре на Вологду пришли подкрепления из северных городов, и отряды, посланные из Новгорода князем Скопиным-Шуйским, и тушинцы были выгнаны из Вологды. Тотьмичи в переписке с вологжанами обвиняли Никиту Михайловича в прямой измене, но правительство Шуйского смотрело иначе на этот неприглядный случай и оставило Никиту Михайловича Пушкина на Вологде, где он пробыл после этого на воеводстве весь 1609 г.[19]

Наконец, младший брат, Иван Меньшой, или Ивашка Михайлович, тоже исправно служил царю Василию. В 1606 г. он был головой в полках в походе под Калугу, в 1609 г. был воеводой в Коломне, а в 1610 г. послан на воеводство в Корелу[20].

Еще более ревностно служили царю Василию и оказали ему большие услуги братья Григорьевичи — Григорий Сулемша и думный дворянин Гаврила.

Григорий Григорьевич Сулемша был не только дельным, но даже выдающимся воеводой. В 1607 г. войска царя Василия потерпели поражение от «вора» Петрушки. Чтобы преградить ему путь на Москву, царь Василий послал боярина князя Андрея Васильевича Голицына и Григория Сулемшу на Каширу. С Каширы воеводы двинулись на реку Упу и принимали участие в поражении Петрушки и Болотникова и взятии Тулы. В 1608 г. Григорий Сулемша был воеводой сторожевого полка в неудачных действиях воевод под Белевом против другого самозванца — «Тушинского вора». В том же году Григорий Сулемша

удачно бился во главе большого полка с Лисовским. Еще более успешными были действия Григория Сулемши на юго-востоке. В 1608 г. он был послан воеводой в Михайлов, затем во Владимир и в Муром. В Рязанском уезде у Серебряных прудов он разбил шайки местных повстанцев, а затем подавил восстания в Арзамасе и Алатыре. В 1609 г. Григорий Сулемша сидел с царем Василием в осаде в Москве и был воеводой передового полка, стоявшего на Пресне.

После бегства «Тушинского вора» в Калугу и распада тушинского лагеря Григорий Сулемша с Василием Бутурлиным был послан в Погорелое Городище для действий против поляков. Наконец, из Погорелого Григорий Сулемша в 1610 г. был переведен в главную армию царя Василия и участвовал в злополучном бою под Клушином. Один этот перечень служб Григория Сулемши свидетельствует о том, что он был ревностным и верным слугой царя Василия [21].

Гаврила Григорьевич при царе Василии сохранил чины сокольничего и думного дворянина, пожалованные ему самозванцем, и был не менее ревностным слугой царя Василия, чем его старший брат.

Вскоре после воцарения Василий Шуйский послал Гаврилу Григорьевича воеводой на Белую. В 1608 г. Гаврила Григорьевич стоял с сильным отрядом под Иосифовым монастырем на Волоке Ламском и принимал участие в действиях против поляков, а осенью того же года был послан к Мурому против восставших в Мещере и Муромском уезде местных татар и мордвы. В 1610 г. он был сначала в Москве, а затем был послан в главную армию под Клушино. Бездарный и неспособный главнокомандующий князь Дмитрий Ивано-

вич Шуйский послал Гаврилу Григорьевича и Михаила Федоровича Боборыкина в лагерь иноземцев, которые, не получая жалованья, волновались и стали перебегать к полякам. Пока Пушкин и Боборыкин уговаривали иноземцев не изменять царю Василию, армия Дмитрия Шуйского была наголову разбита поляками. Михаил Боборыкин был изранен и захвачен немцами, а Гаврила Григорьевич Пушкин через леса и болота спасся бегством и на третий день прибежал в Можайск [22].

Поражение под Клушином решило участь царя Василия. Москва стояла беззащитной. Служилые люди были совершенно деморализованы клушинским поражением и начали разъезжаться и разбегаться по домам. Даже самые горячие сторонники царя Василия потеряли веру в его счастливую звезду и не стали его защищать, когда оставшиеся в Москве немногочисленные верхи служилого класса решили «ссадить» царя Василия с престола. Об этом следует рассказать хотя бы вкратце, так как в этом деле участвовали Гаврила Григорьевич Пушкин и, может быть, еще кто-либо из Пушкиных, бывших в то время в Москве.

Наличные в Москве бояре, дворяне и другие служилые люди принудили патриарха прикрыть своим авторитетом и именем переворот и облекли отречение царя Василия от престола в форму добровольного соглашения. Все было сделано «без совета всей земли», не ссылаясь с городами Московского государства. Царь Василий оставил престол «по прошенью» заговорщиков, «а ездил о том к царю Василью патриарх со всем собором да бояре княз Иван Михайлович Воротынской да Федор Иванович Шереметев... А на том ему (то есть царю.— *С. В.*) бояре и все люди крест целовали

по записи, что над ним никакова дурна не учинит, и из московских людей на государство никово не обирать» [23]. После этого Василий «съехал на свой двор». Однако дело было затеяно слишком большое. Мнимо добровольный отказ от власти не разрешил всех вопросов. Существовало основательное опасение, что «лукавый царедворец» (царь Василий) при благоприятном для него обороте дел воспользуется расположением к нему московских стрельцов, возьмет опять власть в свои руки и отомстит тем случайным людям, которые «без совета всей земли» «ссадили» его с престола. Чтобы обеспечить себя от возврата Василия к власти, наиболее замешанные в перевороте лица употребили обычный в то время способ делать людей неправоспособными к политической деятельности — царь Василий и его жена были принудительно пострижены в монашество. Разрядные записи рассказывают об этом так: «И после спустя день (после удаления Василия на свой двор.— *С. В.*) из дворян княз Василей Тюфякин, Гаврило Пушкин да княз Федор Волконской с товарыщи, и из мелких людей, без патриархова ведома и без боярского приговору, самоволством, собрався, царя Василья постригли и с царицею». «Новый летописец» называет «заводчиком» этого дела князя Василия Тюфякина [24].

Мы не знаем, какую роль играл Гаврила Григорьевич Пушкин в заговоре, но его участие в принудительном пострижении царя Василия свидетельствует об его осторожности и предусмотрительности.

Делая обзор поведения Пушкиных в злополучное царствование Василия Шуйского, можно сказать, что они сразу и твердо приняли сторону царя Василия, добросовестно служили ему и при-

ложили много усилий, чтобы спасти его дело. Следует отметить, что никто из Пушкиных не «перелетал» в лагерь «Тушинского вора». Наиболее горячими сторонниками царя Василия показали себя Иван Михайлович Большой, Григорий Григорьевич Сулемша и Гаврила Григорьевич. Но бездарный царь Василий завел страну в тупик. В конце концов сам Василий и вся правящая верхушка государства стали видеть единственный выход из тупика в призыве на престол польского короля или его сына. Такое решение вопроса казалось наилучшим в двух отношениях — в военном и внутриполитическом. Боярство утратило веру в возможность поделить в своей среде наследство угасшей династии Рюриковичей и пришло к мысли призвать на престол иноземца. С другой стороны, мир и союз с Польшей давали возможность направить все силы на подавление внутренних восстаний и на приведение государства в порядок. Последующие события показали ошибочность этих расчетов. Польская ориентация боярства как бы оправдывала польскую интервенцию и привела к полному разрушению государства и разорению всей страны.

Во всех этих событиях Пушкины не проявили ни выдающихся талантов, ни особой дерзости и отваги. И при Шуйском, и после его падения они держались в той среде родовитого и солидного дворянства, которое после Шуйского сгруппировалось вокруг «седьмочисленных» бояр. И на этом этапе событий Пушкины не выступали вперед и шли в ногу с людьми их круга.

Соглашение с поляками, выработанное тушинцами, для московского боярского правительства было неприемлемо. На совещаниях с московскими дворянами и представителями из горо-

дов, которых удалось созвать, «седьмочисленные» бояре выработали более национальную и более консервативную программу соглашения с Польшей. В частности, определенно был поставлен вопрос о призвании на престол не самого Сигизмунда, а его сына королевича Владислава.

В сентябре 1610 г. было снаряжено к Сигизмунду большое посольство. В состав его вошли: от властей митрополит Филарет Никитич Романов, от бояр князь Василий Васильевич Голицын, из окольничих князь Данила Иванович Мезецкий, из думных дворян Василий Борисович Сукин и из думных дьяков Томило Луговской [25]. При этих полномочных послах была большая свита — семь человек из московских дворян и около сорока человек детей боярских из тридцати четырех городов.

В числе семи московских дворян был Борис Иванович Пушкин, сын думного дворянина Ивана Михайловича, оставшегося в Москве. Почему из наличных в то время Пушкиных в посольство попал молодой Борис Иванович, неизвестно. Возможно, что он был незаурядным человеком. Это можно заключить из того, что позже Борис Иванович успешно подвизался на дипломатическом поприще и при царе Алексее был пожалован в окольничие.

История этого посольства известна. Сигизмунд нарушил первоначальное соглашение с московским правительством и поставил непременным условием призвание на престол его самого, а не Владислава, который по молодости не сумел бы взять власть крепко в свои руки. Большинство членов посольства вопреки данному ему наказу пошло на уступки и было отпущено Сигизмундом из-под Смоленска в Москву, чтобы вести агитацию

за кандидатуру Сигизмунда. Меньшинство посольства во главе с митрополитом Филаретом упорно отказывалось принять условия Сигизмунда, было задержано и отослано в Польшу, где «теснота им была многая и голод великий за то, што оне... стояли в твердости разума своего за всех православных крестьян Московского государьства и ни на какие королевские прелести не прелстилися и гроз смертных не убоялися и многую свою службу и правду показали ко всему Московскому государьству» [26].

В плену в Польше Борис Иванович Пушкин пробыл девять лет и вернулся на родину вместе с Филаретом и другими пленниками в 1619 г.

Эпоха правления «седьмочисленных» бояр и так называемого «московского разоренья» поляками — самый темный, в смысле скудости источников, период Смутного времени. Поведение Пушкиных в это время можно выяснить только в общих чертах, достаточно, впрочем, определенных. В основу обзора удобно положить «боярский список» 1611 г., содержащий перечень высших чинов дворян начиная с бояр.

В списке мы находим всех четырех сыновей Евстафия Михайловича: в стольниках записан Иван, а в дворянах — Алексей, Михаил и Никита [27]. Об Алексее Евстафьевиче родословцы сообщают, что он был убит под Новгородом. Вероятно, это было во время захвата Новгорода шведами. Остальные три сына Евстафия примкнули к ополчению князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого. Об Иване известно, что он был в полках Трубецкого «без съезду», то есть до соединения их с ополчением Пожарского [28]. В родословцах он показан бездетным, а в синодиках в записи «рода Евстафия Пушкина» он упоминается как

«убиенный». Время и обстоятельства его смерти неизвестны. Михаил и Никита Евстафьевичи в в 1611 г. были в полках под Москвой, а в 1612 г. при появлении нового самозванца (так называемого «Псковского вора») Трубецкой послал их в Троицкий монастырь, а оттуда в Ярославль к князю Пожарскому с призывом немедленно идти на помощь к подмосковному ополчению [29].

Иван Михайлович Большой, пожалованный при царе Василии в думные дворяне, был в Москве при боярском правительстве. Долго ли он держался польской ориентации, неизвестно. Но наглое хозяйничание поляков скоро выродилось в неприкрытую военную диктатуру. Иван Михайлович, очевидно, восстал против нее и был убит поляками в Москве в марте 1611 г.

Из четырех сыновей Ивана Михайловича младший, Афанасий, был убит под Кромами в приход первого самозванца. Все остальные сыновья в 1611 г. служили по дворовому списку — Иван и Борис в стольниках, а Федор в стряпчих. Борис Иванович, как было выше сказано, был в посольстве к Сигизмунду [30].

Следующий по старшинству Пушкин, Никита Михайлович, осрамился, как было выше сказано, на воеводстве в Вологде, но тем не менее продолжал свою службу и в 1611—1612 гг. был воеводой в другом городе, не менее важном, чем Вологда,— в Ярославле. После прихода в Ярославль ополчения князя Пожарского Никита Михайлович был послан на воеводство в Архангельск. Очевидно, он пользовался доверием земского ополчения и считался подходящим человеком для такого ответственного поста, каким было воеводство на Двине.

У Никиты Михайловича было четыре сына. Старший сын, Михаил, умер в молодости бездет-

ным; второй сын, Иван, в 1611—1612 гг. служил в стряпчих [31] и позже, при царе Михаиле, не раз бывал воеводой в разных городах; третий сын, Данила, был убит в молодости при неизвестных обстоятельствах, и в списке 1611 г. его нет; наконец, младший сын, Василий, еще не начинал служить.

Следующими по старшинству были Григорьевичи: Григорий Сулемша, Иван и думный дворянин Гаврила. Григорий Сулемша в 1612 г. при ополчении Пожарского и в 1613—1614 гг. при царе Михаиле был воеводой на Вологде. Его старший сын, Борис Григорьевич, в списке 1611 г. записан в стольниках [32]. О Гавриле Григорьевиче за это время сведений, к сожалению, нет.

Наконец, в дворянах в 1611 г. числился Матвей Федорович, внук Александра Ивановича. Против его имени в «боярском списке» отмечено: «нет» [33]. Некоторые родословцы сообщают, что он был убит под Новгородом. Можно думать, что при захвате Москвы поляками он служил в Новгороде, где и погиб во время оккупации Новгорода шведами.

Младших представителей фамилии Пушкиных, Федора и Тимофея (прямого предка А. С. Пушкина) Семеновичей, в «боярском списке» нет, так как конец списка утрачен. Между тем они служили по дворовому списку, а про Федора известно, что он был в ополчении князя Пожарского.

Про сыновей Федора Семеновича, Федора и Ивана, известно, что они служили в соединенном ополчении князей Трубецкого и Пожарского, и Иван Федорович получил от земского ополчения деревню Еболдино (позже Болдино) в Арзамасе из поместья в вотчину [34].

На основе изложенных фактов можно представить себе Пушкиных после свержения с престола Василия Шуйского в таких общих чертах. Пушкины сначала примкнули к большинству высшего дворянства, питавшего иллюзии о спасении государства путем союза с Польшей. Польские паны сделали все возможное, чтобы рассеять эти иллюзии и вызвать против себя общенародное движение. В лице думного дворянина Ивана Михайловича и его сына Бориса Пушкины вошли в конфликт с поляками и их русскими сторонниками. Первый заплатил за это жизнью, а второй девятилетним пленом. Наученные горьким опытом, Пушкины примкнули к общенародному движению, охватившему в 1611—1612 гг. все слои общества, и пошли в ополчение Трубецкого и Пожарского. И в этом периоде Смуты Пушкины вели себя так же, как в годы самозванщины и бесталанного Василия Шуйского.

В общем с 1603 г. перед нами проходит более двух десятков Пушкиных. Все они, несмотря на особенности в поведении отдельных лиц, имеют нечто общее, что позволяет говорить о них, как о «роде» Пушкиных.

Пушкины не гонялись за быстрыми и ненадежными успехами и не пользовались тяжелым положением родины для личного обогащения. Известно, что в это время многие представители родовитых фамилий запятнали себя в памяти потомства как изменники и враги родины или как жадные до стяжания хищники. Большинство этих авантюристов и рвачей было впоследствии лишено чинов и нахватанных вотчин. Пушкины проходили свой путь через все повороты событий тяжелой поступью, не упускали того, что полагалось им по их чинам, происхождению и заслугам, но в

то же время не поддавались соблазну схватить что-либо «не по своей мере». Большой груз сословных предрассудков и твердых понятий о чести рода придавал поведению Пушкиных в бурных событиях тяжеловесную устойчивость.

Ни один из Пушкиных не выделился [ни] исключительными талантами, ни ярко выраженной индивидуальностью, ни большими подвигами, но все они старались быть достойными представителями своего рода, шли по мере возможности и по своему крайнему разумению в ногу с событиями, каждый делал на своем месте свое дело и, в общем, содействовали спасению государства и родины. Неправильно, однако, было бы сказать, что они были заурядными представителями своего класса. Лучше сказать, что они были типичными и неплохими представителями тогдашнего дворянства, которое больше ценило в людях родовые и сословные добродетели, чем ярко выраженную индивидуальность и таланты честолюбцев.

Само собой разумеется, что ни о какой «мятежности» рода Пушкиных не может быть и речи. Даже Гаврила Григорьевич, который в изображении А. С. Пушкина должен был представлять мятежный род Пушкиных, в действительности был более ловким и осмотрительным человеком, чем смутьяном и мятежником.

Историография после Карамзина выявила и представила целую галерею самых разнообразных деятелей Смутного времени. Приведу одну группу лиц, которая может служить контрастом Пушкиным. У известного опричника Васюка Грязного-Ильина был сын Тимофей. При царе Борисе он был стольником и имел высокий оклад жалованья — шестьдесят рублей. Тимофей Васильевич

Грязной изменил царю Василию, «перелетел» в Тушино к «вору» и был пожалован в окольничие. Затем он стал приверженцем Сигизмунда, который утвердил за ним чин окольничего. Где был Тимофей Васильевич Грязной во время очищения Руси от поляков, неизвестно, но при царе Михаиле он был возвращен в первобытное состояние — лишен окольничества и в виде милости сохранил старый оклад жалованья, который был у него при царе Борисе [35].

Традиции авантюризма хранились прочно в роде Грязных: сын Тимофея Васильевича, Борис, во время Смоленской войны [1632—1634 гг.] изменил и бежал в Польшу [36]. При некоторой снисходительности к человеческой слабости можно было бы возразить: в семье не без урода, а на гумне не без урона,— но у Тимофея и Бориса Грязных были не менее яркие, чем они, родичи.

Василий Федорович Ошанин-Ильин был не менее рьяным опричником, чем Васюк Грязной. Он преуспевал в опричнине, одно время был у царя Ивана в приближении, но кончил скверно — после отмены опричнины был казнен. У Василия Ошанина был брат Молчан, родоначальник фамилии Молчановых, из которой вышел один из самых дерзких авантюристов Смутного времени Михаил Андреевич Молчанов, внук Молчана Ошанина. Карьера Михалка Молчанова вкратце такова: участвовал в расправе с семьей Бориса Годунова, служил первому самозванцу, при царе Василии за участие в заговоре бит кнутом и бежал в Польшу, в 1609 г. появился в лагере Сапеги, затем перебежал в Тушино, где пожалован в окольничие, после распада тушинского лагеря стал горячим приверженцем Сигизмунда, сохранил чин окольничего и был назначен ведать Панский при-

каз, получил от Сигизмунда много земельных пожалований и отличался крайней дерзостью, самоуправством и заносчивостью при «седьмочисленных» боярах и, наконец, был убит в 1611 г. при восстании москвичей против поляков.

Если бы А. С. Пушкин знал об этих лицах, то мог бы с полным основанием назвать род Ильиных мятежным.

За десятилетие со времени смерти царя Бориса до избрания на царство Михаила Романова Пушкины понесли большие потери: из двадцати пяти человек, которые в это время состояли на службе, шесть-семь человек были убиты при разных обстоятельствах. (Неизвестно, когда были убиты Алексей Евстафьевич и Данила Никитич. Первый был убит, вероятно, после избрания Михаила.) Несмотря на это и на бурные события Смуты, Пушкины продолжали, в общем, линию подъема, начатую ими при царе Иване, и ко времени воцарения Михаила прочно заняли видное положение в правящих верхах дворянства.

Глава одиннадцатая

Пушкины при первых Романовых

Возвышение Пушкиных, начавшееся в последней четверти XVI в., продолжалось при первых Романовых, хотя в бурях Смутного времени Пушкины понесли довольно значительные потери. Пушкины были на подъеме приблизительно сто лет и в третьей четверти XVII в. достигли вершины своей славы и могущества. Однако в то же время становятся заметными признаки упадка. В последней четверти века мы наблюдаем несомненный упадок всего рода, завершающийся катастрофой 1697 г.

Со времени падения Бориса Годунова и избрания в 1613 г. на царство Михаила Федоровича Романова в нашей историографии было принято всячески чернить память «самоохотного», «рабо-царя», «цареубийцу» и «святоубийцу» (как убийцу царевича Дмитрия Углицкого, причисленного к святым) Бориса Годунова и прославлять избрание на царство Романовых как возрождение России после бедствий Смутного времени и как начало славной эры ее истории. Всем, кто желал знать, было известно, что род Романовых пресекся со смертью императрицы Елизаветы Петровны, но официальная историография продолжала считать потомками Михаила Романова всех, кто занимал российский престол после пресечения ро-

да Романовых. На этой точке зрения стоял и наш знаменитый историограф Н. М. Карамзин.

Во времена А. С. Пушкина, когда императоры Александр I и Николай I считались представителями рода Романовых, был известен приговор Земского собора 1613 г., избравшего на царство Михаила Романова [1]. А. С. Пушкин знал этот приговор и в «Моей родословной» писал:

Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолу и коварство,
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили... [2]

В черновых набросках автобиографических заметок А. С. Пушкин по этому вопросу писал: «Четверо Пушкиных подписались под грамотой о избрании на царство Романовых» [3].

Приговор Земского собора 1598 г. об избрании на царство Бориса Годунова был напечатан во втором томе «Актов Археографической эспедиции» (в 1836 г.) и не был известен А. С. Пушкину [4]. Выше было рассказано, что на соборе 1598 г. присутствовали и подписались под приговором десять представителей фамилии Пушкиных и что по сравнению с другими дворянскими родами это количество участников собора 1598 г. из рода Пушкиных представляется совершенно исключительным. Добавим к этому, что из десяти участников избрания на царство Бориса Годунова двое, Ивашка Михайлович и Михаил Евстафье-

вич, были из числа тех четырех Пушкиных, которые в 1613 г. избирали на царство Михаила Романова.

Ясно, что если бы А. С. Пушкин знал это обстоятельство, то ему пришлось бы внести некоторые поправки в карамзинскую трактовку личности Бориса Годунова. В самом деле, у А. С. Пушкина Борис Годунов выступает как цареубийца (монолог Пимена), как основоположник крепостной зависимости крестьян, как тиран, подобный Ивану Грозному, и т. д.

Но в нашей историографии после Карамзина в оценку исторической личности Бориса Годунова внесено много существенных поправок: участие и виновность Бориса Годунова в деле о смерти царевича Дмитрия остаются под большим сомнением; Борис не был основоположником закрепощения крестьян, так как первые заповедные указы, лишавшие крестьян исконного права перехода в Юрьев день, были изданы не царем Борисом и не царем Федором по наущению Бориса, а Иваном Грозным; что касается тирании царя Бориса, подобной опричнине Ивана Грозного, то со времен избрания на царство Михаила Романова она была исторической клеветой, своего рода традицией, обязательной как для летописцев и повествователей XVII в., так и для позднейших историков, включая современников А. С. Пушкина.

Об этой переоценке исторической личности Бориса Годунова в послекарамзинской историографии уместно было напомнить, так как Б. Л. Модзалевский и М. В. Муравьев в своей работе о роде Пушкиных, вышедшей в 1932 г., приняли на веру вымысел Спиридова *, будто

* Спиридов Матвей Григорьевич — сын адмирала Спиридова, сенатор и генеалог, зять историка князя М.

Пушкины при царе Борисе были в опале в связи с гонениями царя Бориса на Романовых [6]. В источниках нет решительно никаких указаний на то, что Пушкины были приверженцами партии Романовых или были с ними в какой-либо связи. Мы не знаем, за что Евстафий Михайлович Пушкин и его «братья» вызвали немилость царя Бориса, но несомненно, что удаление в 1600/01 г. нескольких Пушкиных из Москвы на воеводства в Сибирь не имело никакого отношения к борьбе Романовых с Годуновыми за опустевший престол Рюриковичей.

Хорошо известно, что избранием на царство юного Михаила Романова широко воспользовались не только его близкие и далекие родственники, но и вообще все лица, оказавшие Романовым те или иные услуги, когда они были в изгнании и в опалах. В числе лиц, отмеченных особыми милостями царя Михаила, его матери великой старицы Марфы и его отца патриарха Филарета, Пушкиных мы не находим. Стольник Борис Иванович Пушкин был в небольшом числе лиц, которые девять лет пробыли в плену в Польше с Филаретом Никитичем, но это не отразилось на его карьере, и чин окольничего он получил много лет спустя после возвращения из плена за удачно выполненное посольство в Швецию.

Бурные события Смутного времени произвели большие опустошения в рядах служилых людей. Между тем первые шесть-семь лет царствования Михаила Романова по существу были продолжением бедствий Смутного времени — борьба с

[М.] Щербатова. Большая часть его трудов по генеалогии в пятнадцати портфелях не напечатана и хранится в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина [5].

польско-шведской интервенцией и остатками самозванщины требовала от всех слоев населения большого напряжения сил и больших личных жертв. При таких условиях все сколько-нибудь дельные люди были на счету и заняты неотложными делами. Этим объясняется то, что на Земском соборе 1613 г., избравшем на царство Михаила Романова, присутствовали только четыре представителя фамилии Пушкиных, притом из числа самых незначительных по службе. А самые значительные Пушкины отсутствовали, так как были в это время (январь—март 1613 г.) на воеводствах. Старший представитель рода, Никита Михайлович, был на Двине, его брат Ивашка Михайлович — в Бежецке, Григорий Григорьевич Сулемша — на Вологде, а думный дворянин Гаврила Григорьевич бился с поляками на Устюжне.

Служебная и социальная значительность представителей верхов служилого класса в XVII в. характеризуется лучше всего участием их в думе и в управлении центральным аппаратом власти — приказами.

Замечательна последовательность и постепенность, с которой Пушкины достигали думных чинов. Выше было рассказано, при каких чрезвычайных обстоятельствах Евстафий Михайлович первый из рода Пушкиных получил думное дворянство при Борисе Годунове. Столь же необычно было думное дворянство, пожалованное первым самозванцем Гавриле Григорьевичу. При Василии Шуйском попал в думу третий Пушкин, и тоже в чине думного дворянина, — Иван Большой Михайлович. Со смертью последнего в 1611 г. в думе оставался один представитель рода — Гаврила Григорьевич.

При царе Михаиле Пушкины поднимаются на

одну ступень выше. В 1619 г. после сорокалетней службы был пожалован в окольничие старший в то время представитель рода — Никита Михайлович[7]. Он был в это время уже в глубокой старости и в 1622 г. умер. После его смерти в думе оставался один Гаврила Григорьевич, вышедший в отставку по болезни в 1626 г.

Таким образом, в последние десятилетия царствования Михаила Федоровича в думе не было ни одного Пушкина, и только к концу 1644 г., то есть незадолго перед смертью Михаила Федоровича, был пожалован в думные дворяне Григорий Гаврилович, сын думного дворянина Гаврилы Григорьевича, прославленного А. С. Пушкиным участника воцарения первого Лжедмитрия.

С воцарением Алексея Михайловича для Пушкиных начинается время блестящих успехов и наивысших достижений. Еще не выяснено, как и при каких обстоятельствах Григорий Гаврилович, Борис Иванович и другие Пушкины попали в приближение у царя Алексея. Особенно высокое положение в правящих верхах занял Григорий Гаврилович. В ноябре 1644 г. за посольскую службу в Польшу он был пожалован из думных дворян в окольничие [8]. Таким образом, Григорий Гаврилович был вторым из Пушкиных, получившим окольничество. Третьим получил этот чин Борис Иванович за посольство в Швецию в 1646 г. [9]

В том же 1646 г. Григорий Гаврилович был назначен в полномочное посольство в Швецию и в связи с этой службой пожалован в бояре. Так Григорий Гаврилович был первым боярином в роде Пушкиных. Но милости царя Алексея этим не ограничились — в январе 1647 г. он пожаловал Григория Гавриловича высоким званием оруж-

ничего. Одновременно ему было поручено заведование Оружейным и Ствольным приказами и Золотой и Серебряной палатами [10].

Менее значительным, пожалуй, даже заурядным человеком был младший брат Григория Гавриловича — Степан, пожалованный в окольничие в декабре 1648 г. [11]

Григорий Гаврилович умер бездетным в 1656 г., и в том же году умер его брат Степан. После их смерти в Думе не оставалось ни одного Пушкина, и только в последний год царствования Алексея Михайловича в думу был пожалован в чине окольничего старший сын Степана Гавриловича — Матвей.

Непонятно, почему Алексей Михайлович, относившийся к Пушкиным очень благосклонно, долго не пускал в думу Матвея Степановича, который еще молодым человеком в чине стольника в 1649 г. был дворянином в полномочном посольстве в Польшу, а в ближайшие следующие годы постоянно был «при государе» и исполнял разные ответственные поручения. Матвей Степанович после боярина и оружничего Григория Гавриловича был самым значительным представителем рода Пушкиных в XVII в.

Пожалованный в апреле 1674 г. в окольничие, Матвей Степанович в следующем году был послом в Польшу, а в 1683 г. был пожалован в бояре. В царствование Федора Алексеевича он был одним из самых выдающихся деятелей своего времени. После смерти царя Федора Матвей Степанович не сумел взять верный курс поведения в сложном переплете дворцовых переворотов, и его блестяще начатая карьера была, в сущности, окончена. Его служба на воеводстве в Смоленске и Киеве была по существу почетным удалением из Моск-

вы. В 1690 г. он был назначен ведать Расправную палату, то есть в сущности был удален от дел. Наконец, в 1697 г. Матвей Степанович, замешанный в дело Алексея Соковнина в связи с казнью его сына стольника Федора, был лишен боярства и всех вотчин и сослан в Енисейск.

Младший брат Матвея Степановича, Яков, представляется совсем малозначительным человеком, сделавшим карьеру по заслугам отца и брата. Он начал служить много позже своего старшего брата. При царе Федоре Яков Степанович служил заурядным стольником, не получая никаких ответственных служебных поручений. В конце 1688 г. он был пожалован в окольничие, а в 1694 г. — в бояре. Непричастный к делу Соковнина, Яков Степанович тем не менее был удален в 1697 г. от дел в свою касимовскую деревню, где и умер через два-три года [12].

Из младшей линии Пушкиных, к которой принадлежал Александр Сергеевич, вышел только один думец — Иван Федорович Шиш. В карьере его многое неясно. В 1646 г. он был пожалован из жильцов в стряпчие, в 1648 г. был уже стольником, и на этом его продвижение по службе остановилось. При Федоре Алексеевиче Иван Федорович Шиш был на воеводствах в Тобольске и на Верхотурье [13]. В 1682 г. Ив. Ф. Шиш был пожалован в окольничие. В младшей линии Пушкиных, прямых предков А. С. Пушкина, Иван Федорович был первым думцем. Этим возвышением он был обязан, по-видимому, партии Милославских и, может быть, лично царевне Софье. О связях семьи Пушкиных, в которой вырос Иван Федорович Шиш, говорит то, что его старшая сестра Ирина-Анастасия была с 1641 г. в замужестве за князем Иваном Андреевичем Тараруем Хованским.

Иван Андреевич Тараруй Хованский, фактический глава московских стрельцов, честолюбивый болтун (тараруй) и интриган, первоначально был сторонником Милославских и царевны Софьи и противником избрания на царство (после смерти Федора Алексеевича) Петра. Он возбуждал стрельцов требовать соправительства царевичей Ивана и Петра и царевны Софьи. К мятежу присоединились раскольники, и были пущены в народ слухи, что Хованский желает при помощи стрельцов воцариться сам. В августе 1682 г. Софья с царевичами бежала в Троицкий монастырь. Для защиты их быстро были собраны значительные силы дворянской конницы. Мятежные стрельцы заперлись было в Кремле и намеревались сопротивляться, но раздоры в их собственной среде заставили их смириться и просить пощады.

Софья приказала схватить Тараруя Хованского, и 17 сентября по дороге в Сергиев монастырь, в селе Воздвиженском, Иван Андреевич Хованский был задержан и казнен без суда.

В такой обстановке получил окольничество Иван Федорович Шиш Пушкин. При быстро изменявшейся тогда политической обстановке Иван Федорович Пушкин, естественно, не мог удержаться на достигнутой высоте, и уже в 1684 г. мы видим его удаленным на воеводство в Терки, на Северном Кавказе, что было по существу ссылкой, которую даже нельзя назвать почетной [14].

Дворяне в думных чинах — «советные люди» московских царей — не были верховным учреждением Московского государства. Ввиду распространенных представлений о боярской думе как учреждении следует напомнить, что у дворян, которых царь «пускал», или жаловал, к себе в

думу, то есть в «советные люди», не было ни канцелярии, ни штата сотрудников, ни своего делопроизводства и архива решенных дел. Царь по своему усмотрению одних думцев назначал на воеводство в крупнейшие города государства — на Двину в Архангельск, в Великий Новгород, Белгород, Казань, Астрахань и т. д., других отправлял послами в иноземные государства, иным поручал, «приказывал» какое-либо дело или целую отрасль управления, наконец, некоторых оставлял при себе в качестве постоянных советников по текущим вопросам государственного управления.

Так, можно сказать, что думный чин служилого человека свидетельствовал не о действительных служебных заслугах его, а об уровне, на котором он находился в среде правящих верхов государства. Для выяснения исторической роли лиц следует рассматривать их действительные службы в центральном аппарате власти и в местных ее органах.

Первые шесть лет царствования Михаила Федоровича, до возвращения из польского плена Филарета Никитича, несколько Пушкиных принимало участие в управлении приказами. Иван Михайлович (Ивашка) во время выборов царя Михаила был воеводой в Бежецке. В следующем году он был отозван в Москву и несколько месяцев ведал чрезвычайный приказ — Приказ сбора казачьих кормов. Этот приказ просуществовал недолго, и сбор денежного и хлебного жалованья для казаков и стрельцов был передан Стрелецкому приказу, а Ивашка Михайлович был послан на воеводство в Астрахань. Это было очень важное назначение, так как на низовьях Волги только что перед этим было покончено с остатками самозванщины. После возвращения из плена Филарета

Ивашка Михайлович в 1619—1621 гг. управлял очень важным финансовым приказом — Большим приходом [15].

Думный дворянин Гаврило Григорьевич в 1613 г. защищал от поляков Устюжну Железопольскую, а в сентябре послан воеводой в Вязьму, где был в 1614—1615 гг. В 1618 г. ему был поручен Челобитный приказ, а сверх того в следующем году и Разбойный приказ [16].

Из младшей линии Пушкиных Федор Семенович в 1615—1618 гг. ведал Ямской приказ — очень важное в то время учреждение, в ведомстве которого находилась не только непосредственно ямская гоньба, но и слободы ямщиков, расположенные во множестве городов [17].

Прямой предок Александра Сергеевича Тимофей Семенович непосредственно в центральном управлении не служил, но в 1616 г. по поручению Посольского приказа произвел дозор и описание Романовского уезда, населенного служилыми татарами, у которых были постоянные столкновения и тяжбы с русскими людьми посада и уезда.

Ввиду того что в XVII в. несколько Пушкиных служило в Челобитном приказе, следует сделать несколько дополнительных разъяснений по поводу этого любопытного учреждения. В общих сочинениях по истории Московского государства обыкновенно упоминается только об одной стороне деятельности дворян и дьяков Челобитного приказа. Челобитный приказ сравнивали как бы с собственной канцелярией царя, которая занималась принятием, рассмотрением и решением челобитных, которые население подавало царю во время его выходов из дворца. В действительности дьяк Челобитного приказа, всегда сопровож-

давший царя на выходах, принимая челобитные, писал на обороте их царский милостивый указ, который никогда не имел в виду разрешить дело. Дьяческие пометы на обороте челобитной были адресованы в соответствующий приказ и содержали приказание царя удолетворить просителя, «а если за чем дело решить нельзя, то доложить об этом особо государю». Таким образом, первым назначением Челобитного приказа было побуждать все прочие приказы в зависимости от дела рассматривать и по возможности удовлетворять личные обращения к царю. Эта функция дворян и дьяков, ведавших Челобитный приказ, находилась в тесной связи с другой, не менее важной, компетенцией.

Дело в том, что подсудность лиц и дел в Московском государстве распределялась очень сложно между множеством ведомственных или территориальных приказов. Все должностные лица, начиная с самых верхов и до низа, находились вне компетенции общих приказов и, как тогда говорили, «судом и управой» были ведомы только в Челобитном приказе. Таким образом, дворяне и дьяки Челобитного приказа по самой сущности своих служебных обязанностей находились в постоянной близости к царю, а Челобитный приказ в правительственном механизме Московского царства был органом контроля и очень важным рычагом.

Перечислю теперь вкратце тех Пушкиных, которые в те же годы напряженной борьбы за упрочение власти после лихолетья Смуты служили в городах, в полковых и гражданских воеводах.

Никита Михайлович был в 1613 г. на Двине, в 1614—1616 гг. — во Владимире, в 1617 г. — в Арзамасе.

Григорий Григорьевич Сулемша в [1612]—1614 гг. был на Вологде, а в [1616]—1618 гг.— в Ярославле.

Тимофей Семенович в 1618 г.— в Цывильске.

Михаил Евстафьевич в 1617 г.— в Можайске, в 1620—1621 гг. — в Чебоксарах.

Иван Иванович в 1616 г.— воевода в полках в Михайлове, а в 1617 г. послан в Ярославль собирать служилых людей для похода; в 1620—1622 гг.— воевода на Верхотурье [18].

В 1617 г. был заключен мир со Швецией, а в декабре 1618 г. заключено на четырнадцать лет перемирие с Польшей. По договору о перемирии был произведен размен пленных, и в числе русских пленников, задержанных поляками в 1610 г., возвратились на родину «государев отец» — патриарх Филарет Никитич и стольник Борис Иванович Пушкин. После двадцати лет всевозможных бедствий, голодовок и вражеских разорений наступило наконец время мирного труда. Фактическим правителем государства стал властный патриарх Филарет. Выше было упомянуто, что пребывание Бориса Ивановича Пушкина в плену вместе с Филаретом Никитичем не послужило на пользу сколько-нибудь заметным образом ни Борису Ивановичу Пушкину, ни его сородичам.

Непонятно, почему Борис Иванович Пушкин стал получать назначения только в конце жизни Филарета Никитича (умер 1 октября 1633 г.). В 1630—1636 гг. он ведал Разбойный приказ, в в 1636—1640 гг. был на весьма выгодном по тогдашним условиям воеводстве в Мангазее, а в 1642—1648 гг. вторично ведал Разбойный приказ, причем в 1646 г., то есть уже при царе Алексее пожалован на старости лет в окольничие. После

Русские крестьяне.
Гравюра из лейденского издания «Путешествия» А. Олеария

успешного посольства в Швецию Борис Иванович в конце своей служебной карьеры был на воеводстве на Двине (1652—1656 гг.) [19].

Кроме Бориса Ивановича, никто из Пушкиных в это время, то есть при патриархе Филарете и при жизни царя Михаила, в центральном аппарате власти не был. Зато на воеводствах в это время было исключительно много Пушкиных.

Никита Евстафьевич в 1625—1627 гг. — в Сургуте.

Иван Никитич, после службы в 1619 г. на Верхотурье, в 1623 г. был в Мангазее, в 1632 г. — в Кайгороде, в 1636—1637 гг. — в Алатыре, в 1643—1647 гг. — в Казани и в 1649—1652 гг. — в Пелыме.

Василий Никитич в 1627 г.— в Пронске, в 1636—1637 гг.— в Чебоксарах, в 1642 г.— в Веневе и в 1644—1649 гг.— в Якутске, где и умер на службе от сурового и непривычного для москвичей климата.

Борис Григорьевич Сулемшин в 1621—1622 гг. был во Мценске, а в 1639—1640 гг.— в Вязьме.

Воин Тимофеевич в 1629—1631 гг.— в Березове и в 1636 г.— в Брянске, где и умер на службе.

Петр Тимофеевич (прямой предок А. С. Пушкина) в 1624 г. был полковым воеводой в Пронске, а в 1627—1628 гг. служил в Тюмени [20].

По поводу воеводств в сибирских городах следует заметить, что эта служба была тяжелой, но считалась «корыстной», то есть весьма выгодной, так как назначенный в Сибирь дворянин получал полный оклад жалованья на два года вперед, пользовался случаем провезти через верхотурскую заставу вино и на обратном пути провезти ценные меха.

Младший брат Петра Тимофеевича, Федор, в 1630 г. был в Каргополе, в 1633—1634 гг.— в Севске, в 1638—1639 гг.— в Торопце и в 1641—1642 гг.— в Хотмышске.

О выдающейся деятельности в думе и на дипломатическом поприще Григория Гавриловича и Матвея Степановича было сказано выше. Здесь, в общем обзоре служебной деятельности Пушкиных при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, следует прежде всего сказать об их службах в судебных приказах.

Выше было сказано, что Челобитный приказ играл в строе центральных учреждений Московского государства очень важную роль как учреждение, в котором были ведомы «судом и управой» судьи, дьяки, подьячие и прочие приказные

люди всех приказов и ведомств. В 1618 и 1619 гг. судьей Челобитного приказа был думный дворянин Гаврило Григорьевич. Возвратившийся из польского плена Филарет Никитич стал всюду расставлять своих людей, и Гаврило Григорьевич Пушкин был отставлен.

Судьями в Челобитном приказе были: с 1619 по 1627 г.— окольничий Федор Леонтьевич Бутурлин, в 1627—1634 гг.— окольничий князь Григорий Константинович Волконский, затем боярин Борис Михайлович Салтыков и окольничий князь Федор Федорович Волконский. С воцарением Алексея Михайловича Пушкины появились вновь в этом важном приказе [21].

В 1645—1646 гг. судьей Челобитного приказа был Григорий Гаврилович Пушкин. В 1646 г. Григорий Гаврилович был послан в полномочном посольстве в Швецию, а затем пожалован в бояре и оружничие и был освобожден от должности судьи Челобитного приказа. В 1650—1651 гг. Челобитный приказ был поручен его младшему брату — окольничему Степану Гавриловичу [22].

Много лет спустя Пушкины еще раз появляются на том же поприще. В мае 1677 г. в Челобитный приказ был назначен окольничий Матвей Степанович. 19 декабря того же года все дела Челобитного приказа было велено передать Владимирскому судному приказу, в числе судей которого был Петр Петрович Пушкин, прямой предок поэта.

В январе 1683 г. Челобитный приказ был восстановлен и в него назначен князь Федул Федорович Волконский, но 9 февраля 1685 г. Челобитный приказ был окончательно упразднен и дела его переданы Владимирскому судному приказу, которым в 1685—1687 гг. управлял боярин Матвей Степанович Пушкин [23].

В дополнение к обзору [служб] Пушкиных в центральном управлении отмечу, что упомянутый выше Петр Петрович был судьей во Владимирском судном приказе в 1675—1679 гг., а Петр Михайлович Желтоух был там же в 1674—1675 гг., а в 1676 г.— в Московском судном приказе [24].

В заключение обзора служебной деятельности Пушкиных во второй половине XVII в. следует дать перечень их служб в городах.

Этот сухой перечень заслуживает внимания сам по себе и в качестве яркого контраста служебной и исторической незначительности родителей и ближайших предков А. С. Пушкина.

Окольничий Степан Гаврилович, кроме служб на дипломатическом поприще и в Челобитном приказе, был на воеводстве: в 1643—1644 гг.— в Рыльске, в 1646 г.— в Одоеве, [в 1647 г.— в Устюге Великом], в 1653—1654 гг.— в Путивле, и в 1654/55 г. — в Смоленске.

Федор Федорович Сухорук в 1652—1653 гг.— в Чугуеве.

Петр Михайлович Желтоух в 1648 г.— во Мценске, в 1651 г.— в Рязани, в 1653—1654 гг.— в Козлове и в 1656 г.— на Олонце.

Никита Воинович в 1650 г.— в Козлове.

Петр Петрович в 1659—1660 гг.— в Туле.

Иван Федорович Шиш в 1674—1676 гг.— в Тобольске, в 1676—1679 гг.— на Верхотурье и в 1684 г.— в Терках (на Северном Кавказе) [25].

Глава двенадцатая

Упадок Пушкиных в последней четверти XVII в.

В третьей четверти XVII в. Пушкины достигли зенита своей славы и могущества. В последней четверти века начинается упадок, завершающийся в последних годах катастрофой, которая навсегда вывела Пушкиных из среды московской правящей знати.

Обзор лучше всего сделать в порядке старшинства членов рода. Такой обзор лучше всяких обобщений дает представление о сложности процесса социального и бытового упадка старого дворянского рода *.

Из четырех сыновей Евстафия Михайловича два были убиты в Смутное время и не оставили потомства. Его младший сын, Никита, имел одного сына, умершего без потомства в середине XVII в. У второго сына, Михаила, был один сын Петр и один внук, Михаил Петрович.

Петр Михайлович был выдающимся по службе и весьма богатым человеком. В Московском уезде ему принадлежало Александрово в Сурожском стану, а в Орловском уезде большая вотчина — село

* При чтении этой главы рекомендуется справляться с помещенной в приложении поколенной росписью рода Пушкиных.

Тагино на реке Оке при впадении в нее Бобрика. Сверх того он получил выморочную вотчину своего двоюродного брата Ивана Никитича в Костроме.

В 1648—1656 гг. Петр Михайлович был на воеводствах во Мценске, Рязани, Козлове и Олонце, а в 1659 г. на очень почетной должности — судьей Московского судного приказа. В 1660 г. он был воеводой у тульских засек, а в 1674—1675 гг. — во Владимирском судном приказе [1].

Единственный сын Петра Михайловича, Михаил, в 1679 г. упоминается как стольник, и больше о нем ничего неизвестно [2]. Он умер в декабре 1683 г. без потомства, а в ноябре 1684 г. умер и его отец.

В связи с отсутствием прямых наследников и вмешательством вдовы Петра Михайловича Марфы Федоровны, урожденной Мякининой, из Москвы был прислан дьяк Никита Насонов произвести опись вотчины Петра Михайловича Пушкина.

Опись Н. Насонова дает интересную картину большого гнезда русского феодала конца XVII в. Описанный Насоновым дубовый острог на высоком берегу реки Оки при впадении в нее Бобрика был уже ветх. Вероятно, он был построен еще в то время, когда так называемая Белгородская черта укреплений не отодвинула далеко на юг оборону Орловского уезда от крымских татар.

Дубовый острог с двумя башнями над воротами был окружен стеной в 142 сажени, вышиной в две сажени и окружен рвом глубиной в две сажени.

В остроге были две железные пушки мерою по аршину, а к ним два пуда зелья и 18 ядер железных весом по полуфунту. В селе Тагине и деревнях Поляне и Бобрике — 80 человек дворовых и деловых людей и 230 дворов крестьянских и бобыль-

Стрельцы московских полков XVII в.

ских, а людей в них 1119 человек. Из подробной описи дьяка Н. Насонова приведу несколько показательных цифр. В хозяйстве вотчинника было более 169 лошадей с 35 жеребятами, 26 сох, 27 кос и 46 серпов; в житницах всякого хлеба урожая 1684 г. — ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса, гречихи, конопли и льняного семени 1173 четверти (пятипудовых). Далее в описи дьяка Насонова переписаны подробно скот, домашняя птица и повинности крестьян.

С переходом вотчины к новому хозяину произошло замешательство, едва не окончившееся кровопролитием. Марфа Федоровна послала в Тагино своего приказчика собрать оброки, но крестьяне оказали неповиновение и вызвали жалобу Марфы Федоровны орловскому воеводе Тургеневу. Посланных Тургеневым людей крестьяне встретили «гилем» и «наказания учинить не дались, а ночью пришли на съезжий двор и посыльных людей били и во всем им отказали».

По жалобе на это Марфы Федоровны было велено послать из Москвы карательный отряд с приказанием пущих заводчиков «гиля», «водя по селу, бить кнутом нещадно, а иных велели бить батоги, снем рубашки, нещадно же, чтобы впредь неповадно им было так воровать и непослушным быть». К счастью, в дело вмешался своевременно Никита Борисович Пушкин и подал в Разряд челобитную, в которой просил не наказывать крестьян, так как по «указу государей» Тагино дано ему как ближайшему родственнику Петра Михайловича, а вдове его даны двор в Москве и три тысячи рублей из вотчин и имущества ее покойного мужа [3].

Никита Борисович был единственным внуком думного дворянина Ивана Большого Михайловича, убитого поляками в Москве в 1611 г. У Ивана Большого Михайловича было четыре сына: Афанасий, убитый в молодости под Кромами, Иван, Борис и Федор. Все они, за исключением Бориса Ивановича, ничем не отличились и не оставили потомства.

Борис Иванович был одним из самых выдающихся представителей рода Пушкиных. В молодости он был в составе посольства московского боярского правительства к Сигизмунду, был задер-

жан поляками и вышел из плена с Филаретом Никитичем и другими пленниками в 1619 г. (См. об этом выше, с. 154.) В 1630—1636 гг. он был судьей в Разбойном приказе, а затем отправлен послом в Швецию, где был в 1632—1633 гг. По возвращении из посольства он был на воеводствах в Мангазее и в Яблонове, а затем, в 1642—1648 гг., вторично заведовал Разбойным приказом, после чего [в 1646 г.] пожалован в окольничие. Самой значительной его службой было вторичное посольство в Швецию в 1649 г. и заключение Стокгольмского мирного договора.

Единственный сын Бориса Ивановича, Никита, был совсем заурядным по службе человеком. Богатый сам по себе, он еще больше разбогател, получивши выморочные вотчины своих близких родственников Петра Михайловича и Ивана Никитича.

Личная и семейная жизнь Никиты Борисовича сложилась весьма неблагополучно. Своего единственного сына Афанасия он женил на Стефаниде Емельяновне Украинцевой, а дочь Софью выдал замуж за графа Николая Федоровича Головина, адмирала и президента Адмиралтейств-коллегии. Эти брачные связи очень характерны для времени глубокого брожения во всех слоях общества, времени церковного раскола и кануна реформ Петра I.

Николай Федорович Головин, верный соратник крутых и разносторонних реформ Петра I, сын боярина, фельдмаршала и одного из первых русских графов, принадлежал к старой и богатой фамилии Ховриных-Головиных и был в родстве с верхами московской знати. Емельян Игнатьевич Украинцев был, по тогдашним понятиям, совершенно безродным человеком, богато одаренным

самородком из среды провинциальных подьячих. Он начал служить в Москве подьячим в 1665 г., в 1675 г. стал дьяком Посольского приказа, в мае 1681 г. получил думное дьячество, а затем стал «домовым дьяком», то есть как бы личным секретарем Петра I, и в апреле 1699 г. был назначен на очень ответственную должность — послом в Турцию.

За время своей многолетней подьяческой и дьяческой службы Емельян Игнатьевич Украинцев правдами и неправдами обогатился и, выдавая свою дочь замуж за Афанасия Пушкина, дал ей богатое приданое, которое и стало предметом некрасивой тяжбы Емельяна Украинцева с Никитой Пушкиным.

Молодой стольник Афанасий Никитич Пушкин своим беспутным поведением и пьянством вызвал жалобу отца государям. Дело дошло до того, что в 1692 г. он ворвался в дом отца «за Смоленскими воротами у Николы Чудотворца» (на Арбате) и избил отца и мать, за что «по указу государей» было велено отправить его «под начало» в Нилову пустынь Столбенского монастыря [на Селигере]. Игумен Ниловой пустыни Пахомий доносил в разряд, что Афанасий Пушкин буйствует и что у него нет ни людей, ни средств смирить его и стеречь. Несколько времени спустя Афанасий Пушкин бежал из монастыря, был пойман в семидесяти верстах и возвращен, но бежал вторично и, пойманный погоней, сказал, что он поехал в Москву просить прощения у отца. Дальнейшая судьба Афанасия Пушкина неясна. По-видимому, он был возвращен в монастырскую тюрьму, где и умер в 1694 г.

Его жена Стефанида Украинцева жила в это время во дворе свекра, «на Покровке в приходе у церкви всемилостивого Спаса, что на Глинищах».

По тогдашним обычаям и законам бездетная вдова имела право потребовать от родителей покойного мужа все приданое, движимое и недвижимое имущество. Для обеспечения прав женщины обыкновенно писали перед браком особую «рядную запись», в которой описывали подробно все приданое. На этот раз рядной записи почему-то не оказалось, и вообще большое судное дело Никиты Борисовича Пушкина с Емельяном Украинцевым, конец которого, к сожалению, утрачен, оставляет неясным очень многое в поведении тяжущихся сторон.

По словам Емельяна Украинцева, его дочь после смерти мужа жила в доме свекра, то есть Никиты Пушкина, одна, «в нужде и в небреженье от слуг». Он-де взял ее к себе с разрешения государей и захватил те иконы, которыми ее благословили свекор и свекровь, да «остаток приданого», а что именно и сколько он взял, того он не помнит, так как Никита Пушкин семь лет молчал, а теперь (в 1699 г.) затеял поклепный иск.

Возможно, что вдова Стефанида и сам Емельян Украинцев воспользовались случаем прихватить кое-что сверх приданого, но и поведение Никиты Пушкина представляется неумным и нечистым. Затеявши дело о грабеже, Никита Пушкин вначале уклонялся от представления списка отнятых у него грабежом вещей, хотя знал, что без списка подобные челобитные по закону не подлежат рассмотрению. Затем представленный им список явно содержал множество предметов, не имевших никакого отношения к приданому его невестки, а оценка предметов была преувеличена до фантастичности.

Между прочим, Никита Пушкин написал в росписи «грабежа»: «Чепь золотая, большая,

с персоною золотой, около персоны каменья — алмазы и яхонты и изумруды. Персона свейские королевы Христины. Цена 1000 рублев, весом в 10 фундов». На что Емельян Украинцев, как знаток посольского дела, возразил, что в статейном списке Бориса Ивановича Пушкина, хранящемся в Посольском приказе, сказано, что он получил в награду (в 1649 г.) цепь с персоной королевы Христины, а весу в ней всего 2 фунта 57 золотников.

Дело Никиты Пушкина осталось незавершенным, так как по именному указу Петра I от 22 апреля 1699 г. Емельян Украинцев был назначен чрезвычайным послом в Турцию, и его дело с Никитой Пушкиным было велено отсрочить до возвращения Украинцева из посольства.

Смерть несчастного Афоньки Пушкина в монастырской тюрьме и поклепный иск Никиты Пушкина сами по себе бросают тень на доброе имя Никиты Борисовича Пушкина. Еще худшее впечатление производит его многолетняя тяжба с князем Андреем Федоровичем Шаховским.

Стефанида Украинцева после смерти мужа получила из его поместья прожиток в сто семьдесят шесть четвертей земли с двенадцатью крестьянскими дворами и в 1695 г. вышла замуж за князя Андрея Федоровича Шаховского. Никита Борисович Пушкин при большом личном богатстве и при двух наследствах, полученных от бездетных родичей, вознамерился отнять у своей бывшей невестки ее прожиток. Более пяти лет он судился с князем Андреем Шаховским, пуская в ход подложные документы и всевозможные обманы. К сожалению, судное дело об этом дошло до нас в неполном виде и без конца.

Следует отметить, что Никита Борисович Пушкин в это время был одиноким стариком, вскоре постригся в Троицком монастыре и умер в 1719 г., не доживши одного года до ста лет [4].

Едва ли для него большим утешением был брак его дочери Софьи. Его зять граф Николай Федорович Головин, находясь на службе в Дании, завел там побочную семью и имел нескольких детей, из которых один, Петр-Густав, впоследствии был генерал-майором датской службы.

У следующего по старшинству представителя рода Пушкиных, у окольничего Никиты Михайловича, был один внук, Андрей (см. № 73 Росписи), имевший одну дочь. Так пресеклась и эта отрасль рода.

У Григория Григорьевича Сулемши было два внука — Иван Борисович и Федор Иванович, не оставившие мужского потомства. Дочери Ивана Борисовича были замужем: Прасковья — за стольником князем Семеном Федоровичем Борятинским, а Анна – за стольником (с 1685 г. окольничим) Иваном Алексеевичем Головиным.

Сыновья Гаврилы Григорьевича, прославленного А. С. Пушкиным в «Борисе Годунове», Григорий и Степан, и внуки, Матвей и Яков Степановичи, были самыми значительными по службе представителями рода. Григорий Гаврилович, выдающийся дипломат, был первым боярином в роде Пушкиных. Он не имел детей, и большая часть его вотчин досталась его брату Степану.

Сыновья Степана Гавриловича, Матвей и Яков, были своими людьми в среде царской родни Милославских и горячими приверженцами «старой веры», а по связи со старообрядчеством принадлежали к консервативным и реакционным кругам конца XVII в.

А. С. Пушкин в черновых набросках ответа на журнальные нападки писал о древности его рода и, между прочим, о Пушкиных в смутное время междуцарствия, наступившего после смерти Федора Алексеевича (апрель 1682 г.): «При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник Федор Алексеевич (ошибка, следует: Матвеевич. — *С. В.*) был замешан в заговоре Цыклера и казнен вместе с ним и Соковниным» [5].

Про казненного стольника Федора Матвеевича А. С. Пушкин в «Моей родословной» писал:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им [6].

Выражения «оппозиция» Пушкиных деятельности Петра I и «неукротимость» родни Федора Матвеевича Пушкина представляются неудачной и неверной характеристикой сообщников Алексея Соковнина и Ивана Цыклера. Немного дерзко звучит и выражение, что Федор Матвеевич Пушкин был повешен (не повешен, а обезглавлен. — *С. В.*) за то, что «не поладил» с Петром I.

Очевидно, что А. С. Пушкин не знал, в чем выразилась «оппозиция» Пушкиных, не знал, что одновременно с казнью Федора Матвеевича его отец, боярин Матвей Степанович, был сослан в Сибирь, а дядя, боярин Яков Степанович, был удален от дел и отправлен в его деревню и что вообще катастрофа 1697 г. не ограничилась тем, что Федор Пушкин был казнен, — она вывела навсегда весь род Пушкиных из среды московской знати и из правящих верхов государства.

Следственное дело о заговоре Алексея Соковнина и его сообщников не сохранилось или пока

еще не найдено, но мы имеем достаточно данных, чтобы выяснить причины и сущность катастрофы, разразившейся над Пушкиными в 1697 г.

Главой заговора были Алексей Прокофьевич Соковнин и стрелецкий полковник и думный дворянин Иван Елисеевич Цыклер. Стольник Федор Пушкин, сын боярина Матвея Степановича, женатый на дочери Алексея Соковнина, был второстепенным соучастником [заговора]. Среду, из которой вышли заговорщики, характеризуют следующие справки.

Соковнины в среде московской знати были совсем «новыми» людьми. Они поднялись очень быстро из совершенно заурядных лихвинских и карачевских детей боярских путем брачных связей с Милославскими и Морозовыми. Борис Иванович Морозов по своей жене Анне Ильиничне Милославской был шурином царя Алексея, женатого на Марье Ильиничне Милославской. Федор Прокофьевич Соковнин, старший брат Алексея, заведовал Мастерской палатой царицы Марьи Ильиничны, затем был пожалован в думные дворяне, в 1676 г. в окольничие, а в 1682 г. (после смерти царя Федора) в бояре. Столь необычно быстрое возвышение безродного провинциального дворянина объясняется тем, что его сестры были замужем — Федосья Прокофьевна за Глебом Ивановичем Морозовым, старшим братом царского шурина Бориса Ивановича, а Евдокия Прокофьевна была замужем за боярином князем Петром Семеновичем Урусовым.

Наконец, следует прибавить, что одна из дочерей Алексея Прокофьевича Соковнина, Софья, была замужем за Александром Ивановичем Милославским.

Известно, какими ярыми поборницами старой

Офицеры стрелецких полков XVII в.

веры были боярыни Федосья Морозова и Евдокия [(Прасковья)] Урусова. Они держали себя вызывающим образом, а их родство и близкие связи с царствующим домом ставили царя Алексея в очень затруднительное положение, из которого он долго не решался выйти.

В 1669 г. 3 марта скончалась царица Марья Ильинична, но только в ноябре 1671 г. царь Алексей решился наконец дать приказ о заключении под стражу Федосьи Морозовой. Никакие гонения не могли сломить упорства ярых защитниц

Боярин на коне

старой веры, и в 1675 г. они были «казнены» царем Алексеем, потерявшим надежду укротить ярых раскольниц.

Так, можно сказать, что Федор Матвеевич Пушкин, женившись на дочери Алексея Прокофьевича Соковнина, попал в самую гущу старообрядчества и в ту придворную среду, которая группировалась вокруг Милославских. Хорошо известно, что старообрядчество было не только приверженностью к старым церковным обычаям и старой вере, но сочеталось с консервативностью и даже

Портрет царицы
Натальи Кирилловны Нарышкиной.
Неизвестный художник конца XVII в.

реакционностью в вопросах политики и социального уклада жизни.

С Милославскими и приверженцами старой веры из среды московских стрельцов Пушкиных связывали не только брачные союзы с Соковниными и Морозовыми. Родная сестра Ивана Федоровича Шиша Пушкина (с 1682 г. окольничий), Ирина Федоровна, вышла замуж за боярина князя Ивана Андреевича Тараруя Хованского как

раз в те годы, когда Федосья Морозова и Прасковья Урусова вели ожесточенную борьбу за старую веру. Известно, что глава московских стрельцов замышлял произвести при помощи стрельцов дворцовый переворот, но в сентябре 1682 г. по приказанию царевны Софьи был вызван из Москвы и убит без всякого суда и следствия в селе Воздвиженском, по дороге из Москвы в Сергиев монастырь, в котором укрывались под защитой дворян и остававшихся верными частей войск царевичи Иван и Петр и царевна Софья.

Царь Алексей Михайлович оставил после себя тяжелое наследство: родню от двух жен, Милославских и Нарышкиных, и трех наследников, из которых два старших — Федор и Иван — по слабости здоровья не были способны править большим государством, вступившим в период глубоких, давно назревших реформ. При жизни царя Федора неустойчивое равновесие власти поддерживалось инерцией и заведенным исстари порядком, но после смерти (апрель 1682 г.) царя Федора Алексеевича наступил длительный период дворцовых смут и борьбы сторонников двух жен царя Алексея, Милославских и Нарышкиных, в которую были втянуты большие массы московских стрельцов, значительная часть московского дворянства и недовольные правительством приверженцы старой веры.

В этом бурном периоде многовластия и в то же время безвластия Пушкины не выдвинули из своей среды ни одного значительного человека, которого можно было бы счесть за принципиального противника Петра I и его смелых и решительных начинаний.

Самым крупным представителем фамилии Пуш-

киных был Матвей Степанович. Он начал служить при царе Алексее и в 1649 г. в чине стольника был в составе посольства в Польшу его дяди, боярина Григория, и отца, окольничего Степана Гавриловичей.

В ближайшие последующие годы Матвей Степанович находился при царе и принимал участие в приеме послов. В 1656 г. он сопровождал царя в его походе к Полоцку и Смоленску. В 1672—1675 гг. он был на очень ответственном в то время месте — на воеводстве в Смоленске — и в апреле 1674 г. пожалован в окольничие, а в следующем году был послом в Польшу. После смерти царя Алексея Матвей Степанович продолжал получать ответственные поручения и продвигаться успешно по службе.

После возвращения из посольства в Польшу Матвей Степанович был послан воеводой в Киев, а в 1679 г. — в Астрахань. После смерти царя Федора ему были поручены Разбойный и Сыскной приказы, а в 1683 г. он был пожалован в бояре и послан в Смоленск, а затем в Киев. При правительнице царевне Софье Матвей Степанович ведал Владимирский судный приказ, а после заключения царевны Софьи в монастырь назначен [в 1690 г.] в Расправную палату, вышее судебное учреждение государства. На этом окончилась его служебная карьера.

Был ли он в «оппозиции» начинаниям Петра I и как относился к заговору Алексея Соковнина и Цыклера, неизвестно. Следствие по этому делу сначала не дало никаких улик против Матвея Степановича.

20 февраля 1697 г. он был назначен на службу в Азов, что было со стороны царя немилостью, но не опалой. 21 февраля он присутствовал на бого-

Петр I.
Гравюра П. Гунста
с портрета работы Г. Кнеллера. 1697 г.

служении патриарха в Успенском соборе. Однако следствие дало какие-то новые данные о причастности Матвея Степановича к заговору, и после казни заговорщиков (4 марта) он был лишен боярства, все его имущество отписано в казну, и он был сослан в Енисейск, где вскоре и умер. Отправляясь в ссылку, Матвей Степанович взял с собой малолетнего внука Федора, который тоже вскоре умер в Енисейске.

Младший брат Матвея Степановича, Яков, судя по всему, был заурядным человеком. Нам не известно ни одной его сколько-нибудь значительной службы. Он получил окольничество в конце 1688 г., а затем, около 1694 г., был пожалован в бояре. В заговоре Алексея Соковнина со стороны Якова Степановича прямой вины не было, но Петр I нашел нужным удалить его из Москвы, не лишая боярства. 24 марта 1697 г. государь «указал быти на Белеозере у строения Кирилова монастыря боярину Якову Степановичю Пушкину. А без указу великого государя к Москве ему от того дела не ездить; и с Москвы к тому делу ехать ему вскоре» [7]. В сентябре того же года государь указал боярину Якову Степановичу Пушкину «с Белаозера ехать в касимовскую свою деревню и быть ему в той деревне до своего, великого государя, указу, а из той деревни к Москве и в иные свои деревни ему не ездить» [8].

Яков Степанович пробыл в ссылке недолго и умер в своей касимовской деревне около 1699 г. У Якова Степановича мужского потомства не было, а были две дочери: Марья, о которой ничего не известно, и Ирина. Ирина Яковлевна в первом браке (с 1700 г.) была за стольником князем Петром Ивановичем Шаховским (умер в 1706 г.), во втором браке [с 1714 г.] — за полковником

князем Петром Федоровичем Мещерским и, наконец, в третьем браке (с 1716 г.) — за стольником Иваном Ивановичем Цыклером, сыном казненного полковника и думного дворянина Ивана Елисеевича Цыклера.

Так бесславно пресеклась самая выдающаяся отрасль рода Пушкиных.

В конце XVII в. оставались в наличии следующие представители рода.

Иван и Федор Ивановичи, сыновья Ивана Федоровича Шиша. Иван Иванович в 1680 г. был стольником, в 1693 г. сопровождал Петра I в его поездке в Архангельск, а в 1703 г. был капитаном Тверского пехотного полка. В 1705 г. он был еще на службе, а 8 марта 1718 г., незадолго перед смертью, написал духовное завещание. Все свои вотчины за отсутствием потомства у него самого и у его брата Федора, умершего в конце XVII в., Иван Иванович оставил своим троюродным братьям, Петру и Федору Петровичам.

Так угасали одна за другой отрасли рода Пушкиных, и в начале XVIII в. в наличности оставались только указанные братья Петровичи — Петр Петрович, прапрадед А. С. Пушкина, и его брат Федор, умерший бездетным в 1728 г. По службе Федор Петрович был совершенно заурядным человеком. Немногим значительнее был его старший брат Петр Петрович. Он родился в 1644 г. и к тридцати годам едва дослужился до чина стряпчего. В 1675—1679 гг. он был дворянином — судьей во Владимирском судном приказе. В 1673, 1681 и 1689 гг. принимал участие в Крымских походах, а в 1681—1682 гг. в качестве выборного от московского дворянства принимал участие в совещаниях выборных, созванных для устроения ратного дела, и, между прочим,

был участником собора, отменившего местничество.

Обзор Пушкиных в последней четверти XVII в. в порядке старшинства, несколько скучный для чтения, дает возможность сделать интересные наблюдения. Прежде всего следует сказать, что упадок рода Пушкиных нельзя объяснить какой-либо одной причиной. Мы видим, что он обусловливался несколькими причинами, не имевшими между собой никакой связи и ничего общего.

На первом месте следует поставить несомненный и труднообъяснимый факт — исключительно большое количество лиц, умиравших без мужского потомства или совершенно бездетными. В XVI в. и в Смутное время значительная смертность без потомства объяснялась участием молодежи в походах и боях. В XVII в. Пушкины, как и другие дворяне верхнего и среднего слоев класса, стали царедворцами, командирами воинских частей, дипломатами и градоправителями. Поэтому бездетность многих Пушкиных объясняется какими-то другими причинами, для выяснения которых мы пока не имеем необходимых материалов.

На некоторых семьях рода Пушкиных заметно влияние переходного времени, когда в материальный быт, в семейную жизнь, в верования и нравы Московской Руси властно врывались иноземные влияния, когда рушились старые устои жизни, а заимствованные наспех чужеземные новшества вызывали соблазн и подражание, давая очень мало положительного и полезного в повседневной жизни.

Иван Афанасьевич Желябужский, родственник Пушкиных (см. № 91 поколенной росписи), в своих замечательных по правдивости «Записках»

в простых и выразительных чертах обрисовал грубость и распущенность нравов последней четверти XVII в. [9] Вполне в духе «Записок» Желябужского были описанная выше семейная жизнь Никиты Борисовича Пушкина и смерть в монастырской тюрьме его несчастного сына Афоньки.

Тесные связи самых выдающихся по служебному положению Пушкиных со старообрядчеством и с мятежными стрельцами сыграли в упадке рода Пушкиных значительную роль, но, конечно, катастрофа 1697 г., разразившаяся над Пушкиными, не имела бы таких гибельных последствий, если бы она не совпала с другими симптомами упадка всего рода в целом.

Приложение 1.

Схематическая роспись фамилий рода Ратши

I колено

Ратша

II колено

Якун Ратшич

III колено

Алекса Якунович

IV колено

Гаврило Алексич (1240 г.)

V колено

Иван Гаврилович Морхиня.
Акинф Гаврилович Великий. Убит под Переславлем-Залесским в 1304 г.

VI колено

Александр Иванович Морхинин (1339 г.)
Иван Акинфович (1348 г.)
Федор Акинфович (1339 г.)

VII колено

Владимир Александрович Холопище. От него — Холопищевы.
Давид Александрович Казарин. От него — Гавриловы.
Федор Александрович Неведомица. От него — Неведомицыны.
Григорий Александрович Пушка. От него Пушкины разных фамилий.
Андрей Иванов сын Акинфовича.

Владимир Иванов сын Акинфовича. От него — Замытские и Застолбские. Последние вымерли в XVI в.

Роман Иванов сын Акинфовича. По вотчине Каменский. От него — Каменские, а от Каменских в XV в. отделилась фамилия Курицыных-Волковых.

Михаил Иванов сын Акинфовича. Убит в 1380 г. на Куликовом поле и не оставил потомства.

VIII колено

Александр Григорьевич Пушкин. От него новгородская ветвь Пушкиных.

Никита Григорьевич Пушкин, второй сын Григория Пушки.

Василий Григорьевич Улита Пушкин, третий сын Григория Пушки.

Федор Григорьевич Товарко, четвертый сын Григория Пушки. От него — Товарковы-Пушкины, вымершие в середине XVI в.

Константин Григорьевич, пятый сын Григория Пушки, прямой предок А. С. Пушкина.

Федор Андреевич Свибло (1366, 1389 гг.). Его единственный сын Семен был убит в 1438 г. под Белевом и не оставил потомства.

Иван Андреевич Хромой (1389 г.). Его потомки не носили никакой фамилии, а последним представителем этой отрасли был известный боярин Иван Петрович Федоров, казненный в 1567 г.

Александр Андреевич Остей (1385, 1416 гг.)

Иван Андреевич Бутурля. От него — Бутурлины. От Полуекта Бутурлина (1480 г.) — Полуектовы, а от Григория Дмитриевича Неклюда Бутурлина (середина XVI в.) — Неклюдовы.

Причисление Полуектовых и Неклюдовых к фамилии Бутурлиных вызывает сомнения.

Андрей Андреевич Слизень.

Михаил Андреевич (1425 г.). От его сына Федора Челядни (1462 г.) — Челяднины, вымершие в 1542 г.

IX колено

Иван Никитич Курч (середина XV в.). От него Курчевы-Пушкины, вымершие (?) в XVII в.

Михаил Никитич Рожон (середина XV в.). От него Рожновы.

Тимофей Васильевич Улитин Пушкин.

Гаврило Константинович Пушкин. Упоминается в 60-х годах XV в.

Тимофей Александрович Остеев (1434 г.).

Андрей Андреевич Слизнев (1440 г.)

X колено

Михаил Тимофеевич Муса Улитин (середина XV в.). От него — Мусины-Пушкины.

Иван Тимофеевич Кологрив Улитин. От него — Кологривовы (вторая половина XV в.), а в начале XVI в. от[Дмитрия Ивановича] Повода Кологривова отделилась фамилия Поводовых.

Алексей Тимофеевич Улитин. От его сына Ивана Бобрища (начало XVI в.) — фамилия Бобрищевых-Пушкиных.

Степан Тимофеевич Улитин. От его сына Федора Шаферика (первая половина XVI в.) — Шафериковы-Пушкины.

Василий Тимофеевич Чулок Остеев (середина XV в.).

Андрей Тимофеевич Жулеба Остеев (1470 г.). От него — Жулебины.

Иван Андреевич Слизнев.

Яков Андреевич Слизнев.

Федор Андреевич Слизнев.

XI колено

Иван Васильевич Чебот Чулков (умер в 1501 г.). От него — Чеботовы, вымершие в последней четверти XVI в.

Андрей Васильевич Чулков. Его потомство — Чулковы.

Григорий Иванович Мятель Слизнев (конец XV в.). От него — Мятлевы.

Иван Иванович Булгак Слизнев (1495 г.). От него — Булгаковы-Слизневы.

Семен Яковлевич Упа Слизнев. От него — Упины-Слизневы.

Приложение 2.

Поколенная роспись прямых и ближайших боковых предков А. С. Пушкина

IV колено от Ратши № отца

1. Гаврило Алексич, витязь великого князя Александра Ярославича на Невском побоище.

V колено

2. Иван Гаврилович Морхиня. 1
3. Акинф Гаврилович Великий. Боярин великого князя Андрея Александровича Городецкого, а после его смерти — боярин Михаила Ярославича Тверского. Убит в 1304 г. под Переславлем-Залесским. 1

VI колено

4. Александр Иванович Морхинин. 1340 г.— воевода великого князя Ивана Даниловича в походе под Смоленск. 2

VII колено

5. Владимир Александрович Холопище. Его сын Григорий Владимирович Холопищев в 1395 г. воевода великого князя Василия Дмитриевича в Нижнем Новгороде. 4
6. Григорий Александрович Пушка, пятый сын Александра Морхинина. 4

VIII колено

7. Федор Григорьевич Товарко Пушкин (четвертый сын Григория Пушки). 1433 г.— боярин великого князя Василия Васильевича. От него — Товарковы-Пушкины. 6
8. Константин Григорьевич Пушкин, пятый сын Григория Пушки, жил в первой половине XV в. 6

	IX колено	№ отца
9.	Гаврило Константинович. Послух у купчей грамоты митрополита Ионы (1448—1461 гг.) на землю в Дмитровском уезде.	8
	X колено	
10.	Иван Гаврилович.	9
	XI колено	
11.	Федор Иванович.	10
12.	Иван Иванович.	10
13.	Александр Иванович.	10
14.	Семен Иванович. Бездетный.	10
15.	Михаил Иванович. В середине XVI в. дворовый, вотчина в Дмитрове.	10
	XII колено	
16.	Михаил Федорович. В иноках Иосифо-Волоколамского монастыря Мисаил.	11
17.	Григорий Иванович. Дворовый по Дмитрову. 1577 г.— дворовый по Вязьме.	12
18.	Елизарий Александрович. Бездетный.	13
19.	Тимофей Александрович. Бездетный.	13
20.	Федор Александрович. 1577 г.— дворовый по Вязьме, в посылке в Рязань для государева дела.	13
21.	Иван Александрович. Бездетный.	13
22.	Андрей Александрович. Бездетный.	13
23.	Семен Михайлович. Служил в опричнине и в 1567 г. в походе Ивана Грозного был у царского знамени, в 1577 г. выборный дворовый по Вязьме. 1578 г.— писец Волока Ламского.	15
24.	Степан Михайлович. Бездетный.	15
	XIII колено	
25.	Евстафий Михайлович. Летом 1572 г.— в Старице на заставе, охранявшей дорогу в Великий Новгород, куда царь Иван удалился в предвидении набега на Москву крымских татар. 1576, 1577 и 1579 гг.— при царе Иване в походах на Ливонию. 1580 г.— воевода в Смоленске. 1584—1589 гг.— у городового дела в Новгороде. 1590 г.— писец Венева.	

№ отца

1591 г.— воевода в Копорье. 1592 г.— под Выборгом. 1598 г.— дворянин на Земском соборе, избравшем на царство Бориса Годунова. 1600 г.— пожалован в думные дворяне и послан на воеводство в Тобольск, где умер в 1603 г., постригшись перед смертью в монашество, в иноках — Евфимий. 16

26. Иван Михайлович Большой. 1574 г.— ловчий. 1580 г.— голова в Новгороде. 1582 г.— в посольстве в Польшу. 1598 г.— дворянин, подписался на выборной грамоте царя Бориса. При самозванце в 1605 г. воевода в Кореле. В 1606 г. при царе Василии Шуйском пожалован в думные дворяне. 1608 г.— воевода в Коломне. Убит 19 марта 1611 г. в Москве поляками.
Жена — Елена Ивановна. 16

27. Никита Михайлович. Начал служить в 1571 г. 1598 г.— дворянин на Земском соборе (см. №№ 25 и 26). 1603—1605 гг.— воевода в Тобольске, 1608—1609 гг.— на Вологде, 1611 г.— в Ярославле, а затем на Двине. 1614—1616 гг.— во Владимире, 1617 г.— в Арзамасе. 15 августа 1619 г. пожалован в окольничие. Умер в 1622 г. 16

28. Леонтий Михайлович. 1598 г.— «выбор из городов» на Земском соборе, избравшем на царство Бориса Годунова. Убит в 1605 г. под Кромами в боях против самозванца. Бездетный. 16

29. Иванка Михайлович. 1598 г.— «выбор из городов» на Земском соборе, избравшем на царство Бориса Годунова. В 1609 г. местничался с князем Дмитрием Пожарским. 1613 г.— воевода в Бежецке. Несколько месяцев в 1614 г. ведал Приказ сбора казачьих кормов. 1615—1617 гг.— воевода в Астрахани. 1619—1621 гг.— ведал Приказ Большого прихода. 16

30. Григорий Григорьевич Сулемша. 1581—1587 гг.— в плену у поляков. 1607—1608 гг.— полковой воевода в действиях против повстанцев в Арзамасе, Мещере и Кашире. 1610 г.— полковой воевода в

Погорелом Городище. 1611—1613 гг.— воевода на Вологде. 1618 г.— в Ярославле. Умер до 1626 г.
Жена — Ирина. 17

31. Иван Григорьевич. 1611 г.— стряпчий. 1613 г.— участник Земского собора, избравшего на царство Михаила Романова (неграмотный). 1625 г.— стольник. Бездетный. 17

32. Гаврило Григорьевич Слепой. 1581 г.— стрелецкий сотник. 1598 г.— голова у касимовских татар в полках в походе к Серпухову. 1601 г.— воевода в Белгороде, а затем письменный голова в Пелыме. В мае 1605 г. «напросился» у Лжедмитрия возмутить москвичей и свергнуть правительство Годуновых. За это пожалован Самозванцем в думные дворяне и сокольничие. При царе Василии в 1608—1609 гг.— воевода в действиях против поляков. 1609 г.— воевода в Муроме в действиях против татар. 1610 г.— участник битвы под Клушином. В 1611 г. подписался под грамотой боярского правительства к королю Сигизмунду. 1612 г.— в ополчении князя Д. Трубецкого. 1613 г.— защищал от поляков Устюжну, а в сентябре послан воеводой в Вязьму, где был в 1614—1615 гг. В 1618 г. ведал Челобитный приказ, а в 1619 г.— Челобитный и Разбойный приказы. В 1626 г. отпущен по болезни в деревню. Перед смертью в 1638 г.— инок Герасим.
Первая жена — Марья Мелентьевна Иванова, с 1579 г. 4 ноября 1605 г. погребена в Троице-Сергиевом монастыре.
Вторая жена — Анна Васильевна Колтовская (дочь Василия Игнатьевича), умерла в марте 1645 г. 17

33. Матвей Федорович. Убит под Новгородом. Бездетный. 20

34. Федор Семенович. 1598 г.— голова в полках в походе к Серпухову. 1601—1602 гг.— письменный голова в Тюмени. Май 1607 —

№ отца

август 1608 г.— пристав у польских послов. 1613 г.— стряпчий на Земском соборе, избравшем на царство Михаила Романова. 1615 — март 1616 г.— ведал Ямской приказ. Умер в 1629 г. 23

35. Тимофей Семенович. 1597 г.— сотенный голова в полках в Чернигове. 1598 г.— голова у сторожевых полковых охранений в походе в Серпухов против крымских татар. 1601 г.— воевода в Цареве-Борисове. 1604 г.— жилец, оклад из Галицкой чети 10 рублей. 1616 г.— дозорщик Романовского уезда. 1618 г.— воевода в Цывильске. 23

XIV колено

36. Алексей Евстафьевич. 1598 г.— дворянин на Земском соборе, избравшем на царство Бориса Годунова. 1611 г.— дворянин. Убит при неизвестных обстоятельствах в Смутное время. Бездетный. 25

37. Михаил Евстафьевич. 1577 г.— голова в Ливонском походе. 1598 г.— стряпчий на Земском соборе, избравшем на царство Бориса Годунова. 1611 г.— дворянин в ополчении кн. Д. Трубецкого. 1613 г.— на Земском соборе, избравшем на царство Михаила Романова. 1614 г.— послан в Калугу собрать «нетчиков» и отвести их на службу под Смоленск. 1617 г.— послан в Можайск «крепить осаду». 1620—1621 гг.— воевода в Чебоксарах. 1625 г.— дворянин, на службе в Москве. В переписи 1638 г. упоминается его двор в Москве, на Рождественке.
Жена — Анисья. 25

38. Иван Евстафьевич. 1598 г.— стряпчий на Земском соборе, избравшем на царство Бориса Годунова. 1611 г.— стольник. Убит шведами под Новгородом. Бездетный. В 1614 г. его вдова Анастасия получила из его поместья 410 четвертей в Алатырском уезде. 25

№ отца

39. Никита Евстафьевич. 1611—1612 гг.— в ополчении кн. Д. Трубецкого под Москвой. В июне 1614 г. взят в плен под Новгородом шведами. 1625—1627 гг.— воевода в Сургуте. 1629—1631 гг.— у городового дела в Вязьме. 1635 г.— стряпчий. 1642 г.— на службе в Москве, голова в объездах. Умер до 1649 г.
Жена — с 1621 г. княгиня Анна Петровна Збарецкая (дочь кн. Петра Ивановича). Приданая вотчина в Костроме. 25
40. Анна Евстафьевна, за Петром Ресиным. 25
41. N Евстафьевна, за думным дворянином Василием Борисовичем Сукиным (умер в 1613 г.). 25
42. N Евстафьевна, за князем Андреем Дмитриевичем Хилковым, сыном боярина Дмитрия Ивановича. 25
43. Афанасий Иванович. 1598 г.— в чине стряпчего на Земском соборе, избравшем на царство Бориса Годунова. В том же году поддатень у рынды в походе царя Бориса к Серпухову. Убит в 1605 г. под Кромами в боях с Лжедмитрием. Бездетный. 26
44. Иван Иванович. 1611 г.— стольник. 1615 г.— рында при приеме английского посольства. 1616 г.— воевода в Михайлове. 1617 г.— послан в Ярославль собрать и привести в Москву служилых людей. 1619—1622 гг.— воевода на Верхотурье. 1628—1632 гг.— воевода в полках в Туле. 26
45. Борис Иванович. 1611 г.— стольник, в посольстве боярского правительства в Смоленск к королю Сигизмунду. Задержан поляками и возвратился из плена с Филаретом Никитичем и другими пленниками в 1619 г. 1630—1636 гг.— ведал Разбойный приказ. 1632—1633 гг.— в посольстве в Швецию. 1636—1640 гг.— воевода в Мангазее. 1641 г.— в Яблонове. 1642—1648 гг.— вторично ведал Разбойный приказ. В 1646 г. пожалован в окольничие. 1649 г.— посол в Стокгольм к королеве Христине. 1652—1656 гг.— воевода на Двине. Умер в 1659 г. 26

№ отца

46. Федор Иванович. 1611 г.— стряпчий с платьем. 1613 г.— на Земском соборе для избрания царя. 1616 г.— стольник. Бездетный. 26
47. Михаил Никитич. 1598 г.— жилец на Земском соборе, избравшем на царство Бориса Годунова. 1604 г.— жилец, оклад из Галицкой чети 6 рублей. Бездетный. 27
48. Иван Никитич Лайко. 1611 г.— стряпчий. 1617 г.— стольник. 1619 г.— воевода на Верхотурье. 1623—1625 гг.— в Мангазее, 1632 г.— в Кайгородке, 1636—1637 гг.— в Алатыре, 1643—1647 гг.— в Казани. 1649—1652 гг.—в Пелыме. 1642 г.— участник Земского собора. В 1657 г. его вдова Евдокия вышла замуж за Василия Петровича Безобразова. 27
49. Данило Никитич. Убит при неизвестных обстоятельствах. Бездетный. 27
50. Василий Никитич Ус. 1627 г.— воевода сторожевого полка в Пронске. 1636—1637 гг.— воевода в Чебоксарах. 1642 г.— в Веневе. 1644—1649 гг.— воевода в Якутском остроге на р. Лене, где и умер на службе. Бездетный.
Первая жена — Анна Григорьевна Ржевская.
Вторая жена — Евдокия, овдовевши, вышла замуж за князя Ивана Ромодановского. 27
51. Дмитрий Иванович. 1619 г.— жилец. Умер до 1633 г. бездетным.
Жена — Марья. 29
52. Екатерина Ивановна. Умерла в 1669 г. Была за боярином князем Алексеем Никитичем Трубецким. 29
53. Борис Григорьевич Безногий Сулемшин. 1611 г.— стольник. 1621—1622 гг.— воевода во Мценске. 1632 г.— воевода в полках в Туле. 1639—1641 гг.— воевода в Вязьме. 30
54. Иван Григорьевич Сулемшин. 1611 г.— стряпчий. 1627 г. — дворянин. Умер в 1634 г.
Жена — Евдокия Петровна Мансурова. Умерла в 1647 г. 30

№ отца

55. Григорий Гаврилович Косой. 1625 г.— стольник. 1630 г.— воевода сторожевого полка в Пронске. В 1632 г. в Путивле на польском межевании границ. В 1634—1635 гг. и 1639—1641 гг. там же воевода. В октябре 1644 г. думный дворянин в посольстве в Польшу. С 8 августа 1645 г.— окольничий. Январь 1645 — март 1646 г.— ведал Челобитный приказ. 1646 г.— в полномочном посольстве в Швецию и 15 августа пожалован в бояре. 30 января 1647 г. пожалован званием оружничего. Январь 1647 — июль 1654 г. ведал Оружейный и Ствольный приказы и Золотую и Серебряную палаты. В 1650 г. ведал Рейтарский приказ, а в 1649—1654 гг.— Костромскую четь. 1650 г.— вторично в посольстве в Польшу. Умер в 1656 г. бездетным.
Жена — Ульяна Осиповна Грязная, внучка Григория Борисовича, двоюродного брата известного опричника Васюка Григорьевича Грязного. 32
56. Степан Гаврилович. 1627 г.— стольник. 1643—1644 гг.— воевода в Рыльске. 1646 г.— в Одоеве. 25 декабря 1648 г. пожалован в окольничие. 29 ноября 1649 г. назначен в посольство в Польшу. Октябрь 1650 — август 1651 г.— ведал Челобитный приказ и был в Москве при приеме польских послов. 1653—1654 гг.— воевода в Путивле, 1655 г.— в Смоленске. Умер 24 мая 1656 г. Жена — Елена Даниловна. 32
57. Марья Гавриловна. Умерла девицей 22 июня 1625 г. 32
58. Федор Федорович Сухорук. 1612 г.— в подмосковном ополчении кн. Д. Трубецкого и Д. Пожарского. 1618 г.— в Москве «в осадном сиденье». 1626—1633 гг.— в больших московских дворянах. 1639 г.— у Лихвинских засек. 1641 г.— воевода в полках в Туле. 1645 г.— описывал и межевал Хотмыжск. 1652—1653 гг.— воевода в Чугуеве.
Жена — с 1628 г. Анна Ивановна Давыдова-

Ульянова. Приданая вотчина в Коломне на р. Тре, селения Давыдово и Ульяново (существуют ныне). В 1578 г. эти селения были за ее дедом Алексеем Григорьевичем Давыдовым. 34

59. Иван Федорович. В 1612 г. с братом Федором за службу в подмосковном ополчении кн. Д. Трубецкого и Д. Пожарского получил из поместья в вотчину деревню Еболдино, «что было за бортниками». 1614 г.— взят в плен под Новгородом шведами и умер в плену без потомства. 34

60. Прасковья Федоровна. В первом браке за дьяком Филимоном Михайловичем Озеровым (1606—1615 гг.), а во втором браке за князем Андреем Федоровичем Шаховским. Приданая вотчина в Можайске. 34

61. Дарья Федоровна, за Кузьмой Алексеевичем Шапиловым. Приданая вотчина в Рузе. 34

62. Григорий Тимофеевич. Убит под Москвой в Смутное время. Бездетный. 35

63. Воин-Иван Тимофеевич. 1622 г.— дворянин. 1629—1631 гг.— воевода в Березове. 15 февраля 1636 г. получил наказ на воеводство в Брянске, где и умер 19 сентября того же года.
Жена — Варвара. 35

64. Петр Тимофеевич Черной (Толстой). 1610 г.— жилец. 1619 г.— дворянин. 1624 г.— воевода сторожевого полка в Пронске. 1625—1628 гг.— воевода в Тюмени. 1633 г.— сотенная голова в Москве, на случай осады. Умер около 1634 г.
Жена — Елена Григорьевна Сунбулова. Приданая вотчина с. Екимовское (Мокеево) в Около городном стану Рязанского уезда. 35

65. Федор Тимофеевич. 1625 г.— дворянин. 1627 г.— стольник. 1630 г.— воевода в Каргополе. 1630—1634 гг.— воевода в Севске. 1638—1639 гг.— воевода в Торопце. 1641—1642 гг.— в Хотмыжске.
Жена — Марья. 35

66. Ирина Тимофеевна. Умерла девицей до 1629 г.

№ отца

За ней с сестрой прожиточное поместье в Алексине. 35

67. Василиса Тимофеевна. Умерла до 1629 г. 35

XV колено

68. Петр Михайлович Желтоух. 1639 г.— стольник. 1648 г.— воевода во Мценске. 1651 г.— в Рязани, 1653—1654 гг.— в Козлове. 1656 г.— на Олонце. 1656—1657 гг.— полковой воевода в Кореле. 1659 г.— у засек в Рязанском уезде, а затем судья в Московском судном приказе. 1660 г.— воевода у засек в Туле. 1674—1675 гг.— судья Владимирского судного приказа. В ноябре 1684 г. погребен в Чудовом монастыре.
Жена — Марфа Федоровна Мякинина (дочь Федора Михайловича). За отсутствием прямых наследников все его вотчины по государеву указу отданы ближайшему боковому родственнику — Никите Борисовичу (№ 72). Вотчины: с. Александрово в Московском уезде, с. Тагино — в Орловском, с. Исупово — в Костромском и с. Карамышево — в Бежецком, всего 1618 четвертей, 521 двор. 37

69. Иван Никитич. 1664 г.— дворянин. Вотчина в Костроме. Бездетный. 39

70. Татьяна Никитична, за Семеном Ивановичем Сабуровым. 39

71. Аграфена Ивановна, за Андреем Львовичем Плещеевым. 44

72. Никита Борисович. Родился 8 сентября 1620 г. Умер 18 января 1715 г. и погребен в Донском монастыре. В монашестве Нифонт (в Троицком монастыре). 1658—1696 гг.— стольник. Ему достались, как выморочные, вотчины Петра Михайловича (№ 68) и Ивана Никитича (№ 69). Как старший представитель рода, Никита Борисович в 1687 г. подал в Родословную палату роспись, в которой не признал своими однородцами новгородских Пушкиных. Последние жаловались, что Никита Борисович «горд с нами, надеялся на свое великое богатство и велеро-

№ отца

чие разумов своих и на мочь свою». Указом 22 июля 1687 г. было велено вписать их род в новую родословную книгу, но Палата родословных дел не исполнила указа, и в Бархатной книге новгородские Пушкины не записаны.

Жена — Прасковья Михайловна Зыкова. Вторая (?) жена (около 1674 г.) — Акулина Григорьевна Кологривова. Умерла в 1739 г. 45

73. Андрей Иванович Коробок. 1658 г.— стольник. Бездетный.

Жена — с 1652 г. Прасковья Дементьевна Кафтырева. Умерла 2 марта 1719 г. (Сергей Иванович Милославский приходился ей сводным братом). 48

74. Евдокия Ивановна. 48

75. Марья Васильевна. От второго брака отца. С 1673 г. за окольничим, позже боярином князем Владимиром Дмитриевичем Долгоруковым. Умерла 12 июля 1701 г. 50

76. Евдокия Дмитриевна. В 1633 г. получила с матерью прожиточное поместье. 51

77. Иван Борисович. 1658—1666 гг.— стольник.

Первая жена — дочь Ивана Полозова. По какому-то делу в 1675 г. с братом и сестрами сослана в деревню, а их вотчины отписаны на государя.

Вторая жена — Мавра Михайловна Еропкина. 53

78. Дарья Борисовна, вторая жена стольника князя Федора Никитича Борятинского. 53

79. Федор Иванович. 1630 г.— воевода в Михайлове. Умер бездетным до 1643 г. 54

80. Ирина Ивановна. В первом браке с 1643 г. за стольником Семеном Семеновичем Коробьиным. (Умер 9 января 1652 г.) Во втором браке за Иваном Федоровичем Бутурлиным. Умерла в 1672 г. 54

81. Евфимья Ивановна. С 1648 г. за стольником Иваном Ивановичем Колычевым. Умерла в 1651 г. 54

82. Матвей Степанович. Сентябрь 1649 г.— стольник в полномочном посольстве в Поль-

шу. В ближайшие следующие годы — при царе и на приемах послов разных государств. В 1656 г. — сопровождал царя в Полоцком походе и под Смоленск. 1659 г. — послан в Быхов к воеводам в полки с наградными золотыми. 1672—1675 гг. — воевода в Смоленске. 1674 г., апрель, — окольничий, а в 1675 г. посол в Польшу, а затем воевода в Киеве. Май—октябрь 1677 г. — ведал челобитный приказ. 1679 г. — воевода в Астрахани. Май 1682 г. — ведал Разбойный и Сыскной приказы. 1683 г. — боярин и воевода в Смоленске, а в 1684 г. — в Киеве. Январь 1685 — сентябрь 1687 гг. — ведал Владимирский судный приказ. 1690 г. — боярин в Расправной палате. В марте 1697 г. лишен боярства и всех вотчин и сослан с внуком Федором на вечную службу в Енисейск, где и умер 6 апреля 1698 г.

Первая жена — Прасковья Тимофеевна Лодыгина. Умерла в 1684 г.

Вторая жена — княгиня Анна Степановна Долгорукова. Умерла в 1715 г.

По переписи 1678 г. за ним числилось в Московском уезде 25 дворов, в Шацком — 39, в Угличе — 194, в Суздале — 300, в Вязьме — 66, в Дмитрове — 6 и в Арзамасе — 75, всего 705 дворов. 56

83. Яков Степанович. 1675 г. — стольник. В конце 1686 г. пожалован в окольничие. 1691 г. — боярин. 24 марта 1697 г. государь «указал быти на Белеозере у строения Кирилова монастыря боярину Якову Степановичю Пушкину. А без указу великого государя к Москве ему от того дела не ездить; и с Москвы к тому делу ехать ему вскоре». В сентябре того же года государь указал боярину Якову Степановичу «с Белаозера ехать в касимовскую свою деревню и быть ему в той деревне до своего, великого государя, указу, а из той деревни к Москве и в иные свои деревни ему не ездить». Умер около 1699 г.

№ отца

Первая жена — с 1673 г. княгиня Екатерина (Ульяна) Васильевна Львова. Умерла 27 июля 1685 г.

Вторая жена — с 1685 г. Фекла Ивановна Мартюхина.

Третья жена — Евдокия Ивановна Ленина (овдовев, вышла в 1700 г. замуж за стольника князя Авраама Никитича Приимкова-Ростовского). 56

84. Дарья Степановна. С 1656 г.— жена (вторая) Никиты Ивановича Шереметева. Умерла в 1663 г. 56

85. Ирина Степановна. В 1700 г. девица. 56

86. Иван Федорович Шиш. 10 декабря 1646 г. пожалован из жильцов в стряпчие. 1650 г.— стольник. 1674—1676 гг.— воевода в Тобольске. 1677—1678 гг.— в Верхотурье. 1682 г.— окольничий, 1684 г.— воевода в Терках. Умер после 1715 г.

Жена — Евфимья Федоровна Полибина. 58

87. Ирина (Анастасия) Федоровна, с 1641 г. жена боярина князя Ивана Андреевича Тараруя Хованского, главы мятежных стрельцов, казненного 17 сентября 1682 г. 58

88. Никита Воинович. 1633 г.— стольник. 1650 г.— на службе в Швеции, 1651 г.— воевода в Козлове. Умер бездетным до 1656 г.

Жена — княгиня Анастасия Михайловна Борятинская (во втором браке за стольником Даниилом Семеновичем Яковлевым). 63

89. Прасковья Воиновна, за князем Петром Бараевичем Кутумовым. 63

90. N Воиновна, за князем Дмитрием Михайловичем Борятинским. 63

91. Петр Петрович. 1645 г.— рында, 1647 г.— стольник. 1659—1660 гг.— воевода у засек в Туле. Умер и погребен в 1661 г. в Варсонофьевском монастыре в Москве.

Первая жена — Пелагея Федоровна Фефилатьева.

Вторая жена — Анастасия Афанасьевна Желябужская. На много лет пережила мужа, и в 1675 г. за внебрачное сожитель-

№ отца

ство с родным дядей, князем Иваном Петровичем Козловским по указу государя послана для смиренья под начало в Страстной монастырь. 64

92. Татьяна Федоровна. В первом браке с 18 декабря 1653 г. за стольником князем Михаилом Семеновичем Прозоровским (умер в 1670 г.). Во втором браке с 12 июля 1676 г. за стольником князем Матвеем Венедиктовичем Оболенским (умер в 1688 г. окольничим). 65

XVI колено

93. Михаил Петрович. 1679 г.— стольник. Умер бездетным в декабре 1683 г. и погребен в Чудове монастыре.
Жена — Анисья. 68

94. Афанасий Никитич. Родился в 1675 г. 1688 г.— стольник. За пьянство, «непокорство» отцу и за побои, нанесенные отцу и жене, сослан по указу государей в 1692 г. в Нилову пустынь Столбенского монастыря (в Новгороде), где и умер в 1694 г., не оставив потомства.
Жена — Стефанида Емельяновна Украинцева, дочь думного дьяка и дипломата Емельяна Игнатьевича Украинцева. В 1695 г. вышла замуж за князя Андрея Федоровича Шаховского. 72

95. Софья Никитична. С 29 октября 1707 г. жена графа Николая Федоровича Головина, президента Адмиралтейств-коллегии и адмирала (1695—1745). 72

96. Екатерина Андреевна, за Иваном Ивановичем Вердеревским. 73

97. Прасковья Ивановна. Умерла в 1726 г. С 1675 г. за стольником князем Семеном Федоровичем Борятинским (умер в 1722 г.). 77

98. Анна Ивановна. Умерла в 1724 г. За стольником, а с 1685 г. за окольничим Иваном Алексеевичем Головиным. (Умер в 1701 г.). 77

99. Федор Матвеевич. 1675 г.— жилец, 1676 г.— стольник. За участие в заговоре Алексея Прокофьевича Соковнина и полковника Ивана Елисеевича Цыклера на жизнь Петра I

№ отца

казнен (обезглавлен) 4 марта 1697 г. К нему относятся строки «Моей родословной» А. С. Пушкина:

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.

Первая жена — Анисья.
Вторая жена — Пелагея Алексеевна Соковнина, дочь казненного окольничего Алексея Прокофьевича Соковнина. В 1718 г. получила из конфискованных вотчин мужа то, что не было еще роздано. 82

100. Мария Яковлевна. 83

101. Ирина Яковлевна. В первом браке (с 1700 г.) за стольником князем Петром Ивановичем Шаховским (умер в 1706 г.), во втором браке (с 1714 г.) за полковником князем Петром Федоровичем Мещерским, в третьем браке (с 1716 г.) за стольником Иваном Ивановичем Цыклером, сыном казненного в 1697 г. Ивана Цыклера. 83

102. Иван Иванович. 1680—1715 гг.— стольник. В 1693 г. сопровождал Петра I в Архангельск. 1703 г.— капитан Тверского пехотного полка. 8 марта 1718 г. написал перед смертью духовную грамоту. Бездетный. 86

103. Федор Иванович. 1690—1696 гг.— стольник. Бездетный. 86

104. Федор Петрович. Родился в 1641 г. 1671 г.— жилец. 1675 г.— стряпчий. 1678 г.— стольник. В 1673 г. с братом Петром получил от дяди Никиты Воиновича (№ 88) деревню Манухино, в Сетунском стану под Москвой. Умер в 1728 г.
Жена — Стефанида Григорьевна Кобякова. Умерла в 1719 г. 91

105. Петр Петрович. От второй жены отца. Родился в 1644 г. 1671 г.— стряпчий, 1677 г.— стольник. Декабрь 1675 г.— май 1679 г.— второй судья во Владимирском судном приказе. 1673 г. и 1681 и 1689 г.— в Крымских

№ отца

походах. 1682 г.— на Земском соборе об отмене местничества. 1683 г.— судья по земельным делам и межевщик в Московском уезде. Умер 12 февраля 1692 г. и погребен в соборе Вознесенья в Москве.
Жена — с 1680 г.— Федосья Юрьевна Есипова. 91

106. Лев-Федор Петрович. 1702 г.— стольник. 1712 г.— в начальных людях. В 1702 г. у него двор в Москве, в приходе Вознесенья. Бездетный. 91

107. Василиса Петровна. От второй жены отца. С 1683 г. за стольником Степаном Афанасьевичем Собакиным. 91

XVII колено

108. Федор Федорович. «Малоумен». 1697 г.— сослан после казни отца в Енисейск, и велено ему с дедом служить по Енисейску.
Жена — княгиня Федосья Андреевна Прозоровская. 99

109. Екатерина Федоровна. В первом браке — за Грибоедовым, а во втором браке — за бригадиром Иваном Григорьевичем Безобразовым. 99

110. Елена Федоровна. Вторая жена стольника князя Петра Дмитриевича Щербатова (умер в 1724 г.) Его первой женой была Анна Федоровна Соковнина, двоюродная сестра жены Федора Матвеевича Пушкина, казненного в в 1697 г. 99

111. Прасковья Федоровна. За поручиком Александром Петровичем Дорошенко, сыном бывшего гетмана Малороссии Петра Дорофеевича Дорошенко. П. Д. Дорошенко в 1684 г. получил в вотчину дворцовую волость Ярополец в Волоколамском уезде. Его дочь Екатерина была замужем за Александром Артемьевичем Загряжским, дедом Натальи Ивановны Загряжской, вышедшей замуж за Николая Афанасьевича Гончарова и бывшей матерью Натальи Николаевны, жены А. С. Пушкина. 99

№ отца

112. Евдокия Федоровна, за Иваном Герасимовичем Боборыкиным. 99

113. Акулина Федоровна, с 1717 г. жена иноземного капитана Готгарда Генриха фон Гаррака. 99

114. Федор Федорович. Упоминается в 1714 г. при родителях в селе Мокеево Михайловского уезда. 104

115. Пелагея Федоровна, за поручиком Василием Петровичем Измайловым (умерла до 1728 г.). 104

116. Прасковья Федоровна, за прапорщиком Сергеем Тихоновичем Лихачевым. 104

117. Марья Федоровна. В первом браке за подполковником Иваном Адриановичем Масловым. Во втором браке за лейб-гвардии капитан-поручиком князем Федором Петровичем Солнцевым-Засекиным. 104

118. Иван Петрович. Родился до 1686 г. 105

119. Леонтий (Лев) Петрович. 1697 г.— жилец. Умер до 1759 г. 105

120. Илья Петрович. Родился в 1686 г. Умер до 1744 г. 1704 г.— солдат лейб-гвардии Преображенского полка. Был в боях у Нарвы и Митавы. 1709 г.— подпоручик Ростовского пехотного полка, в боях под Головчином, Полтавой и под Ригой. 1710 г.— капитан-поручик, под Перновом и Ревелем. 1711 г.— «на Турецкой акции». 1712 г.— капитан. 1713 г.— в Голштинии под Тененгом, в Померании и под Штеттином — в шанцах. 1715 г.— в кампании в море, 1716 г.— то же под Копенгагеном.
Жена — Прасковья Васильевна Братцева (дочь помещика Волоколамского уезда) Умерла до 1744 г. 105

121. Александр Петрович. Родился после 1686 г. 1718 г.— солдат лейб-гвардии Преображенского полка. 1722 г.— сержант и каптенармус. А. С. Пушкин в черновых набросках родословной писал, что, по семейным преданиям, его прадед в припадке ревности или сумасшествия зарезал свою жену, находившуюся в родах. За убийство жены Александр Пет-

№ отца

рович был под судом и умер в тюрьме в 1725 г. 1713 г.— с братьями Ильей и Федором делил имения отца. В 1718 г. по завещанию дяди Ивана Ивановича (№ 102) получил все родовые вотчины.
Жена — Евдокия Ивановна Головина, дочь любимого денщика Петра I — Ивана Михайловича, впоследствии генерал-кригс-комиссара и адмирала (умер в 1738 г.) 105

122. Федор Петрович. Стольник. Ранен в Прутском походе (1711 г.) и уволен в отставку. Умер в 1727 г. Прапрадед А. С. Пушкина со стороны его матери Надежды Осиповны Ганнибал.
Жена — Ксения Ивановна Корепева. 105

123. Аграфена Петровна. С 1693 г. за князем Иваном Ивановичем Безобразовым (1685—1717 гг. стольник). 105

XVIII колено

124. Иван Ильич. 1729 г.— солдат Симбирского пехотного полка. Поместье в Крапивне. Умер до 1758 г. 120

125. Лев Александрович. Родился 17 февраля 1723 г. Умер 25 октября 1790 г. Погребен в старом соборе Донского монастыря. 1739 г.— капрал. 1741 г.— сержант. 1747 г.— штык-юнкер. 1749 г.— подпоручик. 1754 г.— капитан. 1759 г.— майор. 17 августа 1759 г. по болезни отпущен на год. Как верный присяге сторонник императора Петра III при перевороте 1762 г. заключен в крепость. 23 сентября 1763 г. уволен в отставку в чине подполковника артиллерии. Унаследовал имения отца, и в 1761 г. за ним было 1400 душ.
Первая жена — Марья Матвеевна Воейкова (дочь Матвея Федоровича), умерла в домашней тюрьме. От нее три сына.
Вторая жена — Ольга Васильевна Чичерина. Родилась 5 июня 1737 г. Умерла 22 января 1802 г. Дочь полтавского коменданта Василия Ивановича Чичерина и его жены Лукерьи Васильевны Приклонской. От нее два сына и две дочери. 121

№ отца

126. Давид Александрович. Умер малолетним. 121

127. Марья Александровна Большая. Умерла в 1728 г. 121

128. Марья Александровна Меньшая. Родилась в 1725 г. С мая 1741 г. за капитаном Алексеем Михайловичем Ушаковым. 121

129. Алексей Федорович. Родился в 1717 г. В 1730 г. паж царевны Прасковьи Ивановны. 1732—1738 гг.— в Шляхетском кадетском корпусе, из которого выпущен прапорщиком в Тверской драгунский полк. В 1737—1739 гг.— в Турецкой кампании. 1746 г.— вышел в отставку, в чине капитана. Умер в 1777 г. Жена — с 1742 г. Сарра Юрьевна Ржевская (дочь коломенского помещика Юрия Алексеевича). 122

XIX колено

130. Николай Львович. Родился 7 апреля 1745 г. Умер 25 сентября 1821 г. Бездетный. 1755 г.— капрал. 1758 г.— ученик артиллерийской школы, сержант. 1760 г.— штык-юнкер. 1765 г.— подпоручик. 1773 г.— поручик. 1773 г.— капитан. 1781 г.— майор. 1786 г.— подполковник артиллерии.
Жена — Анна Васильевна Измайлова (1754—1827). Сестра писателя Владимира Васильевича. 125

131. Петр Львович (13 января 1751 — 15 мая 1825). Бездетный. Погребен в Болдине. 1765 г.— кадет артиллерийского корпуса. 1771 г.— штык-юнкер. 1773 г.— подпоручик. 1778 г.— поручик. 1783 г.— квартирмейстер. 1785 г.— капитан. 1793 г.— майор. 1795 г.— подполковник артиллерии в отставке.
Жена — Казинская. 125

132. Александр Львович. Родился в 1757 г. Умер после 1796 г. Бездетный. 1765 г.— кадет артиллерийского корпуса. 1771 г.— штык-юнкер. 1773 г.— подпоручик. 1778 г.— поручик. 1783 г.— квартирмейстер. 1785 г.— капитан. По разделу с матерью и братом

№ отца

Василием Львовичем получил в Болдине 2114 душ. 125

133. Василий Львович. От второй жены отца. (27 апреля 1767 — 20 августа 1830). Бездетный. Погребен в Донском монастыре. 1777 г.— сержант лейб-гвардии Измайловского полка. 1791 г.— прапорщик. 1799 г.— подпоручик в отставке. 1801 г.— коллежский асессор. Известный в свое время стихотворец и каламбурист.
Жена — Капитолина Михайловна Вышеславцева, славившаяся своей красотой. В 1806 г. развелась с мужем, обвинивши его в неверности, и вышла замуж за секунд-майора Ивана Акимовича Мальцева. 125

134. Сергей Львович. От второй жены отца. (23 мая 1770 — 29 июля 1848). Погребен в Святогорском монастыре. 1777 г.— сержант лейб-гвардии Измайловского полка. 1791 г.— прапорщик. 1797 г.— капитан-поручик лейб-егерского батальона. 1798 г.— майор в отставке. 1800 г.— в Комиссариатском штате. 1811 г.— военный советник. 1814 г.— начальник Комиссариатской комиссии резервной армии в Варшаве. 1817 г.— статский советник в отставке.
Жена — с ноября 1795 г. Надежда Осиповна Ганнибал, дочь Осипа Абрамовича Ганнибала и его жены Марьи Алексеевны Пушкиной (см. № 141). (1775—1836). Приданая вотчина — сельцо Михайловское Опочецкого уезда. Погребена в Святогорском монастыре. 125

135. Анна Львовна (20 марта 1769 — 14 октября 1824). Девица. Погребена в Донском монастыре. 125

136. Елизавета Львовна (13 августа 1776 — 27 сентября 1848). Погребена в Донском монастыре. Замужем с 1803 г. за переводчиком Коллегии иностранных дел, камергером Матвеем Михайловичем Солнцевым (1779—1847). 125

137. Юрий Алексеевич (1745 — 9 сентября 1793). 1760 г.— лейб-гвардии капрал.

1763 г.—вахмистр, а затем армейский поручик. 1765 г.— ротмистр. 1771 г.— секунд-майор Рижского карабинерского полка. 1779 г.— премьер-майор. 1788 г.— подполковник. Указ о производстве в полковники и о назначении комендантом Никитской крепости получен после его смерти.
Жена — Надежда Герасимовна Рахманинова, сестра переводчика и почитателя Вольтера. 129

138. Михаил Алексеевич (1745—1793). 1759 г.— капрал конной гвардии. 1763 г.— вахмистр, поручик. 1768 г.— ротмистр. 1776 г.— подполковник Кирасирского полка. 1784 г.— статский советник. 1792 г.— председатель Палаты уголовного суда в Петербурге. Был опекуном своей племянницы Надежды Осиповны Ганнибал, матери А. С. Пушкина.
Жена — Анна Андреевна Машукова. 129

139. Надежда Алексеевна. За надворным советником Алексеем Михайловичем Овцыным. 129

140. Екатерина Алексеевна. Умерла в 1841 г. девицей. 129

141. Марья Алексеевна (20 января 1745—27 июня 1818). С 1773 г. жена капитана морской артиллерии Осипа Абрамовича Ганнибала. Их единственная дочь Надежда Осиповна Ганнибал вышла замуж за Сергея Львовича (№ 134) и стала матерью А. С. Пушкина. 129

XX колено

142. Александр Сергеевич. Родился 26 мая (старого стиля) 1799 г. в Москве. Умер 29 января 1837 г. в Петербурге от смертельной раны, полученной 27 января на дуэли с кавалергардом Ж. Дантесом. Погребен на кладбище Святогорского монастыря (Псковской губернии).
1811—1817 гг.— в Царскосельском Александровском лицее. 13 июня 1817 г. выпущен из Лицея и в чине коллежского секретаря определен в ведомство Коллегии иностранных дел. С мая 1820 г. отправлен на службу — в Крым, Кишинев и Одессу. 8 июля 1824 г.

№ отца

уволен от службы без награждения чином и отправлен на жительство под надзором местного начальства в с. Михайловское Опочецкого уезда Псковской губернии (имение родителей). В сентябре 1826 г. освобожден из ссылки и поселился в Москве. 14 ноября 1831 г. определен на службу в Государственную коллегию иностранных дел в прежнем чине, а 6 декабря того же года пожалован в титулярные советники. 31 декабря 1833 г. пожалован в звание камер-юнкера. 26 февраля 1836 г. командирован в Московский Главный архив для служебных занятий. Жена — с 18 февраля 1831 г. Наталья Николаевна Гончарова. Родилась 27 августа 1812 г. Умерла 26 ноября 1863 г. и погребена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге. Во втором браке с 16 июля 1844 г. за генерал-адъютантом Петром Петровичем Ланским (1799—1877). 134

143. Николай Сергеевич (26 марта 1801—30 июля 1807). Погребен в с. Вяземах Звенигородского уезда. 134

144. Лев Сергеевич. Родился 17 апреля 1805 г. Умер 19 июля 1852 г. в Одессе. 1817 г.— исключен из Благородного пансиона при Главном педагогическом институте. 1824 г.— в Департаменте духовных дел иностранных вероисповеданий. 1827 г.— юнкер Нижегородского драгунского полка. 1831 г.— штабс-капитан Финляндского драгунского полка. 1832 г.— капитан в отставке. 1836 г.— в Гребенском казачестве. 1838 г.— капитан. 1840 г.— майор Ставропольского казачества. 1842 г.— по прошению в отставке. 1843—1848 гг.— в таможенном ведомстве, в Петербурге и в Одессе.
Жена — Елизавета Александровна Загряжская (1823—1898). 134

145. Павел Сергеевич. Умер младенцем. 134

146. Михаил Сергеевич. Умер младенцем. 134

147. Платон Сергеевич. (14 ноября 1817 — 16 июля 1819). Погребен в Святогорском монастыре. 134

№ отца

148. Софья Сергеевна. Умерла в младенчестве. 134

149. Ольга Сергеевна (20 декабря 1797 — 2 мая 1868). Погребена в Петербурге в Новодевичьем монастыре. С 27 января 1828 г. за Николаем Ивановичем Павлищевым, впоследствии тайным советником. 134

150. Александр Юрьевич (3 июля 1777 — 7 января 1854). 1785 — в Шляхетском корпусе. 1797 г.— прапорщик Астраханского полка. 1806—1808 гг.— в Московском почтамте. 1842—1847 гг.— судья Костромского совестного суда. Писатель.
Жена — с 1807 г. Александра Илларионовна Молчанова. (Умерла 20 мая 1824 г.) 137

151. Михаил Юрьевич. Родился 1787 (?) г. Умер холостым до 1827 г. 1805 г.— унтер-офицер. 1807 г.— прапорщик. 1812 г.— поручик Тамбовского пехотного полка. 1814 г.— в Чугуевском уланском полку. 1816 г.— за ранами уволен в отставку штабс-капитаном. 137

152. Анастасия Юрьевна. За подполковником Митрофаном Саввичем Сеченовым. 137

153. Анна Юрьевна. Умерла до 1832 г. За подпоручиком Петербургского гренадерского полка Антоном Станиславовичем Станкером. 137

154. Екатерина Юрьевна (1797 — 13 апреля 1842). 137

155. Алексей Михайлович. Родился в 1793 г. Умер холостым в октябре 1821 г. 1809г.— выпущен из Пажеского корпуса поручиком. 1812—1815 гг.— участвовал в 13 сражениях. 1816 г.— штабс-капитан в отставке. 1816—1819 гг.— преподаватель военных наук в пансионе при Главном педагогическом институте и в Горном Кадетском корпусе. 1820 г.— профессор военных наук в Царскосельском лицее. 138

156. Александр Александрович (6 июля 1833 — 19 июля 1914). 1851 г.— камер-паж, а затем корнет лейб-гвардии Конного полка. 1861 г. — полковник в отставке. 1877 г.— командир гусарского Нарвского полка в войне с Турцией. 1878 г.— награжден золотым оружием за храбрость. 1880 г.— командир 13-й кавалерийской дивизии. 1890 г.— генерал-лейтенант. 1891 г.— в отставке. 1895 г.— тайный советник, почетный опекун. В 1865 г. у него с братом Григорием в Болдине 1145 десятин и в Сергачском уезде — 450 десятин.
Первая жена — с 1858 г. Софья Александровна Ланская (1836—1875).
Вторая жена — Марья Александровна Павлова (1852—1919). 142
157. Григорий Александрович. Родился 14 мая 1835 г. Умер бездетным 5 августа 1905 г. В 1853 г.— камер-паж, а затем корнет лейб-гвардии Конного полка. 1860 г.— ротмистр. 1864 г.— подполковник при министре внутренних дел. 1895 г.— статский советник в отставке.
Жена — с 1883 г. Варвара Алексеевна Мельникова (вдова Василия Мошкова). 142
158. Марья Александровна (19 мая 1832 — 22февраля 1919) С 1852 г. фрейлина. С 1860 г. за майором Леонидом Николаевичем Гартунгом (застрелился в 1877 г.). 142
159. Наталья Александровна (23 мая 1836 — 10 марта 1913). В первом браке с 1853 г. за полковником Михаилом Леонтьевичем Дубельтом. В 1868 г. развелась и вышла замуж за принца Николая-Вильгельма Нассауского и получила фамилию графини Меренберг. 142
160. Анатолий Львович (17 марта 1846 — 24 марта 1903). Погребен в Болдине.
Жена — с 1868 г. Ольга Александровна Александрова. 144
161. Ольга Львовна (1844—1923).В первом браке за Яковом Григорьевичем Хоботовым. Во втором браке за Константином Францевичем Оборским. В 1902 г. постриглась в Алексеевском Арзамасском монастыре. 144

№ отца

162. Софья Львовна (1847—1848).	144
163. Мария Львовна (1849—1928). С 1871 г. за агрономом Иваном Васильевичем Нейкирхом.	144
164. Николай Александрович (1813—1852). 1847 г.— поручик в отставке. Бездетный. Жена — Екатерина Дмитриевна Шелехова.	150
165. Лев Александрович (1816—1888). 1838 г.— унтер-офицер гусарского полка. 1839 г.— корнет. 1845 г.— штабс-ротмистр в отставке. 1859 г.— Кинешемский уездный предводитель дворянства. Жена — Елизавета Григорьевна Текутьева (1825—1907).	150
166. Мария Александровна (1819—1860). За князем Иваном Дмитриевичем Козловским.	150

Дополнение

Род Ратши

Род Ратши, бесспорно, один из самых интересных и значительных боярских родов. Бархатная книга, вообще отвергающая недостоверные легенды частных родословий, так говорит о начале рода: «Из Немец пришел Ратша, а у Ратши сын Якун. А у Якуна сын Алекса. А у Алексы сын Гаврила Алексич. А у Гаврилы дети: Иван Морхиня да Акинф». Частные родословцы, воспроизводя то же родословие, вносят хронологическую несообразность, приурочивая выезд Ратши ко времени великого князя Александра Невского. Некоторые редакции прибавляют, что Акинф подвел тверскую рать под Переяславль на вели-

кого князя Василия (sic!) и был убит Родионом Нестеровичем [1].

Потомки Акинфа, составлявшие в середине XVI в. свои родословия, плохо знали летописи. В них они могли бы узнать и о Гавриле Алексиче, и об Акинфе Великом. В летописях, в описании битвы великого князя Александра Невского с немцами (1241 г.), есть рассказ о подвигах шести витязей, отличившихся в бою. На первом месте среди них — Гаврила Алексич. По родословцам отца Ивана Морхини и Акинфа звали Гаврилой Алексичем. Возникает вопрос, есть ли основания отождествить Гаврилу Алексича родословцев с витязем великого князя Александра. Мне кажется, что мы имеем вполне достаточные основания.

Синодик Горицкого Переяславского монастыря не оставляет сомнения в том, что Акинф Великий летописей по отцу был Гавриловичем *.

С другой стороны, из летописей известна жизненная карьера Акинфа Великого. Акинф был боярином князя Андрея Городецкого, сына великого князя Александра, и служил своему государю до его смерти. Совершенно естественно полагать, что отец Акинфа, Гаврила Алексич, служил отцу князя Андрея. Оба они, то есть Гаврила и Акинф, являются яркими фигурами великокняжеской дружины, в противоположность местным боярам — землевладельцам, служившим обычно

---

* В синодике есть несколько записей «родов» потомков Акинфа. Например, на 21 л. записан род Ивана Андреевича Чулкова: Гаврила, Акинф, Иван, Андрей, Александр (Остей), Тимофей, Василий (Чулок), Андрей и т. д. Как можно видеть, лица записаны непрерывно в нисходящем порядке. В роде Александра Семеновича Упина-Слизнева (л. 30) лица записаны в обратном порядке и запись кончается Акинфом и Гаврилой. Ср. еще на л. 24 об. род Т. Ив. Слизнева [2].

тому князю, который владел городом, где были их вотчины. Эти традиции службы в великокняжеской дружине заметны в поступках не только самого Акинфа, но и его потомков весь XIV в. [2*]

Летописные своды часто производят на нас впечатление бессвязного набора случайных сообщений. Очень нередко это объясняется тем, что мы не умеем понять значение этих сообщений для современности и потому для нас непонятна та ассоциация идей, которой определялся подбор известий. Такими случайными известиями могут показаться сообщение летописей об отъезде Акинфа из Городца в Тверь и «повесть об Акинфе Великом», в которой рассказан его набег на Переяславль. Между тем эти факты теснейшим образом связаны с происходившей в то время борьбой Твери и Москвы за великое княже-

---

[2*] Двигаться в глубь времен дальше и отыскивать предков Гаврилы Алексича в новгородских летописях, как это сделал Петров, представляется рискованной гипотезой, хотя и не лишенной некоторого интереса. Петров в своей «Истории родов русского дворянства» считает возможным связать Гаврилу Алексича с Алексой Михайловичем,— «по реклу же Вячеслав Прокшинич» [3]. Алекса Михайлович, в иночестве Варлаам (позже святой), был основателем Хутынского монастыря и умер в 1193 г. Алексу Михайловича Петров считает сыном Михаила Степановича (Якуна родословцев), который упоминается в летописях в 1176—1206 гг. и был не раз посадником в Великом Новгороде [4]. Наконец, Михаила Степановича Петров полагает возможным считать сыном тиуна князя Всеволода, Ратши (Ратибора), двор которого был разграблен киевлянами в 1146 г. за его насилия (Ипатьевская летопись, под 1146 г.)[5]. Хронологически такое родословие вполне возможно, но является не более как смелой гипотезой. Впрочем, в пользу ее говорит то, что новгородское происхождение рода Ратши весьма вероятно.

ние и перемежаются сообщениями о перипетиях этой борьбы, которая стояла, конечно, в центре внимания летописателей.

В летописях после сообщения о смерти князя Андрея Городецкого (27 июня 1304 г.), не оставившего потомства, непосредственно следует: «...бояринъ же его Акинфъ и съ чады своими и прочии боляре идоша во Тверь ко князю Михаилу Ярославичю, братаничю Александрову»[6]. Смысл этого сообщения станет ясным, если мы учтем последующие события и будем иметь в виду принадлежность Акинфа к боярскому роду, который жил традициями великокняжеского единодержавия и искал выхода из удельного распада Великороссии. Учитывая тогдашнюю политическую обстановку, Акинф и другие бояре князя Андрея решили ориентироваться на Тверь, считая тверского князя наиболее подходящим кандидатом на великое княжение. Приезд Акинфа и других бояр князя Андрея в Тверь увеличивал шансы князя Михаила Ярославича, и в ближайшие годы борьба Твери с Москвой возгорелась с новой силой. В 1304 г. князь Михаил и князь Юрий Данилович Московский «сперлись» о великом княжении и отправились в Орду. «И тогда, усмотривъ си время, бояринъ Тверский, именемъ Акинфъ, хотя сотворити угодное князю своему, приниде со многими воиньствы на великого князя Ивана Даниловича, седящу ему тогда на великомъ княжении во граде Переяславли». Некоторые летописцы еще определеннее говорят о мотивах поведения Акинфа — он хотел «ввеpитися и угодное сотворити князю своему», то есть заслужить доверие и милостей нового господина [7].

Таким образом, Акинф, быть может на свой

страх и риск, сделал попытку захватить, «засесть», как тогда говорили, стольный город великого княжения Переяславль и взять в плен князя Ивана Даниловича. Родословная легенда Квашниных дает несколько интересных и весьма правдоподобных подробностей боя под Переяславлем. Она сообщает, что Переяславль не был подготовлен к обороне и князь Иван Данилович не имел времени собрать ратных людей. Это обстоятельство могло быть для Акинфа лишним стимулом предпринять налет. Однако его расчет не оправдался — князь Иван Данилович сел в осаду,— «къ тому же приспела и Московская рать и бишася зело крепко» [8]. Легенда Квашниных говорит, что на выручку князя Ивана Даниловича пришел их родоначальник — Родион Нестерович «с своим полком» и собственноручно убил в бою Акинфа. По летописям, тверская рать была разбита, сам Акинф и его зять Давид были убиты, а сыновья Акинфа — Иван и Федор бежали в Тверь.

Выезд сыновей Акинфа и других Ратшичей в Москву в 40-х годах XIV в., как и бой под Переяславлем, связаны с борьбой Твери и Москвы. Иван Калита получил в Орде ярлык на великое княжение, но тверские князья продолжали борьбу и потерпели в 1338 г. новое поражение — по приказу хана в Орде были убиты тверские князья Александр и его сын Федор. Иван Данилович использовал это, чтобы нанести Твери глубокое унижение — «въ Твери от святого Спаса взялъ колоколъ въ Москву». К этому времени относится сообщение летописей о том, что *многие* тверские бояре выехали в Москву [9]. Смерть князя Александра и его сына в Орде освобождала от присяги служилых людей, а успех московского

князя привлекал их в Москву. Среди приехавших тверских бояр были и Ратшичи — очевидно, всем родом. Уже в 1339 (6847) г. мы видим на службе в Москве двух представителей рода. Московский великий князь по приказу хана отпустил с Товлубием к Смоленску своих воевод, в том числе Александра Ивановича (сына Ивана Морхини, брата Акинфа) и Федора Акинфовича, одного из Акинфовичей, которому в 1304 г. удалось спастись бегством после боя под Переяславлем. А в 1348 г. мы видим на службе и другого сына Акинфа — Ивана: великий князь Симеон послал его с ратью в Великий Новгород [10].

Выехавшие целым родом Ратшичи заняли на Москве высокое и прочное положение и стали родоначальниками целого ряда крупных исторических фамилий.

Бархатная книга показывает у Александра Ивановича Морхинина пять сыновей и потомство старшего сына — Григория Пушки. Потомства прочих сыновей ни в Бархатной книге, ни в частных родословцах не написано. Это объясняется тем, что оно так захудало, что выбыло из числа «родословных» родов и при составлении Государева родословца в середине XVI в. среди потомков четырех младших братьев Григория Пушки не нашлось никого, кто подал бы родословную роспись. В действительности от них пошли фамилии, затерявшиеся в рядах провинциального дворянства. От Федора Неведомицы пошли Неведомицыны, от Давида Казарина — Гавриловы, от Владимира Холопища, который в родословцах показывался бездетным, — Холопищевы. У Владимира Холопища был сын Григорий, который упоминается в летописях не как заурядный служилый человек. В одном из

списков IV Новгородской летописи Григорий Владимирович Холопищев упоминается на Куликовом поле как «благородный костромич» в полку Ивана Родионовича Квашни. В 1395 г. Григорий Владимирович Холопищев был воеводой великого князя Василия в Нижнем [Новгороде] [11].

Потомство Григория Пушки сильно размножилось уже в XV в., разбилось на несколько второстепенных и третьестепенных фамилий и, быть может, поэтому (вследствие постоянных разделов вотчин) вышло из боярской среды. От Александра, старшего сына Григория Пушки, пошли фамилии Шараповых и Боярцевых, от второго сына, Никиты, пошли Курчевы и Рожновы, от Василия Улиты — Мусины и Бобрищевы Пушкины, Кологривовы, Поводовы и Шафериковы. От четвертого сына, от Федора Товарка пошли Товарковы, вымершие в XVI в. Пушкины в общем так сильно размножались, что их родословная память не успевала регистрировать всех представителей и затеряла много лиц и даже целые ветви рода.

В обзоре боярства заслуживают места только Товарковы. Федор Григорьевич Товарко упоминается в летописях в 1433 г. как посланец великого князя Василия к князю Юрию Дмитриевичу [12].

Старший сын Федора Товарка — Иван Ус — был выдающимся человеком последней четверти XV в. Великий князь Иван неоднократно давал ему весьма ответственные поручения,— в 1471 г. он был послом в Великий Новгород, в 1476 г.— во Псков, в 1478 г.— вторично в Новгород, в 1480 г.— в Крым к царю Ахмату [13]. В Шереметевском списке думных людей он не показан, но

несомненно, что он был боярином (1483 г.) великого князя *.

Брат Ивана Уса, Борис Шушлеба, был боярином князя Юрия Васильевича [2*].

Третий сын Федора Товарка, Иван Молодой (Сухой), служил великому князю и упоминается в 1475 и 1479 гг. как сын боярский в новгородских походах [16].

У Ивана Федоровича Уса было два сына: Иван Мудо и Андрей Дыхайло. Ивана Ивановича Усова не показано в Шереметевском списке думных людей, но в Бархатной книге про него сказано, что он был окольничим великого князя [17], и это показание подтверждается жалованной грамотой 1485 г. Троицкому Сергиеву монастырю, на обороте которой после имени князя подписано: «А приказал Иван Иванович Товарков» [3*].

Андрей Иванович Дыхайло служил князю Юрию Ивановичу и упоминается в 1516 г. как его боярин [4*].

Сестра Ивана и Андрея Ивановичей — Ирина — была замужем за боярином кн. Семеном Романовичем Ярославским.

---

* «И князь велики отвечал ему (князю Борису Васильевичу.— *С. В.*) своими бояры Юрьем Захарьичем да Иваном Товарковым» [14].

[2*] Не правильнее ли: Шушлепа, от слова «шушлепень» — лентяй, увалень, лежебок (В. Даль)? См. подпись Бориса Федоровича на грамоте 1457 г. князя Юрия Васильевича Симонову монастырю [15].

[3*] Такие подписи могли делать только бояре, дворецкие и другие думные люди [18].

[4*] В 1516 г. он получил от князя Юрия Ивановича льготную грамоту на свою купленную деревню Плетенево, в Дмитрове. Перед 1519 г. Андрей Товарков пожаловал д. Плетенево своему слуге Неждану Фофанову [19].

Жизнь этого и следующих поколений Товарковых складывается неблагоприятно, и они вымирают. Бездетными умерли Иван и Андрей Ивановичи. Григорий Борисович Шушлебин взят в плен под Оршей и умер, не оставив потомства, в плену в Литве. Бездетными умирают и четыре двоюродных брата Усовых и Шушлебина. Только у Ивана Ивановича Малого Сухого были дети — два сына, служившие князю Юрию Ивановичу [20]. Последние оба умерли бездетными, и так вымер в середине XVI в. начавший было возвышаться род Товарковых.

Из других отраслей рода Григория Пушки только немногие представители изредка попадали в думу, да и то в чинах не выше думного дворянина. В XVI в. в думе были следующие лица: Иван Алексеевич Бобрище был ловчим великого князя Василия Ивановича в Твери; Иван Иванович Бобрищев был сокольничим и ловчим в 1568—1582 гг.; Иван Михайлович Пушкин был ловчим в 1574—1583 гг., а его брат Евстафий — думным дворянином в 1601—1603 гг. Евстафий служил в этом чине на воеводстве в Тобольске, что можно рассматривать как почетную ссылку.

* * *

Потомки Акинфа Великого имели неизмеримо большее историческое значение, чем Пушкины.

Федор, второй сын Акинфа Великого, бежавший в 1304 г. из-под Переяславля в Тверь после смерти отца и бывший в 1339 г. воеводой великого князя Ивана Калиты, умер бездетным. Все дальнейшие Акинфовичи пошли от старшего сына — Ивана. Иван Акинфович несомненно был боярином. Его имя записано в синодике Успенского

собора среди самых крупных бояр XIV в. [21] У Ивана Акинфовича было четыре сына: Андрей, Владимир, Роман Каменский и Михаил.

Михаил Иванович Акинфович на Куликовом поле был воеводой и убит в бою [22], не оставивши потомства.

Владимир Иванович стал родоначальником фамилий Замытских и Застолбских, добрых рядовых служилых людей, из которых многие служили по московскому списку. Так, в избранную тысячу в 1550 г. было взято девять Замытских. Из этих фамилий следует отметить только два лица. В 1447 г. Василий Иванович Чешиха Замытский был посажен князем Дмитрием Шемякой наместником в Москве и захвачен на этом высоком посту сторонниками великого князя Василия [23]. Кому служил он раньше, неизвестно, но можно думать, что он принадлежал к тем родовитым, но незначительным служилым людям, которые рассчитывали сделать хорошую карьеру на княжеской междоусобице *. Чешиха не сделал никакой карьеры и не оставил потомства. Из потомков его брата, Петра Ивановича, вышел единственный представитель Замытских в думе великого князя — Дмитрий Андреевич, ловчий царей Ивана и Федора (1584—1598 гг.).

Геннадий Бутурлин в своем письме к боярину Федору Давидовичу (см. ниже) писал, что Роман Каменский был боярином (при великом князе Дмитрии). Это сообщение правдоподобно, но потомство Романа опустилось на социальной лестнице еще ниже Замытских. Только его сын Григорий Курица сделал сравнительно недур-

* В 1474 г. Василий Чешиха был послухом у поручной записи по князе Даниле Холмском [24].

ную карьеру: в третьей четверти XV в. он был наместником великой княгини Марьи в Ростове. Бархатная книга говорит, что он был у великой княгини боярином [25].

Самым крупным из Акинфовичей был старший брат — Андрей Иванович. К сожалению, мы знаем о нем очень мало. Геннадий Бутурлин в упомянутом выше письме писал, что Андрей Иванович был «местом» больше бояр: Ивана Дмитриевича (Всеволожа), Дмитрия Васильевича, Игнатия Семеновича Жеребцова, Федора Колыча и Григория Вантеева Кобылиных. Судя по тому, что из восьми сыновей Андрея Ивановича четыре сына, а может быть и пять, были очень крупными боярами, показание Бутурлина можно считать весьма правдоподобным. Отмечу еще, что среди бояр в синодике Успенского собора записан Андрей Иванович [26], но следует оговориться, что в этом Андрее Ивановиче с одинаковым основанием можно видеть как Андрея Ивановича Акинфовича, так и Андрея Ивановича Кобылу.

У Андрея Ивановича было, по родословцам, восемь сыновей: Федор Свибло, Иван Хромой, Александр Остей, Иван Бутурля, Андрей Слизень, бездетные Федор Корова и Иван Зеленый, умершие, вероятно, в молодости и ничем не известные, и Михаил, отец Федора Челядни.

Самым крупным и интересным лицом был Федор Свибло, о службе и деятельности которого сохранилось много указаний. В 1377 г. он был воеводой в походе на Мордовскую землю. Из таких походов воеводы и служилые люди возвращались нередко «с великой корыстью». Ниже, при обзоре вотчины Свибла, мы увидим, что он был очень богатым человеком. В 1384 г. Федор Свибло с боярином Александром Белеутом ездил

в Великий Новгород брать на великого князя Дмитрия «черный бор» [27]. Об этой службе следует заметить, что поездки в Великий Новгород за «черным бором» были делом очень ответственным, а иногда и небезопасным, и были поручаемы обыкновенно выдающимся боярам.

На первой духовной великого князя Дмитрия среди боярских подписей есть подпись Федора Андреевича, но принадлежит ли она Свиблу или его современнику Федору Андреевичу Кошке, решить невозможно. Есть еще два подобных свидетельства: во время Куликовской битвы великий князь Дмитрий оставил для охраны Москвы и, очевидно, организации тыла боярина Федора Андреевича; затем во второй духовной великого князя Дмитрия упоминается, что боярин Федор Андреевич вытягивал «на обчем рете» у смолян Товь и Медынь [28].

На второй духовной великого князя Дмитрия стоят подписи двух Федоров Андреевичей, из которых один, несомненно, Свибло, а другой — Кошка. Последнее по времени указание на Федора Свибло мы имеем в меновой грамоте (1389—1392 гг.) великого князя Василия Дмитриевича с митрополитом Киприаном на земли [29].

В самом конце XIV или в начале XV в. Федор Свибло подвергся опале и великий князь Василий Дмитриевич конфисковал его вотчины, все имущество и холопов. К сожалению, причин опалы мы не знаем *.

В дополнение к вышесказанному позволю себе высказать предположение еще об одной

* О конфискации имущества определенно сказано в первой духовной великого князя Василия Дмитриевича, где перечислены его бывшие вотчины [30].

службе Федора Свибла — об его участии в постройке каменных укреплений Московского Кремля. Как известно, одна из башен Кремля до сих пор носит название Свибловой. И. Е. Забелин и вслед за ним С. П. Бартенев полагали, что Свиблова, Собакина и Беклемишева башни, Фроловские и Тимофеевские ворота получили названия от соседних боярских дворов [31]. Прозвание одних ворот Тимофеевскими Забелин весьма правдоподобно связывает с именем известного окольничего великого князя Дмитрия, Тимофея Васильевича Вельяминова, но название Спасских ворот Фроловскими затрудняется объяснить и многословными рассуждениями о *всех* московских церквах во имя святого Флора только затемняет вопрос [32]. Непонятно, с какой стати башни и ворота Кремля могли получить прозвания от соседних дворов. Самое существование дворов этих бояр есть ни на чем не основанное предположение. Затем в самом Кремле и вне его было много дворов разных лиц. Почему именно эти боярские дворы сообщили свои прозвания? Наконец, известно, что все имущество Свибла было конфисковано, но в духовных грамотах великого князя Василия, где перечислены вотчины Свибла, двора в Москве не упоминается. Что касается тверских Собакиных, то они стали боярской фамилией и богатыми людьми только во второй половине XVI в., когда породнились с царем Иваном. В роде Нагих-Собакиных было одно лицо, тоже носившее прозвище Свибло, но Собакина башня и Свиблова находятся далеко одна от другой, на разных углах Кремля.

Мне кажется более правдоподобным иное объяснение названий ворот и башен Кремля. При великом князе Дмитрии было решено укрепить

Кремль каменным городом. Приготовления к этому были начаты зимой 1366 г., а с весны 1367 г. началась спешная постройка стен и башен. К 1368 г. работы в основном были закончены, так что Ольгерд, намеревавшийся захватить быстрым налетом Москву, должен был отступить от неожиданно для него воздвигнутых укреплений. Можно предполагать, что ввиду важности и спешности дела наблюдение за постройками было поручено нескольким лицам из числа выдающихся служилых людей. Имена и прозвища этих лиц остались связанными в памяти потомства с отдельными частями Кремля, за постройкой которых они наблюдали. Некоторые названия, вероятно, были забыты или заменены позже другими, а некоторые сохранились. В самом деле, Федор Свибло, Иван Федорович Собака, из рода князей Фоминских, позже боярин, Федор Беклемиш, родоначальник Беклемишевых, его родной брат Фрол и окольничий Тимофей Васильевич Вельяминов — все жили в одно время, как раз тогда, когда великий князь Дмитрий строил поспешно первые каменные укрепления Кремля. Этим лицам и другим, памяти о которых не сохранилось, было поручено наблюдение за постройкой различных частей Кремля, и эти части (ворота и башни) получили названия от имен и прозвищ своих «предстателей», то есть архитекторов и заведовавших постройкой.

С прозвищем Федора Андреевича связано существующее в настоящее время селение под Москвой — с. Свиблово на Яузе, по-видимому, то самое село Тимофеевское на Яузе, которое будет упомянуто ниже.

Духовные грамоты великого князя Василия Дмитриевича дают неполный перечень вотчин

Федора Свибла: в Московском уезде с. Буйловское и с. Тимофеевское с мельницей на р. Яузе, несколько сел на Устюге, в Ростове, на Вологде — в Отводном [стапу] и в Сямской волости, в Бежецке село Максимовское, в Переяславле села Весьское и Родионовское, в Нижнем Новгороде с. Непейцыно, «в Юрьеве» села Чагино, Савельевское, Иворово и Карабузино,— «и все села Свибловские Федоровские»,— заканчивают духовные перечень, не указывая их поименно.

Особенного внимания заслуживают села «в Юрьеве». М. К. Любавский и предшествовавшие ему историки искали эти села в Юрьевском уезде (Юрьева-Польского). М. К. Любавский нашел в Юрьевском уезде только два селения: Савельево и Иворово [33], которое, кстати сказать, называется теперь, кажется, Ивровом. В действительности эти села надо искать совсем в другом месте — в Тверском великом княжении, в Кашине и в Старице, что придает вопросу об этих вотчинах Свибла особый интерес.

По актам Колязина Макарьева монастыря можно установить, что Карабузины и Чагины были очень старыми вотчинниками Кашинского уезда, уже во второй половине XV в. сильно измельчавшими и утратившими большую часть своих вотчин. Небольшую вотчину Чагиных мы застаем в конце XV в. в Жабенском стану, возле самого Колязина монастыря. По их фамильному прозвищу названо и с. Чагино на р. Кашинке в Мерском стану, принадлежавшее несомненно им и ныне существующее в [5] верстах от г. Кашина. Вотчины Карабузиных находились в трех станах — в Чудском, в Нерехотском, где ныне есть д. Карабузина на ручье Карабузинском, и в Мерском стану, где ныне в [27] верстах от Каши-

на и в [ ] [34] верстах от Чагина находится с. Карабузино. Представляется несомненным, что именно эти села Чагино и Карабузино принадлежали Федору Свиблу. Принявши это, мы естественно находим в Тверском княжении и с. Иворово, по которому одна из волостей позднейшего Старицкого уезда называлась Иворовской. С. Иворово существует и в настоящее время.

Возникает вопрос: что же означает выражение духовных, что эти села находятся «в Юрьеве»? Мне кажется,— во всяком случае не в уезде. Самый термин «уезд» не употребляется в духовных для определения местоположения сел Свибла. Выражение «в Юрьеве», если тут нет описки или опечатки, надо понимать как в Юрьеве уделе, слободе и т. п., но не в Юрьевском уезде, где таких сел не было и нет в настоящее время.

Разбросанность многочисленных вотчин Свибла говорит в пользу вышесказанного, то есть того, что села Чагино, Карабузино, Иворово, а может быть и Савельевское, находились в Тверском княжении. Если Федор Свибло не стеснялся приобретать вотчины в Нижегородском княжении, на Вологде, Устюге и в Бежецке, то нет оснований говорить, что он не мог приобрести их в Тверском княжении. Это было тем более возможно, что в 1375 г. великий князь Дмитрий Иванович принудил тверского князя Михаила заключить договор «на всей свой воле», в котором взял под свое покровительство князя Василия Кашинского, и писал в договоре: «А в Кашин ти ся не въступати и что потягло х Кашину,— ведает то вотчич князь Василей: ни выходом не надобе тобе ко Тфери Кашину тянути, а его ти не обидети: а имешь его обидети, мне его от тобе боронити» [35]. При таких условиях, когда кашин-

ский князь волей великого князя Дмитрия был освобожден от власти великого князя тверского и стал под покровительство Москвы, Федор Свибло мог беспрепятственно купить села Чагино и Карабузино, а может быть, и Иворово в Кашинском уделе *.

Выше было сказано, что Акинф был из числа тех великокняжеских бояр-дружинников, которые жили традициями единого великого княжения всей Великороссии и находили для себя тесными пределы обособившихся в XIV в. княжений. В таких родах прочнее всего держались традиции свободной службы и независимости землевладения от службы тому или иному князю. В начале XV в., когда жил Федор Свибло, эти традиции были несвоевременны. В XII—XIII вв. бояре могли приобретать вотчины, где им было угодно. Ту же свободу приобретения вотчин они получили с конца XV в., когда московский великий князь ликвидировал независимость Великого Новгорода, Ярославля, Твери и Рязани. Но в XIV—XV вв. ввиду напряженной борьбы князей за великое княжение и свою независимость, боярское землевладение должно было приспосабливаться к политической раздробленности Великороссии и стягиваться по уделам в зависимости от служебных отношений к князю.

| Поэтому можно высказать предположение, что причиной опалы Федора Свибла был именно его слишком большой и несвоевременный размах в приобретении вотчин. Ведь трудно допустить,

---

* Распределение и переделы уделов Тверского княжения во многом неизвестны. Неизвестно, кому принадлежал Кашин после смерти Василия и Бориса Михайловичей Кашинских. Не их ли племяннику Юрию Ивановичу?

чтобы его отец, имея восемь сыновей, оставил такое огромное количество вотчин, что каждый сын, при обычае равных разделов наследства, получил такое большое количество сел, какое имел Федор Свибло. Следует поэтому думать, что большая часть упомянутых сел была приобретена самим Свиблом на средства, нажитые в походах и на различных «корыстных» службах, что он сам проводил политику разбросанного по всей Великороссии землевладения и, невзирая на раздробленность Великороссии и сложные переплеты междукняжеских отношений, мнил себя боярином времен великого князя Александра Невского. Такая политика очень легко могла порождать для самого Свибла и для князей серьезные конфликты.

У Федора Свибла был один сын — Семен, не оставивший потомства. Одни родословцы говорят, что он был убит литвой, а некоторые — что он был убит на Белевском бою 1438 г.[36]

Второй сын Андрея Ивановича Акинфова — Иван Хромой был крупным боярином конца XIV и начала XV в. Его подпись находится на второй духовной великого князя Дмитрия. Из родословцев известно, что он был женат на дочери боярина Дмитрия Александровича Монастырева и получил в приданое на Белоозере волость Ергу. Среди боярынь времени великого князя Василия Дмитриевича она, Аграфена, занимала пятое место — между Марьей, вдовой Микулы Васильевича Вельяминова, и Аграфеной, женой Полиевкта Васильевича Вельяминова [37].

Третий сын Андрея Ивановича — Александр Остей упоминается в летописях в 1385 (6893) г. как наместник в Коломне, где он был захвачен в плен кн. Олегом. Это дает основание говорить,

что он был боярином, так как наместничество в таком важном для обороны государства городе, как Коломна, занимали в XIV—XV вв. обыкновенно бояре. Как боярин, он подписался свидетелем второй духовной великого князя Дмитрия, и около 1416 г. он упоминается на суде великого князя Василия Дмитриевича [38].

Четвертый сын Андрея Ивановича — Иван Бутурля стал родоначальником Бутурлиных, самой долговечной отрасли рода Акинфа. На боярство его нет указаний, но оно вероятно. Умер Иван Бутурля в одну из эпидемий 30-х годов XV в.

О пятом сыне, об Андрее Слизне, мы не имеем известий, но, судя по его потомству, он был тоже значительным лицом.

Наконец, последний (восьмой) сын Андрея Ивановича — Михаил стал родоначальником Челядниных, которые весь XV в. и в первой половине XVI в. занимали при великокняжеском дворе одно из первых мест. Михаил Андреевич, как младший в семье, выдвинулся много позже — во второй половине княжения Василия Дмитриевича — и сразу занял очень видное положение. О близости его к великому князю говорит то, что он был свидетелем его духовных завещаний (второй и третьей духовных грамот).

Так можно видеть, что сыновья Андрея Ивановича со второй половины княжения Дмитрия Донского входят в боярскую среду целой фалангой, оттесняя такие старые роды, как Вельяминовых, Квашниных и Плещеевых, и при великом князе Василии, несмотря на опалу Федора Свибла, занимают при дворе одно из первых мест наряду с Вельяминовыми, Кобылиными, Сабуровыми и другими первостепенными родами.

Дальнейшее изложение удобнее вести в порядке отраслей рода.

Потомство Ивана Хромого отличается очень слабой рождаемостью. Это обстоятельство предотвращало раздел родовых вотчин между сонаследниками, но в то же время понижало удельный вес рода и ставило его под постоянную угрозу пресечения. У Ивана Хромого было два сына: бездетный Роман, о котором ничего не известно, и Давид, которого можно считать очень вероятным боярином княжения Василия Темного *.

Единственный сын Давида Ивановича — Федор в 1471 (6979) г. получил сразу боярство. В 1475 и 1477 гг. он участвовал в походах великого князя Ивана на Великий Новгород, в первом походе — «с миром», а во втором «ратью» [40]. Умер Федор Давидович (по Шереметевскому списку думных людей) в 1491 г.

У Федора Давидовича было два сына: бездетный Григорий и Петр. (Интересно отметить, что все потомки Ивана Хромого не имели фамильного прозвища и личных прозвищ. Очевидно, они были настолько крупными, что не нуждались в этом, так же как Яков и Юрий Захарьичи (Кошкины) и их потомки, которые по отцу и деду назывались Захарьиными, Яковлями и Юрьевыми, но не Кошкиными.) [2*]

---

* Не вполне ясное указание на боярство Романа есть в письме Геннадия Бутурлина к Федору Давидовичу Хромому, где в списке бояр под Василием Ивановичем Собакиным (из князей Фоминских) показан Роман Иванович. Давид Иванович по трем купчим приобрел у Монастыревых рыбные ловли в Южском езе на Белоозере, и в 70-х годах его сын Федор Давидович дал их митрополиту [39].

2* В частных списках разрядов и в летописях Хромые называются то Федоровичами, то Давидовичами, то Челядниными. За известным боярином Иваном Петровичем

Григорий Федорович появляется в разрядах в первый раз в 1496 г., когда он был воеводой в зимнем походе под Выборг. Далее его карьера такая: в 1501 г. воеводство в Литовском походе и пожалование окольничеством, в 1506 г. — пожалование боярством, в 1507 г. воеводство в Нижнем [Новгороде] и затем участие в Литовском походе, в 1509 г. — посольство в Польшу. В последний раз он упоминается в разрядах в 1513 г. (с великим князем на Кашире), и в 1518 (7026) г. он умер. Его вдова Марья на свадьбе великого князя Василия (в 1526 г.) была вместе с двумя боярынями Челядниными боярыней «у постели».

Петр Федорович Давидова, которого разряды часто смешивают с Петром Федоровичем Челядниным, по Шереметевскому списку получил окольничество и боярство в тех же годах (то есть в 1501 и 1506 гг.), как и его брат Григорий *. Это показание неверно. По разрядам он упоминается как воевода в Литовском походе 1507—1508 гг. без чина окольничего, а в Новгородском походе 1509 г. он уже окольничий. Боярство он получил еще позже и умер в 1515 (7023) г.

Единственный сын Петра Федоровича — Иван — был очень большим человеком своего времени. По-видимому, он был женат два раза, не имел от первого брака детей и вторым браком женился на Марье Васильевне Челядниной. Происходя с нею из одного рода, он был в такой далекой степени родства, что для их брака не было канони-

---

Федоровым, женатом на Челядниной, утвердилось фамильное прозвание Челяднин, хотя он был из другой отрасли рода Акинфа.

* Петр Федорович был женат на Марье, дочери князя Семена Романовича Ярославского [41].

ческих препятствий. Марья Васильевна первым браком была замужем за князем Иваном Осиповичем Дорогобужским. Их сын Иван в 18-летнем возрасте был казнен, по сообщению Курбского, царем Иваном. Овдовевши, Марья вышла замуж за Ивана Петровича. Род Челядниных пресекся (в мужском потомстве) в 1542 г. со смертью Ивана Ивановича Челяднина, и к Марье кроме приданого перешла по наследству часть челяднинских вотчин. И сам Иван Петрович, как единственный сын, унаследовал большое состояние и многочисленные вотчины — на Белоозере, в Коломне, Юрьеве, Бежецке и других городах. Таким образом, Федоровы были очень богатыми людьми.

В эпоху малолетства Ивана IV Иван Петрович Федоров, судя по сохранившимся источникам (главным образом летописям), стоял в стороне от дворцовых интриг и борьбы боярских партий. С 1536 г. он часто принимал участие как воевода в различных походах. Возвышение его начинается с того времени, когда подрастающий Иван стал освобождаться от влияния придворной знати, правившей государством в его малолетство. В 1544 (7052) г. Иван Петрович сразу получил боярство. В 1546 г. он был замешан в деле князя Ивана Кубенского и Воронцовых и в июле, после казни этих лиц, сослан на Белоозеро [42]. Однако вскоре он был помилован и в 1547 г. находился при царе Иване в Коломенском походе. Через два года (7057 г.) Иван Петрович получил высокое звание конюшего и стал одним из самых близких к царю людей.

При учреждении опричнины Иван Петрович утратил свое влияние и был оставлен боярином в земском правительстве. По-видимому, его отрицательное отношение к опричнине и было впо-

Псовая охота Василия III.
Миниатюра летописного свода XVI в.

следствии главной причиной его гибели. Ни многолетняя служба Ивана Петровича, ни его верность царю в критические моменты тяжелой болезни, ни старость не защитили его, и он погиб в 1567 (7075) г. при одном из отвратительных эпизодов опричного террора.

На основании свидетельств иностранцев Н. М. Карамзин дал яркую картину казней 1567 г. Эти свидетельства иностранцев, нередко приукрашенные и не во всем верные и точные, тем не менее заслуживают внимания, так как сообщают иногда такие факты, о которых намеренно умалчивают летописи и не смели говорить другие отечественные источники. Тем более они ценны, когда подтверждаются другими источниками. Князь Курбский писал, что царь Иван убил «мужа в роде светла, Иоанна Петровича, уже в совершенном веку бывша, и жену его Марью, воистинну святую погубил... и так на того Иоанна разгневался, иже не токмо слуг его шляхетных мужей всеродне погубил и различными муками помучил, но и места и села — бе зело много отчины имел — все пожег, сам ездя с кромешными своими, елико где обрелись, со женами и детками их, сущих от сосцов матерних, не пощадил» [43]. Генрих Штаден подтверждает последнее сообщение Курбского: великий князь поехал с опричниками и пожег по всей стране все вотчины Ивана Петровича, все было сожжено — села с церквами и со всем, что было в них, с иконами и церковными украшениями, женщин и девушек раздевали донага и заставляли в таком виде ловить по полю кур [44]. В связи с этим свидетельством Штадена интересно привести его мнение об Иване Петровиче. Следует заметить, что вообще Штаден не скупится на мрачные краски для характеристики московитов и московских порядков, но для Ивана Петровича делает исключение: «Иван Петрович Челяднин был первым боярином и судьей на Москве в отсутствие великого князя. Он один имел обыкновение судить праведно, почему простой люд был к нему расположен» [45].

Зная, что вотчины Ивана Петровича находились в Коломне, Юрьеве и Бежецке, и сопоставляя это с показаниями Курбского и Штадена, мы можем расшифровать случайные и неясные показания синодиков опальных людей царя Ивана. В виде общего правила в них записаны одни имена, и только над некоторыми именами позже сделаны пояснительные отметки. В синодике Спасо-Прилуцкого монастыря читаем: «В коломенских селех скончавшихся православных христиан, Ивановых людей, 20 человек, а имена их Бог весть». Несколько ниже: «В Бежецком верху Ивановых людей 65 человек (отделано) да 12 человек, скончавшихся ручным усечением, имена их ты, господи, сам веси». В синодике Кириллова монастыря над именами Смирного и Симеона надписано: «Ивановы люди Петрова» [46]. И этих случайных пояснительных отметок достаточно, чтобы согласиться, что показания князя Курбского, Штадена и других иностранцев в основном совершенно верны, что казнь Ивана Петровича сопровождалась разгромом его двора, убийством его слуг — «шляхетных мужей», как говорит Курбский, уничтожением имущества и конфискацией вотчин. И если опричники, выполнявшие это задание, допускали при этом издевательства над людьми, подобные тем, о которых рассказывают Кельх и Штаден, то в этом нет ничего невероятного, тем более что целью террора царя Ивана, как всякого террора, было не столько наказание виновных, сколько терроризирование широких слоев общества. Истребление же семей и слуг опальных княжат и бояр естественно вытекало из другой цели террора — уничтожить в корне и без остатка представителей крупных родов со всеми пережитками родовых традиций и старых

патриархальных отношений господ к слугам и слуг к господам. Для княжеских и боярских слуг старого времени верность господину была делом профессиональной чести и их положения. Московские великие князья превратили своих былых вольных слуг в «холопов», и царь Иван был совершенно последователен, когда наряду с законодательными ограничениями службы детей боярских во дворах княжат и бояр стремился уничтожить и самые бытовые традиции службы. Он вполне достиг этой цели, и в эпоху царя Федора народилась, а затем при Борисе и в Смутное время была определенно отмечена современниками и иностранцами новая формация боярских слуг и холопов — наушников, клеветников и предателей своих господ.

Была ли одновременно казнена жена Ивана Петровича, остается под вопросом. В 1564 г. Марья, быть может в предвидении грозы, дала Троицкому Сергиеву монастырю сельцо Кишкино-Челяднино в Коломенском уезде и село Богородицкое в Юрьевском, сохранив за собой право пожизненного пользования этими селами [47]. Конечно, возможно допустить, что данная была написана задним числом, в 1567 г., когда гроза уже разразилась, как это делали некоторые лица в эпоху опричнины, но как бы то ни было, царь Иван не признал этого вклада, и села не достались Троицкому монастырю *. Этот факт говорит за то, что Марья погибла вместе с мужем и во вся-

---

* В писцовой книге Коломенского уезда бывшие вотчины Ивана Петровича Кишкино и Мартиновское показаны не за Троицким монастырем, а за другими вотчинниками. Ср. описание троицких вотчин в Юрьевском уезде, среди которых с. Богородицкого тоже нет [48].

ком случае лишились вотчин. С другой стороны, во вкладной книге Иосифова Волоколамского монастыря записан вклад (по-видимому в 7077, то есть в 1569 г.) деньгами и вещами «иноки Маремьяны», жены Ивана Петровича [49]. Это заставляет предположить, что Марья успела постричься и умерла несколько времени спустя после смерти мужа [2*]. Брак Ивана Петровича с Марьей Челядниной был бездетным, и таким образом пресеклась старшая отрасль рода Акинфа.

* * *

У Александра Андреевича Остея было два сына: Роман и Тимофей. Сохранившиеся из местнических дел списки бояр помещают обоих братьев в числе бояр великого князя Василия Дмитриевича [2*]. Тимофей Александрович одно время был боярином князя Василия Ярославича, а позже боярином князя Дмитрия Юрьевича [51].

Единственный сын Романа — Андрей Хруль, умерший бездетным, упоминается как боярин в одной правой грамоте первых лет [княжения] великого князя Ивана III [3*].

---

* В кормовой книге Кириллова монастыря записан вклад 7077 г. царя Ивана по Иване Петровиче Федорове: с. Воскресенское с деревнями и половина Ерги.

[2*] См., например, родословец, где после Бориса Константиновича Лыкова написаны Роман и Тимофей Остеевы. В середине столетия (1447—1455 гг.) вдова Романа Василиса с сыном Андреем дали Троице-Сергиеву монастырю три большие пустоши в Нерехте [50].

[3*] «А тут были у великого князя (на суде.— *С. В.*) бояре: [князь] Иван Юрьевич, Ондрей Романович, да Василей Борисовичь, да Иван Борисович, дворецкой. А подпись на грамоте Василья Бедина». В местническом деле Плещеевых: «А Иван, господине, Сабуров больше Андрея Романова, Андрей, господине, Романов больше Василья Чулка» (своего двоюродного брата) [52].

У Тимофея Александровича в Бархатной книге показано три сына: Василий Чулок, бездетный Дмитрий и Андрей Жулеба. Частные родословцы показывают (на третьем месте) еще Федора, тоже бездетного. Возможно, что это тот самый Федор Тимофеевич, который в синодике Успенского собора показан в числе убитых в 1438 г. на Белевском бою [53]. Как убитый, быть может в молодости и не оставивший потомства, он не показан в Бархатной книге.

О боярстве Василия Тимофеевича Чулка и его наместничестве в Великом Новгороде есть интересные и определенные указания в местническом деле Петра Плещеева с Петром Заболотским [54].

Младший брат Василия Чулка — Андрей Жулеба упоминается в летописях как боярин великого князя, посланный в 1472 г. во Псков для переговоров с Ливонским магистром [55]. В Шереметевском списке думных людей Андрей Жулеба не показан, но это несомненный пробел. Возможно, что в летописях слово «боярин» употреблено в общем значении, но, судя по службе его отца и сыновей и по важности данного поручения, можно полагать, что он был если не боярином, то во всяком случае думцем.

У Василия Чулка было три сына: Иван Чебот, Андрей и бездетный Федор.

Иван Васильевич Чебот в 1500 г. был пожалован в окольничие и участвовал с женой в чине бракосочетания князя Василия Даниловича Холмского с дочерью великого князя Ивана III Федосьей. В Шереметевском списке он показан умершим в 1501 г. О братьях Чебота ничего не известно, и вообще можно сказать, что Андрей Романович Хруль и его двоюродный брат Василий Тимофеевич Чулок были последними круп-

ными боярами этой отрасли, и со второй половины княжения Ивана III Чеботовы и Чулковы попадали в Думу редко, и притом только окольничими.

Сыновья Ивана Васильевича Чебота — Андрей и Яков упоминаются в разрядах только один раз — в 1521 г., когда Андрей был воеводой в Рязани, а Яков — головой в полках. На последнее следует обратить внимание. Изучение разрядов дает возможность сделать следующее наблюдение. Служба в стратилатском чине, по терминологии князя Курбского, то есть в полковых воеводах, была обычным этапом для продвижения в «синклитские», то есть думные чины. В стратилатах служили родовитые люди и с думным чином. Словом, генералитет армии, по выражению В. О. Ключевского, состоял из довольно замкнутой группы верхов титулованных и нетитулованных родовитых людей, старших представителей крупнейших родов. Головство в полках В. О. Ключевский сравнивает с офицерским составом армии. Следовало бы прибавить — армейское офицерство. Просматривая имена лиц, служивших головами, мы видим, что они вербовались из нескольких слоев служилого класса: из выдающихся представителей городовых, не боярских родов, для которых головство было пределом ратной карьеры, из представителей захудалых ветвей боярских родов и в виде исключения из младших представителей боярства. Для последних это было деградацией, большей частью непоправимой, так как случаи назначения в стратилатский чин лица, служившего головой, были так же редки, как проникновение армейского офицера в генералитет. Поэтому служба Якова Ивановича Чеботова в головах свидетельствует о большой деградации этого рода.

Из трех сыновей Андрея Ивановича Чеботова службой известны только двое старших — Иван Медведь и Дмитрий. Младший сын — Юрий, вероятно, умер в молодости и нигде не упоминается *. Иван Медведь в 1530 г. был наместником на Двине [56], в 1550 г. — воеводой на годованье в Смоленске, а в 1553 г. — в той же должности в Василе-городе. В думу он не попал и умер бездетным. Дмитрий Андреевич в 1550 г. был с братом воеводой в Смоленске, в 1555 г. пожалован в окольничие и служил годовым воеводой в Казани, в 1558 г. был воеводой в Нарве и умер в 1561 (7069) г.[2*]

Интересной личностью был Иван Яковлевич Чеботов, единственный сын Якова Ивановича. В 1551 г. он был пожалован в окольничие [3*], затем вошел в милость царя и в 1559 г. был пожалован в бояре. С учреждением опричнины Иван Яковлевич стал боярином в опричнине. В Шереметевском списке показано ошибочно, что он «выбыл» в 1567 (7075) г. В действительности он подвергся опале и выбыл позже. Во вкладной книге Симонова монастыря он упоминается как боярин из опричнины 11 октября 1569 г. [58] Дальнейшая судьба его неясна. В архиве Троице-Сергиева монастыря сохранилась купчая 7081 (1573) г., по которой борисоглебский старец Иона Чеботов

---

* По родословцам Юрий убит разбойниками.

2* В родословцах у него не показано сыновей, но у него был сын Елизар. В мае 1563 г. вдова Дмитрия дала по душе Елизара Троице-Сергиеву монастырю 50 рублей на вечное поминание [57].

3* Как окольничий он упоминается 4 июля 1551 г. в правой грамоте Колязину монастырю.

Судебник 1497 г.
Лист из рукописной книги конца XV — начала XVI в.

Пахота, сев, жатва.
Миниатюра летописного свода XVI в.

Иван IV.
Копия с портрета, хранящегося в Копенгагене.

Шапка Мономаха.
Конец XIII — начало XIV в.

продал Третьяку Яковлеву за 900 рублей — крупная сумма для того времени — свою вотчину в Ростове: сц. Иванково и сц. Гору с деревнями [59]. Нет сомнения, что этот старец Иона есть Иван Яковлевич Чеботов, постригшийся в Ростовском Борисоглебском монастыре после 1569 г., когда он был еще несомненно боярином. Добровольно ли он постригся, неизвестно, но весьма сомнительно. (Ср. вклад царя Ивана 7078 г. Кириллову монастырю 200 рублей по старце Ионе Чеботове. Корм 31 января.)* В родословцах у Ивана Яковлевича детей не показано, по-видимому, он умер бездетным, и таким образом род Чеботовых пресекся.

Потомство Андрея Васильевича Чулкова еще менее значительно, чем Чеботовы. Служба его сыновей неизвестна совсем, а из его внуков один — Федор Иванович бывал полковым воеводой, двое — Никита Большой и Никита Меньшой Ивановичи — не поднимались выше головства в полках, и только четвертый внук — Иван Иванович через голову, так сказать, своих братьев, служивших в небольших чинах, был пожалован в 1557 г. в окольничие. Подобные пожалования, не считаясь с положением лица в роде, очень характерны для времени царя Ивана. В Шереметевском списке отмечено, что Иван Иванович «выбыл» в 1568 (7076) г. Хотя мы не имеем прямых указаний на то, что он подвергся опале и не находим его имени в синодиках опальных

---

* Как примирить купчую 7081 г. с показанием кормовой книги Кириллова монастыря, где указан 7078 г.? По сообщению А. Титова, в Ростовском Борисоглебском монастыре сохранилась плита с надписью: «Лета 70... месяца генв... преставися раб Божии старец Иона Чеботов» [60].

царя Ивана, но едва ли можно сомневаться, что он подвергся опале одновременно или немногим раньше своего сородича Ивана Яковлевича Чеботова. Таким образом, можно сказать, что двое самых значительных представителей рода Остея сошли со сцены в прямой связи с опричниной. После них эта отрасль Акинфова рода совсем захудала и закоснела в безвестности.

Потомство Андрея Жулебы, подобно Чеботовым и Чулковым, находилось в некоторой близости к верхам боярства, но в общем в XVI в. опускалось и сходило в слой рядовых служилых людей. Из числа четырех сыновей Андрея старший сын Иван был окольничим в 1510—1520 гг. Один из внуков — Иван Иванович Овцын в 1538 г. был пожалован в окольничие, в 1556 г. упоминается как дмитровский дворецкий и в том же году или вскоре умер. Наконец, Семейка Иванов был в 1548 г. дворецким у князя Юрия Васильевича. Таким образом, все значительные Жулебины сошли со сцены еще до опричнины и этим, вероятно, объясняется то, что мы не видим ни одного из Жулебиных в числе жертв террора царя Ивана.

* * *

В карьере Бутурлиных много неясного, так как о их службе мало сведений, особенно за XV в.

Об Иване Андреевиче Бутурле ничего не известно. Возможно, что он и его старший сын Иван умерли в одно из моровых поветрий 30-х годов [XV в.]. Второй сын Бутурли — Григорий постригся в молодости (в иноках Геннадий) в Троицком Сергиеве монастыре. В начале второй четверти XV в. вдова Ивана Андреевича Бутурли Евфросинья и Геннадий дали митрополичьему монастырю Введения Богородицы на р. Шексне

отводную грамоту на с. Спасское на Шексне, которое дано было, очевидно, Бутурлиными в монастырь по душам Ивана Бутурли и его сына Ивана [61].

Григорий постригся у Троицы в конце игуменства Никона (то есть до 1428 г., когда Никон умер) и при Никоне писал данную Федора Андреевича Троицкому монастырю на с. Перетержское в Угличе [62]. Кто такой был этот Федор Андреевич, неизвестно, но можно предположить, что это был бездетный дядя Геннадия Федор Андреевич Корова, умерший, вероятно, как и его брат Иван Бутурля, в моровое поветрие. При игумене Савве (1428—1432 гг.) Геннадий писал данную Троицкому монастырю княгини Елены, вдовы князя Андрея Владимировича Радонежского. При том же игумене он сам сделал Троицкому монастырю большой вклад — дал по душам отца и матери с. Воздвиженское в Угличе [63]. Около 1446 г. Геннадий был послухом у данной Евдокии Зворыкиной, вдовы воеводы великого князя (убитого в 1445 г. под Суздалем), Троицкому же монастырю на вотчину в Ростове. В середине XV в. Геннадий был послухом у данной старца Мисаила Сабурова (боярина Михаила Федоровича) Ипатьеву монастырю на вотчину под Костромой [64]. В этой данной интересно отметить указание на родство Бутурлиных с Сабуровыми — Геннадий назван дядей старца Мисаила, очевидно, по женской линии. Приблизительно тогда же (при игумене Мартиниане, 1447—1455 гг.) Геннадий был послухом у данной Троицкому монастырю радонежского боярина Василия Борисовича Копнина. В начале княжения Ивана III Геннадий умер, и великий князь дал Троицкому монастырю по его душе д. Кондратовскую в Радоне-

же — «что была за Генадьем за Бутурлиным» [65]. Последнее обстоятельство стоит отметить. Из него видно, что Геннадий, будучи чернецом, продолжал владеть вотчиной (возле самого монастыря), вел в ней хозяйство и получал из нее различные продукты для своего обихода. Так нередко поступали постригавшиеся в монастыре вельможи, нарушая этим дух и уставы монастырской жизни. Приведенные факты бросают свет на жизнь таких крупных старцев из боярской среды, каким был Геннадий, на среду, в которой он вращался, и положение, которое занимал в монастыре.

Сохранились два документа, которые показывают, что Геннадий живо интересовался мирскими делами, и не только генеалогией боярских родов, но и местническими столкновениями представителей этой среды и борьбой за положение при дворе великого князя. Эти документы часто встречаются в частных списках разрядных книг и в сборниках родословного содержания.

Первый документ — это «память» Геннадия Бутурлина и Михаила Борисовича Плещеева о боярах, которых «заехал» князь Юрий Патрикеевич при выезде на службу в Москву, к великому князю Василию Дмитриевичу [66]. В другом месте было показано, что «память» является в сущности перечнем бояр, подписавшихся на одной из духовных грамот великого князя Василия Дмитриевича. «Память» свидетельствует о том, что Геннадий имел доступ к актам такой государственной важности, как духовные великого князя, интересовался этими вопросами и собирал подобные материалы.

Еще интереснее другой документ — письмо Геннадия к своему двоюродному племяннику, боярину Федору Давидовичу Хромого. Письмо

стоит в несомненной связи с известным местническим делом Василия Федоровича Сабурова с Григорием Васильевичем Заболотским и с другими, до нас не дошедшими делами первых лет княжения Ивана III. Василий Сабуров в своем иске о месте ссылался на бояр — «а ведомо то, господине, бояром старым,— Геннадью Бутурлину да Михаилу Борисовичу Плещееву... а обыщи, государь князь велики, сам своими бояры, как будет сидели наши отцы». Великий князь «обыскал», то есть спросил бояр, и обвинил Григория Заболотского. На суде великого князя среди других бояр был и Федор Давидович, которому Геннадий написал письмо [67]. Письмо находится в связи с этим делом, но написано по какому-то другому местническому спору. Оно начинается благодарностью Федору Давидовичу за то, что он печалуется, то есть ходатайствует, об Андрее Ивановиче Бутурлине, племяннике Геннадия. Затем Геннадий отвечает на вопрос Федора Давидовича «о деле о Григорьеве о Заболотском» и сообщает ему справки о случаях, кто из бояр и когда занимал какое место,— «то память Петрова Костянтиновича (то есть боярина Петра Константиновича Добрынского.— *С. В.*) да наша... Спросит нас собе князь великий, и мы ему скажем в черническое послушество» *.

Одновременно с Геннадием Бутурлиным (вторая и третья четверти XV в.) и несколько позже Троицкий монастырь был модным приютом для

---

* Мирские люди послушествовали и вообще давали на суде показания за крестным целованием. Монашествующие были освобождены от присяги и послушествовали «по черной ризе», «по иноческому обещанью». Письмо известно мне в двух списках, настолько испорченных переписчиками, что текст восстанавливается с трудом и

постригавшихся вельмож. Некоторые постригались на склоне лет, но были и такие, которые вступали в монастырь, как Геннадий Бутурлин, в молодости. По случайным и, конечно, далеко не полным сведениям, которыми мы располагаем, в это время у Троицы были следующие иноки: Михаил Борисович (Мисаил) Плещеев, Михаил Федорович (Мисаил) Сабуров, Петр Игнатьевич Морозов, Михаил Павлович (Викентий) Добрынский, какой-то инок князь Сергий, Геронтий Лихарев, радонежский боярин Василий Борисович Копнин (инок Варсонофий); из окрестных вотчинников — Нифонт Скобельцын, Вениамин Скрипицын, Алексей Воронин (келарь Троицкого монастыря), Патрикий Строев, Семен Кушелев и другие менее значительные лица. Постригаясь в монахи, они нередко продолжали владеть и вотчинами. Монашеская жизнь привлекала их не как подвиг отречения от мира, а как возможность уйти от жизненной борьбы и труда, в лучших случаях как тихий приют на случай увечья, семейных несчастий или старости. Биографические сведения о Геннадии Бутурлине, приведенные выше, показывают, что он живо интересовался делами среды, из которой вышел, и принимал в них даже участие. Некоторые летописи сообщают, что троицкие чернецы принимали иногда еще более серьезное участие в политике, вовсе не подобающее монашескому чину, и быть может, вовсе не случайность, что один из трагических эпизодов

без всякой уверенности. Стоит труда разыскать другие списки и расшифровать этот интересный документ, подлинность которого не вызывает сомнений. Первый список в сборнике исторического и родословного содержания кирилловского старца Матвея Никифорова. Второй список — в родословце Мазуринского собрания [68].

Шемякинской смуты — захват великого князя Василия — произошел у Троицы. Великий князь Василий, взятый татарами в плен под Суздалем (в 1445 г.), освободился путем обещания заплатить огромный выкуп. Эту сумму предстояло собрать как чрезвычайный налог со всех землевладельцев, в том числе и с монастырей. Это обстоятельство послужило поводом для князя Дмитрия Шемяки возобновить борьбу — «поимати великого князя, а царю не дати денег, на чем князь велики целовал». «В думе» с князем Дмитрием Шемякой, как сообщает Ермолинская летопись, были князь Иван Андреевич можайский, «а с ними и от бояр великого князя, и от гостей московских, и от троицких старцев Сергиева монастыря во едину мысль» [69].

Великий князь Василий в это время находился у Троицы, где и был захвачен врасплох сторонниками князя Дмитрия Шемяки и вскоре затем ослеплен. Некоторые летописи, например Никоновская, сообщают много подробностей захвата великого князя, но тем не менее этот эпизод остается во многом неясным, тогда как есть основания подозревать, что в Троицком монастыре были предатели, которые сообщили князю Дмитрию о слабости охранной заставы, выставленной великим князем в Радонеже, и способствовали тому, что он был захвачен врасплох. Все это, конечно, догадки, но участие в этом деле некоторых старцев Троицкого монастыря едва ли может быть отрицаемо.

При таких взглядах на монашество вельможным людям трудно было подчиниться первому требованию иночества — послушанию и отказаться от светских привычек. Известно, что Паисий Ярославлев принял игуменство в Сергиеве

монастыре (в 1479 г.) по принуждению великого князя Ивана III, но через два с немногим года отказался и ушел из монастыря: «Не може чернцов превратити на Божий путь, на молитву, и на пост и на воздержание, и хотеша его убити, бяху бо тамо бояре и князи постригшеся» [70]. Геннадий умер бездетным, а у его брата Ивана было четыре сына: Андрей, Григорий, Полуект и Никита.

О боярстве Андрея Ивановича у великого князя Василия есть прямое указание в одной правой грамоте 1456 г.[71] По родословцам, Андрей умер бездетным. О Полуекте известно, что в 1481 г. он был воеводой великого князя в Переяславле. О службе Григория и Никиты известий нет [72].

Многочисленные потомки Григория и Полуекта заполняли в XVI в. ряды городовых детей боярских, многие служили по московскому списку, но только исключительные поднимались до стратилатского чина: в Думе никого не было. Только в XVII в. из этих ветвей рода Бутурли вышли три окольничих — от Григория — Иван Федорович, а от Полуекта — Федор и Андрей Васильевичи.

Самым значительным было потомство младшего брата — Никиты Ивановича, у которого было четыре сына: Федор, Иван, Андрей и Семен. Все они много раз бывали стратилатами. Особенно много служб числится эа Федором и Иваном. По Шереметевскому списку, Федор и Иван были пожалованы в 1513 г. сразу в бояре, а Андрей в том же году — в окольничие. Это показание вызывает большие сомнения и весьма нуждается в проверке и уточнении. Андрей действительно упоминается в разрядах в 1513—1531 гг. как окольничий, но в многочисленных указаниях разрядов на воеводские службы Федора и Ивана

последние не называются боярами, а в разряде 1536 г. Иван показан дворецким в Великом Новгороде [73], что для боярина было бы недостаточно высоким назначением. Остается высказать догадку, что Иван в боярах не был совсем, а Федор, может быть, был боярином.

У Федора, Ивана и Семена было всего восемь сыновей, но ни один не попал в Думу и все умерли бездетными. Самая значительная в истории отрасль Бутурлиных пошла от Андрея Никитича.

Сыновья Андрея Никитича, как и другие Бутурлины, в малолетстве Ивана IV были явно в загоне,— они начали возвышаться незадолго до учреждения опричнины. В виде пролога к будущим казням в 1545 г. 3 сентября пострадал один из Бутурлиных — «велел князь великий казнити Афанасия Бутурлина, урезаша языка ему, у тюрем, за его вину, за невежливые слова» [74]. Неизвестно, кому были сказаны эти слова и какой из Афанасиев подвергся наказанию. Дело в том, что в это время жило три Афанасия: Афанасий Тимофеевич Закалин, Афанасий Михайлович Кривого и Афанасий Андреевич Никитича. Последние двое не без успеха делали при царе Иване свою карьеру, а о службе Афанасия Закалина ничего не известно, в родословцах он показан бездетным и потому может быть почтен наиболее вероятным лицом, подвергшимся наказанию за невоздержанность своего языка.

Из шести сыновей Андрея Никитича в Думу попало три человека: в 1563 г.— окольничим старший сын Афанасий Андреевич и пятый сын, Иван. В 1568 г. получил тот же чин третий сын, Дмитрий. Афанасий умер благополучно на поле брани в 1571 г. Между тем его брат Иван попал в милость к царю и в 1567 г. был пожалован в боя-

ре. Это благополучие завершилось в 1575 г. и для него, и для многих Бутурлиных катастрофой.

В Шереметевском списке под 7083 (1575 г.) про Дмитрия Андреевича сказано, что он умер, а про Ивана — «выбыл». Под этими скромными и неточными отметками скрывается целая трагедия. Князь Курбский в своей «Истории» писал: «И паки побиени Василий и другия братия его, со единоплемянными своими, Бутурлины глаголемые, мужие светли в родех своих» [75]. Василий, несомненно,— брат окольничего Дмитрия и боярина Ивана Андреевичей. Непонятно, почему в памяти князя Курбского сохранилось имя этого менее значительного из Андреевичей. Впрочем, Василий Андреевич, не будучи думцем, проделал большую карьеру (даже по тем неполным сведениям, которые дают разряды): в 1549 г. молодым человеком он был рындой, в 1550 г. взят в избранную Тысячу и испомещен под Москвой, а затем был последовательно полковым воеводой: в 1556 г. в Пронске, в 1562 г. в Карачеве, в 1565 г. во Пскове и в 1567 г. в Дорогобуже. Быть может, сообщение князя Курбского надо понимать так, что Василий пострадал первым, а позднее подверглись опале и другие Бутурлины.

В синодиках опальных людей показаны: Иван с сыном и дочерью (боярин Иван Андреевич, в родословцах показанный бездетным), Дмитрий (окольничий, брат боярина Ивана), Леонтий (сын Дмитрия), Степан (правнук Полуекта Ивановича, на Земском соборе 1566 г. дворянин 2 статьи), Неждан с женой и Григорий. Имен других жертв мы не знаем, но весьма вероятно, что были и другие, в синодиках не отмеченные.

После этих казней из всего потомства Никиты Ивановича осталось три человека: Фома Афана-

сьевич, Иван Михайлович и Федор Леонтьевич Так род Бутурлиных был поражен в лице самых видных представителей наиболее сильной власти. В последний год царствования Ивана попал в Думу окольничим Иван Михайлович, в 1604 г. убитый на Горах, а при царе Федоре окольничим же был пожалован Фома Афанасьевич. Последний умер в 1603 г., и, таким образом, к началу Смуты в Думе не осталось ни одного Бутурлина.

* * *

Восьмой сын Андрея Ивановича Акинфовича — Михаил стал родоначальником Челядниных, которые весь XV в. и в первой половине XVI в. занимали при дворе великих князей и в Думе одно из первых мест.

Михаил Андреевич, как младший в семье, выдвигается много позже своих братьев и во второй половине княжения Василия Дмитриевича становится одним из самых близких к великому князю бояр, что выразилось в его свидетельстве у второй и третьей духовных грамот великого князя. У Михаила было три сына: Иван, Василий и Федор Челядня. Несомненно, что Ивану и Василию предстояла хорошая карьера, подобно младшему брату, но они умерли, очевидно, в молодости, не оставив потомства, и о службе их ничего не известно. Следует отметить, что Иван Михайлович был женат на дочери князя Юрия Патрикеевича, княжне Елене [76], и по этому браку был в свойстве с великокняжеским домом, так как Елена была по матери родной племянницей великого князя Василия Темного.

Федор Челядня был крупным боярином своего времени. В 1434 г. он был в числе воевод заставы великого князя на Вологде, где застава подверг-

лась внезапно нападению князя Василия Юрьевича, была разбита, а воеводы взяты в плен [77]. В конце княжения Василия Темного Федор Челядня с Федором Александровичем Белеутовым были посланы в Великий Новгород [78]. О близости его к великому князю говорит то, что он был свидетелем духовной Василия Темного. Жена Федора Челядни, как близкое ко двору лицо, записана в синодике Успенского собора *.

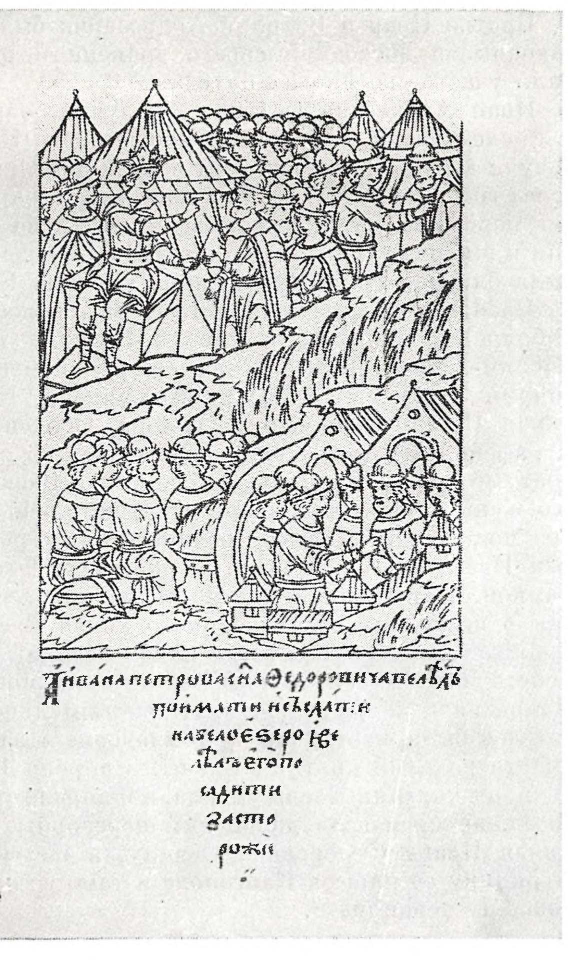
Оба сына Федора Челядни — Петр и Андрей — были боярами. Петр Федорович упоминается в летописях в 1472 г. как воевода на Оке, а в 1476 г. показан в разрядах как боярин в походе великого князя в Новгороде [80]. (В Шереметевском списке по ошибке Петр не показан.) Единственный сын Петра — Иван нигде не упоминается и умер бездетным, как кажется, в молодости.

Андрей Федорович в 1493 г. занимал такой ответственный и высокий пост, как наместничество в Великом Новгороде. Возможно, что уже тогда он был боярином и показание Шереметевского списка о пожаловании его боярством в 1495 г. следует рассматривать как запоздалое. В 1496 г. Андрей Федорович получил высокий чин конюшего, в каковом и умер в 1503 г.

У Андрея Федоровича было два сына: Иван и Василий и дочь Марья, вышедшая замуж за князя Семена Даниловича Холмского. Так как брат князя Семена, князь Василий, был женат (в 1500 г.) на дочери великого князя Ивана, то по этому браку Челяднины вторично входили в свойство с великокняжеским домом.

---

* Аграфена Челяднина дала митрополиту Филиппу деревню в Карашской волости Ростовского уезда [79].

Ссылка Ивана Петровича Федорова на Белоозеро.
Миниатюра летописного свода XVI в.

Братья Иван и Василий Андреевичи были выдающимися воеводами своего времени и принимали участие во многих походах.

Иван Андреевич в 1508 г. получил боярство, а в следующем году чин конюшего. В 1514 г., будучи воеводой, он был взят в плен под Оршей и через год умер в Литве. Его жена Елена на много лет пережила мужа и при великом князе Василии и в первые годы малолетства Ивана неизменно была близкой боярыней великой княгини Елены.

Василий Андреевич в 1513 г. был пожалован в бояре и дворецкие и умер в 1516 г. * Женат Василий Андреевич был на сестре знаменитого боярина и фаворита великой княгини Елены, князя Ивана Федоровича Овчины Оболенского, Аграфене. Аграфена, рано овдовевши, по своему брату и расположению великого князя Василия и его жены заняла при дворе исключительно высокое положение. Когда у великого князя родился сын Иван, то Аграфене было поручено быть его мамкой. Царственная книга, подробно рассказывая о последних часах великого князя Василия, сообщает: «И приказа тогда князь великий Огрофене: „Что бы еси, Огрофена, от сына моего от Ивана пяди не отступала“». И действительно, Аграфена была неотлучно при младенце Иване до смерти великой княгини Елены. 3 апреля 1538 г. великая княгиня Елена умерла, и 9 апреля князья Шуйские произвели дворцовый переворот: убили князя Ивана Федоровича Овчину, а «сестру его Агрипину сослаша в Каргополе и тамо ее постригоша в черници» [82].

---

* В Шереметевском списке он показан ошибочно умершим в 7026 (1518) г. В синодике Горицкого монастыря вклад по его душе записан 21 августа 1516 г. [81]

У Василия Андреевича сыновей не было, а дочь его Марья, как было рассказано выше, первым браком была за князем Иваном Осиповичем Дорогобужским, а вторым браком за Иваном Петровичем Федоровым. У Ивана Андреевича был один сын Иван и дочь Марфа, вышедшая замуж за князя Дмитрия Федоровича Бельского.

Бездетный Иван Иванович Андреевича был последним в роде Челядниных. В Шереметевском списке думных людей он не показан, но это несомненный пропуск. Бархатная книга сообщает, что он был конюшим, и это подтверждается другими источниками. Так в летописях он упоминается как конюший в июле 1541 г. на береговой службе [83]. Пропуск в Шереметевском списке объясняется, вероятно, тем, что после переворота 1538 г., когда был убит конюший Иван Федорович Овчина, а его сестра Аграфена Челяднина сослана, Иван Иванович был назначен не сразу и уже в 1541 г. должен был уступить место конюшего князю Михаилу Васильевичу Глинскому. После этого Иван Иванович прожил не более года и умер в конце 1542 (в начале 7051) г.*

Со смертью Ивана Ивановича род Челядниных пресекся.

* * *

Подводя итоги исследованию рода Акинфа, мы видим, что после опалы и смерти Федора Свибла и его бездетного сына Семена старшими в роде стали потомки Ивана Хромого. Эта отрасль, не отличаясь плодовитостью, неизменно занимала в боярской среде очень высокое положение. Ро-

---

* В синодике Горицкого монастыря земельный вклад по Иване Ивановиче (села Загорье и Мауршно) записан 19 декабря 7051 (1542) г.

довые вотчины Хромых не дробились от семейных разделов. Поэтому единственный представитель рода — Иван Петрович Федоров был богатым человеком. Женившись на Марье Васильевне Челяднипой, к которой за пресечением рода перешла часть челяднинских вотчин, Иван Петрович стал еще богаче. На этого-то старшего и самого большого представителя рода Акинфа и пал первый удар террора царя Ивана.

Остеевы, занимавшие в XV в. очень видное положение, в XVI в. опустились и измельчали, сильно размножились, частью переходили на службу к удельным князьям и в думу великого князя попадали изредка и на вторые места, то есть окольничими. Вероятно, поэтому из потомства Остея известны только две жертвы террора — Иван Иванович Чулков и опричный боярин Иван Яковлевич Чеботов, самые крупные представители этой отрасли.

Слизневы измельчали и опустились еще больше Остеевых. Если в XV в. они, быть может, и были в боярской среде, то в XVI в. ни один из них не попал в Думу, да и в стратилатские чины они попадали редко. Этим, как я полагаю, объясняется то, что ни в синодиках, ни у Курбского, ни в других источниках нет указаний на гибель кого-либо из Слизневых при царе Иване.

Когда вымерли Челяднины и был казнен Иван Петрович Федоров, то последней значительной отраслью рода Акинфа остались Бутурлины, а именно Никитичи. И понятно и не случайно, что именно на них обрушились следующие удары царя Ивана в его стихийно-планомерной борьбе со старым могущественным боярством времен уделов.

9.VII. 1931.

Пушки, захваченные у немцев в Ливонии.
Миниатюра летописного свода XVI в.

Царь Федор Иванович.
Парсуна. Конец XVI — начало XVII в.

М. В. Скопин-Шуйский.
Парсуна. Начало XVII в.

Царь Алексей Михайлович.
Неизвестный художник.
Конец 70-х — начало 80-х годов XVII в.

Примечания

Предисловие

[1] *Пушкин А. С.* Соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 443—444.
[2] Там же. Т. 2. С. 149—150.
[3] Подробнее о С. Б. Веселовском: *Кобрин В. Б., Аверьянов К. А.* С. Б. Веселовский: Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1989.
[4] Дневник О. А. Веселовской находится в личном архиве А. С. Веселовской.
[5] См.: *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. 496 с. Рецензии на эту работу: *Кротов А.* Примиренчество и самоуспокоенность // Лит. газ. 1948. 8 сент.; *Смирнов И. И.* С позиций буржуазной историографии // Вопр. истории. 1948. № 10. С. 113—124.
[6] См.: *Веселовский С. Б.* Род и предки А. С. Пушкина в истории // Новый мир. 1969. № 1. С. 170—203; № 2. С. 205—251; *Он же.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 39—140.
[7] Арх. АН СССР. Ф. 620 (С. Б. Веселовский). Оп. 1. Ед. хр. 25.
[8] Там же. Ед. хр. 31. Л. 37—59.
[9] Там же. Ед. хр. 26.
[10] Там же. Ед. хр. 27.

Глава первая

[1] Родословные книги // Временник О-ва истории и древн. росс. М., 1851. Кн. 10. С. 102, 169. (Далее: РДК); Редкие источники по истории России. М., 1977. Ч. 2. С. 57, 126. (Далее: РИИР).
[2] РДК. С. 102, 104, 169, 171; РИИР. С. 57, 102; Гос. Ист. музей. Собр. Уварова. № 1506. Гл. 34. В некоторых родословцах Якуна нет, а прямо у Ратши сын Алекса (РДК. С. 169; РИИР. С. 57).
[3] РДК. С. 104, 171.
[4] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского

языка. М., 1978. Т. 1. С. 570; М., 1980. Т. 4. С. 389, 609. В конце XVII в. одним из Бестужевых был представлен в Разрядный приказ список с жалованной грамоты Ивана III великокняжескому боярину Якову Гавриловичу Рюме Бестужеву, в которой упоминался выезд Гавриила Беста (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 76). Но слишком поздний список вызывает обоснованные сомнения в подлинности грамоты.

В черновом варианте очерка С. Б. Веселовский писал: «Валуевы в своей росписи, поданной в конце XVII в. в разряд, показывали своим родоначальником Окатия Вала, выехавшего будто бы в 1240 г. из Литвы. В действительности Окатий жил при Иване Калите и был москвичом; его сын, Василий Окатьевич, был боярином великого князя Семена Гордого (1341 г.), а внук, Тимофей Васильевич, носивший прозвище Валуй, убит в 1380 г. на Куликовом поле, командуя одним из московских полков. Слово „валуй" вполне русское и означает несъедобный гриб из рода сыроежек. От Тимофея Валуя и пошла фамилия Валуевых».

5 Историография вкратце, собранная из разных хроник и летописцев 1722 г. (Примеч. С. Б. Веселовского) *Барсуков А. П.* Род Шереметьевых. СПб., 1881. Кн. 1. С. 7.

Андрей Иванович Кобыла упоминается летописью под 6885 (1346/47) г. в сообщении о его поездке в Тверь за невестой Семена Гордого Марией Александровной. См.: Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 176. (Далее: ПСРЛ).

6 Напечатано в Лейпциге в 1805 г. (Примеч. С. Б. Веселовского). В черновике очерка С. Б. Веселовский писал: «Неподражаемый образец необузданной генеалогической фантазии дали в то время, т. е. в конце XVII в., Римские-Корсаковы. Этот литовско-русский род выводил свое происхождение по прямой линии ни мало ни много от греческой богини Венеры».

7 *Пушкин А. С.* Соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 493.

8 Там же. Т. 3. С. 418.

9 Родословная книга князей и дворян российских и выезжих: (Бархатная книга). М., 1787. Ч. 1—2.

10 ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 41; СПб., 1851. Т. 5. С. 194; СПб., 1856. Т. 7. С. 168.

11 *Погодин М. П.* О наследственности древних санов в период времени от 1054 до 1240 г. // Архив историко-юри-

дических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1850. Кн. 1, отд. 1. С. 75—77.

12 См.: *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских: (Исследование и тексты). М.; Л., 1955. Создание легенды о происхождении Рюрика от Пруса Р. П. Дмитриева относит к первой четверти XVI в. См. также: *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 60; Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 201—202, 260.

Глава вторая

1 Полное собрание русских летописей. СПб., 1885. Т. 10. С. 122. (Далее: ПСРЛ).

2 См.: Гос. Ист. музей. Собр. Уварова. № 277. Л. 21, 24 об., 30; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Ф. 304, 1. Кн. 818. Л. 241 об.; *Кологривова С. Н.* Синодик дворцовой церкви св. великомученицы Евдокии (7141—1633 г.). М., 1909. С. 4.

3 ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. Стб. 42—43.

4 Там же. 1841. Т. 1. С. 126.

5 Там же. Т. 2. Стб. 659.

6 Там же. Стб. 536.

7 Там же. Стб. 536—537.

8 Там же. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 219—220.

Глава третья

1 Полное собрание русских летописей. СПб., 1885. Т. 10- С. 175. (Далее: ПСРЛ). Подробнее о присоединении Переяславля к территории великого княжения см.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 127—139.

2 ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, ч. 1. С. 307.

3 Там же. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2. С. 348.

4 Там же. СПб., 1897. Т. 11. С. 29.

5 Там же. СПб., 1913. Т. 18. С. 86.

6 *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. Прил. С. 8—9.

7 С. Б. Веселовский не совсем точен. Обеспокоенный возвышением тверских князей хан Узбек решил поддержать их соперников — московских князей. Юрий Московский весной 1315 г. по приказанию хана отправился в Орду, откуда возвратился в 1317 г. Летопись сообщает о его женитьбе на сестре хана Кончаке во время пребывания в Орде, а также о том, что он получил ярлык на великое

княжение. Это решение оспорил Михаил Тверской. В сражении у Бортенева (22 декабря 1317 г.) тверские войска разгромили Юрия Московского. В плен была захвачена и Кончака, вскоре умершая в Твери. Несмотря на победу, Михаил Тверской был вынужден отправиться на суд к хану Узбеку. В ставке хана он был убит слугами Юрия в 1318 г. См.: ПСРЛ. Т. 10. С. 179—186. Подробнее см.: *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974.

8 ПСРЛ. Т. 10. С. 211.

9 *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 158.

10 ПСРЛ. Т. 18. С. 93, 96.

11 Там же. М.; Л., 1949. Т. 25, С. 225.

12 Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1788. Ч. 6. С. 450.

13 ПСРЛ. Т. 25. С. 194.

14 Там же. С. 202.

15 Там же. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 341.

16 В завещании Дмитрия Донского 1375 г. в числе послухов-свидетелей упоминается Федор Андреевич. См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 25. (Далее: ДДГ). Из двух бояр Дмитрия Донского с этим именем и отчеством более вероятным представляется Свибло, поскольку Федор Андреевич Кошка, сын Андрея Кобылы, был, по-видимому, моложе Свибла. Завещание Дмитрия Донского 1389 г. свидетельствовали два Федора Андреевича. Один из них, несомненно, Свибло, другой — Кошка. См.: ДДГ. С. 37.

17 Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951. Ч. 1. С. 24. О конфискации вотчин Федора Свибла становится известным из духовной грамоты 1406/07 г. Василия I. См.: ДДГ. С. 56.

18 ДДГ. С. 37. Редкие источники по истории России. М., 1977. Ч. 2. С. 127. (Далее: РИИР).

19 ПСРЛ. Т. 25. С. 211; ДДГ. С. 37; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 31.

20 РИИР. С. 127.

21 ПСРЛ. Т. 25. С. 200.

22 Там же. Т. 11. С. 52—65. В летописных списках приводятся различные сведения о назначении воевод.

23 Родословные книги // Временник О-ва ист. и древн. росс. М., 1851. Кн. 10. С. 123; РИИР. С. 170. С. Б. Ве-

селовский полагал, что в этих родословцах вместо Ивана Чепечки неправильно указывается Михаил, живший значительно позднее. См.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 377. Примеч. 7.

24 ПСРЛ. Т. 21, ч. 2. С. 403.

Глава четвертая

1 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 56. (Далее: ДДГ). Село Буйловское находилось на р. Яузе, вблизи Свиблова. В завещании Василия I оно называется вместе с деревней Алексеевской, расположенной на р. Яузе. См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 40, 43. (Далее: АСЭИ). Село Непейцыно упоминается как находившееся в Новгороде. В действительности оно располагалось в уезде Нижнего Новгорода. См.: Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1863. Т. 25. № 1975, где упоминается с. Непецыно в 18 верстах от Горбатова вблизи р. Оки.

2 *Кобрин В. Б.* Из истории земельной политики в годы опричнины // Ист. арх. 1958. № 3. С. 154—155 (приводится данная грамота Ивана Петровича Федорова 1566/67 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на с. Воскресенское).

3 Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1862. Т. 24: Московская губерния. № 54. (Далее: СНМ); Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Т. 1, отд. I. С. 8.

4 Акты Русского государства, 1505—1526 гг. М., 1975. № 154.

5 Данкой грамоты Остеевых на село Тетеринское не сохранилось. Впервые оно упоминается в жалованной грамоте 1483 г., известной из описи актов Переяславского Горицкого монастыря. См.: АСЭИ. Т. 3. № 94а.

6 СНМ. № 1930, 1188.

7 Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951. Ч. 1. № 307. (Далее: АФЗХ); АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 63; СНМ. № 5640.

8 АФЗХ. Ч. 1. № 8; ДДГ. С. 180, 184.

9 Впервые с. Пушкино упоминается в сотной выписи из писцовых книг 1498—1499 гг. как владение митрополитов. Им оно досталось от князя Андрея Владимировича

Радонежского приблизительно во второй четверти XV в. См.: АФЗХ. Ч. 1. № 39.

10 СНМ. № 266, 764, 1140, 1221, 1300, 1461, 1615, 2909, 4694, 3021, 4619, 6427. Кроме того, известно с. Улитино в бывшем Богородском уезде (№ 671).

11 Там же. № 1976.

12 АФЗХ. М., 1956. Ч. 2. № 54.

13 См.: ДДГ. С. 8—9. С. Б. Веселовский придерживался старой датировки завещания Калиты — 1328 г. Между тем упоминание второй жены Калиты в ее тексте указывает на время значительно позднее 1332 г.— второго брака Ивана Калиты. См.: Полное собрание русских летописей. СПб., 1907. Т. 17. С. 30.

Л. В. Черепнин предлагал датировать грамоту 1339 г. См.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 12—20.

14 ДДГ. С. 387—389, 393.

15 АФЗХ. Ч. 2. № 54, 228, 248, 362.

16 *Шумаков С. А.* Обзор «грамот коллегии экономии». М., 1912. Вып. 3. С. 31.

17 Об обстоятельствах отставки Л. А. Пушкина см.: *Овчинников Р. В.* К изучению автобиографических записок А. С. Пушкина: (Версия об участии Льва Александровича Пушкина в дворцовом перевороте 1762 г.) // История СССР. 1988. № 3. С. 156—165.

18 АСЭИ. Т. 1. № 379 (грамота датируется около 1468—1472 гг.); Там же. М., 1958. Т. 2. № 380; *Холмогоровы В. и Г.* Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVIII ст. М., 1884. Вып. 3. С. 273.

19 *Холмогоровы В.* и *Г.* Указ. соч. М., 1885. Вып. 4. С. 101—102. Подробнее об истории села Виноградова см.: *Штекер А. М.* Село Виноградово. М., 1912. М. А. Ильин утверждает, что А. М. Штекер был заказчиком книги, а ее автором является А. И. Ильин. См.: *Ильин М. А.* Подмосковье. 3-е изд. М., 1974. С. 260.

20 Далее в черновом варианте очерка идет следующий текст: «...следует отметить еще одну сторону новой формации бояр-дружинников, осевших на землю. В XIV в. из всей массы бояр выделяется немногочисленная группа так называемых „бояр введенных", которые в XVI в. стали называться думными. Князь „вводил", т. е. допускал в свою думу, наиболее заслуженных бояр, давал им чин боярина введенного, и эти введенные бояре составляли повседневный совет — думу князя, по

существу правящий центр всего государства. Количест во их в XV в. было невелико — 12—15 человек в чине бояр и 1—2 человека в чине окольничего. В прилагаемый ниже перечень Ратшичей включены только эти думцы».

Глава пятая

1 Разрядная книга, 1475—1598 гг. М., 1966. С. 17. (Далее: КРК).

2 Центр. гос. архив древних актов. Собр. Мазурина. Ф. 196. № 240. Гл. 37. Л. 112 об. (Далее: ЦГАДА). См.: Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24. С. 231—232. (Далее: ПСРЛ).

3 ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 237.

4 Там же. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 185. Некоторые летописи путают имена и показывают в числе убитых на Куликовом поле и Дмитрия Минича (см.: Там же. С. 204). Здесь наблюдаем хронологическое смещение фактов и аберрацию памяти.

5 Так Геннадий (Григорий) Бутурлин отдал в виде вклада в Троице-Сергиев монастырь с. Воздвиженское, в Угличе. См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952. Т. 1. № 63. (Далее: АСЭИ). Данная грамота датируется около 1428—1432 гг.

6 Редкие источники по истории России. М., 1977. Ч. 2. С. 129. (Далее: РИИР); Родословные книги // Временник О-ва ист. и древн. росс. М., 1851. Кн. 10. С. 104, 170—171.

7 ПСРЛ. Т. 25. С. 250.

8 Там же. Т. 6. С. 8, 219, 231, 236; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 292. Подробнее о Иване Федоровиче Усе Товаркове см.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 162.

9 АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 356. См. также: *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 162.

10 ЦГАДА, ГКЭ (Ф. 281). № 2328. А. А. Зимин считал маловероятным окольничество Ивана Ивановича Усова. См.: *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 162.

11 ЦГАДА, ГКЭ (ф. 281), № 3736.

12 Акты Русского государства, 1505—1526 гг. М., 1975. № 87, 173.

13 КРК. С. 17, 19, 109; РИИР. С. 131. См.: *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 162—164.

[14] Подробнее о Федоре Давидовиче Хромом см.: *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 165, 168.
[15] См. подробнее: Там же. С. 168—170.
[16] См. подробнее: Там же. С. 170—172.
[17] См. подробнее: Там же. С. 172—174. Любопытно известие Герберштейна, видевшего Ивана Андреевича Челяднина в оковах в Вильно. См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 71.

Глава шестая

[1] Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 262—263.
[2] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 74.
[3] См.: Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Л., 1986. № 14.
[4] См.: Российское законодательство X—XX вв. М., 1986. Т. 4. С. 295—300.

Глава седьмая

[1] Редкие источники по истории России. М., 1977. Ч. 2. С. 130.
[2] См.: Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1859—1910. Т. 1—4. Указатель. СПб., 1915; Временник О-ва ист. и древн. росс. М., 1851. Кн. 11: Материалы. С. 420, 447; М., 1852. Кн. 12: Материалы. С. 36, 87; *Гневушев А. М.* Отрывок писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504—1505 гг., содержащий в себе опись части дворцовых земель этой пятины. Киев, 1908. С. 67.
[3] Торопецкая книга 1540 г. // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 277—357.
[4] *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII ст. М., 1905. [Т. 1], отд. 2. С. 7, 9.
[5] Боярская книга 1556 г. // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. СПб., 1861. Кн. 3. С. 59.
[6] Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877. Ч. 1, отд. 2. С. 60, 119, 178, 221.
[7] Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. С. 46.

1 Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. См. по указателю. (Далее: ТКДТ). С. Б. Веселовский пользовался публикацией Дворовой тетради в издании П. Н. Милюкова (*Милюков П. Н.* Тетрадь дворовая // Записки русского археологического общества. СПб., 1901. Вып. 1—2. С. 1—54), которое не было закончено (1/3 текста отсутствовала). Поэтому подсчеты лиц, записанных в Дворовой тетради, здесь занижены. В черновике очерка С. Б. Веселовский писал: «Служебная и землевладельческая дифференциация в среде Пушкиных очень затрудняет общую характеристику уровня, на котором они находились в это время, тем более что для XVI в. количество сохранившихся источников в общем очень невелико. Приходится довольствоваться и внимательно исследовать то, что есть. Ценным и еще не исследованным источником является так называемая «Тетрадь дворовая»... Если принять во внимание, что около 1/3 «Тетради дворовой» утрачено, то можно сказать, что из рода Пушки в это время в дворянах было человек 75, т. е. довольно значительное большинство всех наличных представителей рода».

2 Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 344.

3 *Кавелин К. Д.* Собр. соч. СПб., 1897. Т. 1: Монографии по русской истории. Стб. 52—53.

4 Позднейшие исследования значительно расширили наши представления о составе опричного двора Ивана IV. В наиболее полном исследовании В. Б. Кобрина учтено 277 человек, служивших в опричнине (*Кобрин В. Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 16—91). По мнению В. Б. Кобрина, ряд лиц был занесен С. Б. Веселовским в список опричников ошибочно. Таковы Петр Иванович Борятинский, Василий Юрьевич Голицын, Замятня Иванович Сабуров, Богдан Григорьевич Совин. Ср. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 200—237.

5 См.: *Флетчер Д.* О государстве Русском. 2-е изд. СПб., 1905. С. 30—31; Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 2-е изд. // Русская историческая библиотека. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 1275—1276. (Далее: РИБ).

6 *Пушкин А. С.* Соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 493. Далее в черновом варианте очерка шел следующий текст:

«Это мнение не вполне точно, а главное — очень поверхностно. Интерес вопроса не в том, что несколько Пушкиных служили и погибли в опричнине, а в том, что со времени опричнины начинается возвышение Пушкиных — они начинают получать назначения в писцы, в послы, в полковые воеводы и головы, позже, при царе Борисе, попадают в думские чины и наконец в боярскую среду. Это тем более интересно, что тогда же, при царе Иване, неизмеримо более значительные, чем Пушкины, потомки Акинфа Великого понесли непоправимо тяжелые потери и в большом количестве сошли с исторической сцены».

[7] Там же. Т. 3. С. 418.

[8] Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1862. Т. 2. Стб. 53—54.

[9] *Курбский А.* История о великом князе московском // РИБ. Т. 31. Стб. 302.

[10] ТКДТ. С. 92; Разрядная книга, 1475—1598 гг. М., 1966. С. 147, 171, 173, 174, 176, 189, 196, 206, 212, 214. (Далее: КРК).

[11] *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII ст. М., 1905. [Т. 1], отд. 2. С. 104.

[12] Временник О-ва ист. и древн. росс. М., 1852. Кн. 14. С. 76.

[13] КРК. С. 228. Последний раз они упоминаются в разрядах в 1571/72 г. См.: Там же. С. 244.

[14] Разрядная книга, 1475—1605 гг. М., 1977. Т. 1. С. 259. (Далее: ПРК). Подробнее о нем: *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 276—277.

[15] См.: *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. Л., 1925. С. 79; см. также: *Курбский А.* История о великом князе московском // РИБ. Т. 31. Стб. 294—295; *Шлихтинг А.* Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1935. В черновой редакции очерка С. Б. Веселовский более подробно рассказывает о гибели Ивана Петровича Федорова: «В сентябре 1567 г. царь Иван, чтобы поднять дух армии, отправился на фронт против своего „недруга" польского короля. Не доходя до Великого Новгорода, на стану во Дворцах царь Иван получил какие-то сведения, круто изменил свои планы и с большой поспешностью вернулся в Москву. По рассказу Шлихтинга, в боярской среде, выведенной из терпения жестокостью царя, образовался заговор, во главе которого стоял Иван Петрович. Заго-

ворщики предполагали схватить царя Ивана на фронте и выдать польскому королю. Князь Владимир Андреевич, кн. Бельский и Мстиславский будто бы узнали об этом заговоре, получили от Ивана Петровича список заговорщиков и сообщили его царю, который немедленно вернулся с фронта в Москву.

Свой рассказ об этом Шлихтинг оканчивает замечанием, что царь Иван по этому списку „по сей день (1571 г.) казнит всех записавшихся или изъявивших свое согласие, равно как лиц из Псковской и Новгородской областей".

Шлихтинг и Таубе согласно говорят о том, что Иван Петрович был убит собственноручно царем Иваном после издевательства над ним. Царь Иван посадил его на трон в царском одеянии, дал ему в руки царский скипетр и с притворным смирением приветствовал его как великого князя. Затем вскочил и убил ножом, а тело велел выбросить на площадь.

В рассказе Шлихтинга многое вызывает недоумение. Иван вернулся из новгородского похода в Москву в октябре 1567 г. И тогда же Иван Петрович был вызван из Полоцка. А казнен он был в сентябре 1568 г.

Если царь Иван имел действительно верные сведения о заговоре, то такое промедление совершенно непонятно. Еще более непонятно, почему соучастников заговора царь Иван казнил по тому же перечню, как говорит Шлихтинг, в течение 2—3 лет. Мне кажется, что Карамзин был прав, когда не верил в существование заговора и считал его «клеветой». При общем недовольстве и страхе перед скорыми опалами и казнями царя «заговорщиков» было гораздо больше, чем требовалось для настоящего заговора.

В Москве, на фронте и в частях армии, расположенной в разных городах, велись неосторожные разговоры и строились всевозможные планы. Перехваченные письма польского короля к боярам послужили канвой для испуганного воображения царя Ивана. Возможно, что Иван Петрович знал об этих разговорах, но совершенно невероятно, чтобы он, имея в руках список заговорщиков, был настолько неосторожен, чтобы показать этот список князю Владимиру Андреевичу, который вообще не пользовался доверием и уважением в боярской среде.

Затем если десйтвительно заговор был и у царя был список заговорщиков, то почему ни Шлихтинг, ни Таубе

ничего не говорят о следствии и суде. Наоборот, из их согласных сообщений видно, что Иван Петрович был убит при театральной обстановке, совершенно не совместимой с каким-бы то ни было судом».

[16] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 125; *Кобрин В. Б.* Из истории земельной политики в годы опричнины // Ист. арх. 1958. № 3. С. 154—155.

В черновой редакции очерка С. Б. Веселовский добавляет: «После казни Ивана Петровича и принудительного пострижения его жены царь Иван конфисковал все их вотчины и не утвердил их вклады. Несколько позже он вспомнил о душе Ивана Петровича и дал *от своего имени* с. Воскресенское указанным монастырям на вечное поминание души Ивана Петровича. И в этом можно видеть указание, что царь Иван не верил в виновность Ивана Петровича и не уличил его по тогдашним правилам суда, так как по душам лиц, действительно виновных и уличенных, царь Иван вкладов не делал».

[17] ПРК. Т. 1. С. 231.

[18] Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Рус. ист. журн. Пг., 1922. Кн. 8. С. 32; см. также: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 236—237; *Кобрин В. Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 83—84.

[19] *Курбский А.* История о великом князе московском // РИБ. Т. 31. Стб. 303—304; КРК. С. 226.

[20] Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 41.

[21] Подробнее о Бутурлиных при Иване IV см.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 363—365.

Глава девятая

[1] *Ключевский В. О.* Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. 2. С. 172.

[2] Русская историческая библиотека, СПб., 1913. Т. 31. Стб. 135; см. также: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. 1981. С. 115.

[3] Разрядная книга, 1475—1598 гг. М., 1966. С. 523, 529. (Далее: КРК).

[4] Разрядная книга, 1475—1605 гг. М., 1977. Т. 2. С. 316. (Далее: ПРК).

[5] Временник О-ва ист. и древн. росс. М., 1852. Кн. 14. С. 87—88. (Местническое дело Василия Никитича Пушкина с Андреем Осиповичем Плещеевым).

6 ПРК. Т. 2. С. 366, 479.

7 Разрядная книга, упоминаемая С. Б. Веселовским, пока не найдена. Ср. подобное известие: ПРК. Т. 3. С. 15—16.

8 КРК. С. 311.

9 См.: ПРК. Т. 3. С. 156.

10 КРК. С. 522, 529.

11 *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1898. С. 215.

12 ПРК. Т. 3. С. 223.

13 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 2. С. 16—54.

14 Там же.

15 *Франс А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1959. Т. 6. С. 9.

16 Подробнее о местничестве см.: *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 135—146; *Маркевич А. И.* История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв. Одесса, 1886; *Он же.* О местничестве. Киев, 1879. Ч. 1.

17 ПРК. Т. 3. С. 60.

18 См.: КРК. С. 339.

19 *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.) М., 1907. С. 40.

20 Там же. С. 34—40.

21 Там же. С. 52—53. Далее в черновом варианте очерка следовал текст о местнических спорах Пушкиных при первых Романовых: «Тотчас по воцарении Михаила Романова местнические споры, в частности споры Пушкиных, возобновились. Перечислю вкратце дела Пушкиных.

В 1613 г. Гаврила Григорьевич Пушкин бил челом на Дмитрия Михайловича Пожарского. Царь Михаил указал по случаю церемонии венчания на царство всем быть «без мест».

В том же году стряпчий Федор Иванович Пушкин бил челом на кн. Данилу Ивановича Мезецкого.

В 1614 г. Михаил Евстафьевич Пушкин бил челом на кн. Ивана Федоровича Троекурова. По военным обстоятельствам момента царю и боярам было не до того, чтобы наказать Пушкина за его дерзкое челобитье. Его отправили на службу, а князю Троекурову, обиженному челобитьем Пушкина, дали грамоту, в которой было сказано: «Твое отечество нам и боярам нашим ведомо, Пушкиным с тобою не сошлось... Того себе в бесчестье и в позор от Михаила (Пушкина.— *С. В.*) не

ставь, что Михайло (собранных им) людей отдал одному князю Дмитрию (Черкасскому)» (Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 96, 126—127).

В 1624 г. прямой предок А. С. Пушкина Петр Тимофеевич бил челом на князя Андрея Мосальского. Бояре нашли это челобитье неосновательным и приказали Петру Пушкину взять служебные записки и отвезти их князю Мосальскому, а если он не послушается, то посадить его в тюрьму «без сыска». Пушкин взял списки и поехал на службу, а вернувшись со службы, возобновил челобитье. На это думный дьяк Разряда сделал Пушкину предупреждение: «что он бьет челом на кн. Мосальского не делом, потому что отец его Петров Тимофей Семенов сын во 106 (1598) году был в Чернигове... в третьих головах меньше князя Василия Мосальского Рубца. И он бы, Петр, был на службе, а не будет, и его выдадут кн. Андрею Мосальскому головою». Петр Пушкин продолжал спорить и упираться, за что было велено посадить его на три дня в тюрьму, а затем послать к кн. Андрею Мосальскому на службу. А если и после этого он будет спорить, то было велено выдать его головой князю Мосальскому (см.: Там же: Стб. 581—595).

В 1626 г. Борис Григорьевич Пушкин бил челом на кн. Юрия Звенигородского.

В 1628 г. Василий Никитич Пушкин бил челом на Андрея Плещеева, а Воин и Федор Тимофеевичи Пушкины били челом на Волынских (см.: Там же, Стб. 791, 897, 929, 949—952).

С течением времени Пушкиным пришлось обороняться от нападения еще более «новых», чем они сами, людей.

В 1628 г. Михаил Новосильцев бил челом на Ивана Ивановича Пушкина. В 1631 г. Иван Иванович Пушкин подвергся нападению со стороны совсем не родословного человека — Василия Чевкина.

В 1632 г. на Бориса Григорьевича Пушкина бил челом Иван Вердеревский, тоже не родовитый человек (см.: Там же. Т. 1. Стб. 984; СПб., 1851; Т. 2. Стб. 196, 268).

В 1647 г. князья Данила и Борис Мышецкие били челом на стольника Петра Михайловича Пушкина. Государь указал за бесчестие Петра Пушкина князей Мышецких «бить кнутом на конюшне думному дьяку Ивану Гавреневу» (Там же. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 64).

В 1648 г. Никита Алексеевич Зюзин, назначенный с окольничим Борисом Ивановичем Пушкиным в посольство в Швецию, нашел эту службу для себя невместной. Царь указал Зюзина за бесчестье Пушкина (посадить) в тюрьму, а затем выдать его головой Борису Пушкину. Но Зюзин и после этого отказался быть в посольстве товарищем Пушкина, «и посажен опять в тюрьму, а поместья и вотчины отписаны были на государя». Зюзин вытерпел и это, и продолжал стоять на своем, «и в тюрьме сидел многое время, и выпущен, а поместьями и вотчинами государь его пожаловал», т. е. они были ему возвращены. Зюзину не пришлось больше бороться за свою честь, так как посольство было отложено, а в 1649 г. с Борисом Пушкиным в Швецию был послан Афанасий Прончищев (см.: Там же. Т. 3. Стб., 88, 111).

Местнические обычаи ветшали, утрачивая свой прежний исторический смысл и все чаще становились в тягость всем: и царской власти и самим местникам, которые готовы были пойти на всякий приличный выход из нелепого положения. Приведу один очень характерный пример, сделав предварительные замечания, о князьях Львовых.

Львовы принадлежали к захудалой ветви ярославских князей. В XVI в. они служили по дворовому списку и изредка бывали головами в полках. В начале XVII в. они служили в жильцах и только во второй половине царствования Михаила стали подниматься. Исключительными милостями Михаила пользовался Алексей Михайлович Львов, быстро сделавший блестящую карьеру: 1626 г.— дворецкий, 1628 г.— окольничий, 1634 г.— боярин. В феврале 1644 г. Алексей Михайлович Львов и Григорий Гаврилович Пушкин были назначены в посольство в Швецию. Пушкин нашел эту службу в товарищах с кн. Львовым для себя невместной, а кн. Львов принял его челобитье как бесчестье. Царь с боярами слушал дело и указал посадить Григория Пушкина за бесчестье Львова в тюрьму. После этого Пушкин согласился быть в товарищах у кн. Львова и перед отправлением в посольство был пожалован в думные дворяне. По возвращении из посольства за успешное выполнение порученного дела Григорий Пушкин был пожалован в окольничие и получил в награду атласную шубу и кубок» (Там же. Т. 2. Стб. 11, 730, 743).

Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 235.
[2] *Пушкин А. С.* Соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 461.
[3] Там же. С. 462.
[4] Ср.: Там же. С. 460. «Гаврила Пушкин — один из моих предков,— писал А. С. Пушкин,— я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив — как воин, как придворный и в особенности как заговорщик. Это он и Плещеев своей неслыханной дерзостью обеспечил успех Самозванца. Затем я снова нашел его в Москве в числе семи начальников, защищавших ее в 1612 г., потом в 1616 г., заседающим в Думе рядом с Козьмой Мининым, потом воеводой в Нижнем, потом среди выборных людей, венчавших на царство Романовых, потом послом. Он был всем чем угодно, даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище — городе, который он сжег (в наказание за что-то), подобно проконсулам Национального Конвента» (пер. с фр.).
[5] Там же. Т. 2. С. 381.
[6] По мнению В. И. Корецкого под именем Афанасия Михайловича А. С. Пушкин в своей трагедии вывел реально существовавшего Евстафия Михайловича. См.: *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 232, 248—249. Любопытно наблюдение А. Ахматовой о том, что «упоминаемый в „Борисе Годунове“ московский дворянин Рожнов — от Радши» (*Ахматова А. А.* О Пушкине. М., 1977. С. 73).
[7] *Пушкин А. С.* Соч. Т. 2. С. 384.
[8] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1824. Т. 11. С. 55. Примеч. 161.
[9] В. И. Корецкий, основываясь на источниках, неизвестных С. Б. Веселовскому, выяснил, что Пушкины были действительно высланы в Сибирь при Борисе Годунове. См.: *Корецкий В. И.* Указ. соч. С. 237—247.
[10] *Сухотин Л. М.* Четвертчики Смутного времени (1604—1617 гг.). М., 1912. С. 7.
[11] Синбирский сборник. М., 1844. Т. 1. С. 76, 144.
[12] *Сухотин Л. М.* Указ. соч. С. 15.
[13] С. Б. Веселовский не совсем прав. При появлении Самозванца в пределах России воеводами в Белгороде были князь Борис Михайлович Лыков, Иван Никитич Салтыков и князь Федор Константинович Волконский.

Борис Годунов вызвал Салтыкова в Москву, а на его место был послан Гаврила Григорьевич Пушкин. См.: *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 28; ср.: *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления XVII ст. СПб., 1902. С. 26.

14 *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 5.

15 Временник О-ва ист. и древ. росс. М., 1852. Кн. 14. С. 64—65.

16 *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 5; ср. с. 72.

17 Там же. С. 201.

18 Там же. С. 59, 95, 178, 179.

19 Там же. С. 46, 53, 101.

20 Там же. С. 44, 53, 188.

21 Там же. С. 11—14, 18, 44—45.

22 Там же. С. 41, 48, 50, 55.

23 Там же. С. 19.

24 Там же; Полное собрание русских летописей. Т. 14. Ч. 1. С. 100.

25 *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 21.

26 Там же. С. 59.

27 *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства. М., 1909. Вып. 2. С. 81, 89.

28 Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. № 45. С. 79. (Далее: АМГ).

29 Сказание Авраамия Палицына // Рус. ист. б-ка. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 1209—1210.

30 *Сторожев В. Н.* Указ. соч. С. 81, 83.

31 Там же. С. 83.

32 Там же. С. 81.

33 Там же. С. 92.

34 В приложении к очерку С. Б. Веселовский приводит следующий документ: «1612 г. 15 ноября.— Грамота подмосковского ополчения князей Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского в Арзамас к воеводе и дьяку о наказании крестьян деревни Еболдиной за непослушание Ивану Федоровичу Пушкину, получившему ее от ополчения из поместья в вотчину.

В Орземас воеводе господам князю Петру Михайловичю Львову да дьяку Степану Козодавлеву Московсково государьства боярин и воевода Дмитрий Трубетцкой да стольник и воевода Дмитрей Пожарской челом бьют.

Бил, господа, нам челом Иван Федорович Пушкин: поместья деи за ним в Орземаском уезде деревни Еболдино, и в нынешнем в 121-м году то ево поместье с его

окладу дано ему в отчину, и тое ден ево вотчины деревни Еболдина крестьяне не слушают; и нам бы по совету всее земли велети ему дати послушную грамоту.

И ож будет так, как нам Иван Пушкин бил челом, и вы б, господа, в тое Иванову вотчину в деревню Еболдино послали ково пригоже, а велели ему взяти с собою тутошних и сторонних попов, и дьяконов, и старост, и целовальников, и крестьян лутчих, сколько пригоже, да тое Ивановы вотчины Пушкина деревни Еболдина крестьяном велели слушати во всем Ивана Пушкина, пашню на нево пахати и доход вотчинников платити, чем он их изоброчит. А будет которые крестьяне не учнут Ивана Пушкина слушати, и вы б тех крестьян, выбрав лутчих человек дву или трех, велели бити кнутьем, а бив кнутьем, велели вкинути в тюрьму на неделю, а ис тюрьмы выдали их головою Ивану Пушкину, да тех крестьян велели подавати на крепкие поруки с записьми в том, что им Ивана Пушкина вперед слушати во всем.

Писан на Москве лета 7121-го, ноября в 15 день.

На обороте: Диак Миколай Новокщенов. Справил Ондрюшка...

В Орземас воеводе господам князю Петру Михайловичю Львову да дьяку Степану Козодавлеву.

121-го декабря в 3 день подал Федоров человек Пушкина Васька Микифоров.

(Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.). М., 1915. С. 446—447; ср.: Там же. С. 518).

35 АМГ. Т. 1. № 108. С. 145.

36 Там же. № 664. С. 616.

Глава одиннадцатая

1 См.: Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова // Чтения О-ва ист. и древн. росс. М., 1906. Кн. 3. С. 79—82.

2 *Пушкин А. С.* Соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 493.

3 Там же. Т. 3. С. 418. В действительности под грамотой об избрании на царство Михаила Романова подписались семеро Пушкиных.

4 Акты, собранные в бибиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 2. № 7. С. 42—54.

5 О Пушкиных говорится в седьмом портфеле.

6 *Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В.* Пушкины: Родословная роспись. Л., 1932. С. 18; см. также: *Модзалев-*

ский Б. Л. Род Пушкина // Библиотека великих писателей. СПб., 1907. Т. 1. С. 12.

[7] Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 410.

[8] Там же. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 743.

[9] Там же. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 32.

[10] Там же. Стб. 31, 42, 56; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 53, 96, 97, 157, 162.

[11] Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 110.

[12] Там же. СПб., 1855. Т. 4. Стб. 425, 1064.

[13] Там же. Т. 3. Стб. 83; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 43, 240.

[14] *Барсуков А. П.* Указ. соч. С. 233.

[15] Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 193, 246, 414; *Богоявленский С. К.* Указ. соч. С. 31, 154.

[16] *Барсуков А. П.* Указ. соч. С. 54; *Богоявленский С. К.* Указ. соч. С. 139, 217.

[17] *Богоявленский С. К.* Указ. соч. С. 222.

[18] *Барсуков А. П.* Указ. соч. С. 5, 41, 45—47, 64, 138, 268, 270, 286.

[19] Там же. С. 65, 133; *Богоявленский С. К.* Указ. соч. С. 139, 140.

[20] *Барсуков А. П.* Указ. соч. С. 2, 15, 22, 55, 88, 131, 144, 168, 182, 221, 253, 270, 282.

[21] *Богоявленский С. К.* Указ. соч. С. 217, 218.

[22] Там же. С. 219.

[23] Там же. С. 177, 221, 222.

[24] Там же. С. 176, 187.

[25] *Барсуков А. П.* Указ. соч. С. 43, 77, 106, 189, 196, 209, 240, 261, 274.

Глава двенадцатая

[1] *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 77, 106; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 176, 185, 187.

[2] Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4. Стб. 97.

[3] Центр. гос. архив древних актов. Разрядный приказ (ф. 210), столбцы Приказного стола. № 873. Л. 112—170. (Далее: ЦГАДА).

[4] Дело о ссылке Афанасия Пушкина в Нилову пустыню и тяжба с Емельяном Украинцевым. См.: ЦГАДА. Разрядный приказ (ф. 210), Стб. Приказного стола, № 2244,

Л. 1—167; Дело по челобитью князя Андрея Шаховского: Там же. № 2432. Л. 1—68; жалоба калужан (1691 г.) на Емельяна Украинцева о вымогательстве взятки в 100 руб. // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 336.

5 *Пушкин А. С.* Соч.: В 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 483; ср. с. 418 (где А. С. Пушкин правильно называет своего предка Федором Матвеевичем).

6 Там же. Т. 1. С. 493.

7 Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 1046.

8 Там же. Стб. 1064.

9 *Желябужский И. А.* Записки Желябужского с 1682 г. по 2 июля 1709 г. СПб., 1840.

Дополнение

Род Ратши

1 Родословная книга князей и дворян российских и выезжих: (Бархатная книга). М., 1787. Ч. 1. С. 309; Родословные книги // Временник О-ва ист. и древн. росс. М., 1851. Кн. 10. С. 102, 169.

2 Гос. Ист. музей. Собр. Уварова. Кн. 277. (Далее: ГИМ).

3 *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. С. 131.

4 Полное собрание русских летописей. СПб., 1841. Т. 3. С. 16, 17, 26, 29. (Далее: ПСРЛ).

5 Там же. СПб., 1843. Т. 2. Стб. 321—322.

6 Там же. СПб., 1908. Т. 21, ч. 1. С. 307.

7 Там же. СПб., 1913. Т. 21, Ч. 2. С. 348; Т. 11. С. 29.

8 Там же. СПб., 1913. Т. 18. С. 86.

9 *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 157—158.

10 ПСРЛ. Т. 18. С. 93, 96.

11 ПСРЛ. 2-е изд. СПб., 1848. Т. 4. С. 486—487; СПб., 1859. Т. 8. С. 72.

12 Там же. Т. 8. С. 97.

13 Там же. Т. 4. С. 253—254; СПб., 1853. Т. 6. С. 8, 231; Т. 8. С. 198.

14 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 292. (Далее: ДДГ).

15 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4. С. 650; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1958. Т. 2. № 356. (Далее: АСЭИ).

[16] ПСРЛ. Т. 6. С. 203; Разрядная книга, 1475—1598 гг. М., 1966. С. 17, 19. (Далее: КРК).
[17] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих: (Бархатная книга). Ч. 1. С. 330.
[18] АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 516.
[19] Акты Русского государства, 1505—1526 гг. М., 1975. № 130, 173.
[20] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих: (Бархатная книга). Ч. 1. С. 331.
[21] Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. 6. С. 450. (Далее: ДРВ).
[22] Там же. С. 451; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 204.
[23] ПСРЛ. Т. 8. С. 120.
[24] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 104.
[25] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих: (Бархатная книга). Ч. 1. С. 351.
[26] ДРВ. Ч. 6. С. 452.
[27] ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 29, 85.
[28] Там же. С. 54; ДДГ. С. 25, 34.
[29] ДДГ. С. 37; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951. Ч. 1. С. 24. (Далее: АФЗХ).
[30] ДДГ. С. 56.
[31] См.: *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 137—139, 616—617; *Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. М., 1912. Ч. 1. С. 137, 201, 213, 218.
[32] *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 184—185.
[33] *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности: Заселение и объединение центра. Л., 1929. С. 56. См. приложенную карту.
[34] В рукописи оставлен пробел. Позднее С. Б. Веселовский отказался от этой гипотезы. В последней редакции очерка он считал, что села Федора Свибла находились в уезде Юрьева-Польского (см. выше — с. 49).
[35] ДДГ. С. 26.
[36] Редкие источники по истории России. М., 1977. Ч. 2. С. 127. (Далее: РИИР).
[37] ДДГ. С. 37; РИИР. С. 170; КРК. С. 17.
[38] ПСРЛ. Т. 25. С. 211; АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 31.
[39] АФЗХ. Ч. 1. № 299—302.
[40] КРК. С. 17, 19; Разрядная книга, 1475—1605 гг. Т. I. С. 86. (Далее: ПРК).

[41] АСЭИ. Т. 2. № 284.
[42] ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, ч. 1. С. 149.
[43] *Курбский А.* История о великом князе московском // Рус. ист. б-ка. СПб., 1914. Т. 31. Стб. 294—295. (Далее: РИБ).
[44] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. Л., 1925. С. 87.
[45] Там же. С. 79.
[46] Чтения О-ва ист. и древн. росс. 1859. Кн. 3. Смесь. С. 91, 92; *Устрялов Н.* Сказания князя Курбского. 2-е изд. СПб., 1842. С. 415.
[47] Вкладная датирована 7072 г. См.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 125; Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. АТСЛ (ф. 303), кн. 531. Юрьев-Польский. № 7. (Далее: ГБЛ).
[48] Писцовые книги Московского государства. СПб., 1872. Ч. 1, отд. 1. С. 440, 851—856.
[49] ГИМ. Епархиальное собр. № 419. Л. 145 об.
[50] АСЭИ. Т. 1. № 194, 196.
[51] Там же. № 52, 115.
[52] Там же. № 330; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 104.
[53] ДРВ. Ч. 6. С. 457.
[54] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 104—106.
[55] ПСРЛ. Т. 4. С. 244.
[56] Акты юридические. СПб., 1838. № 18.
[57] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 95.
[58] Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. F 4. № 348. Л. 17.
[59] ГБЛ. АТСЛ (ф. 303). Кн. 533. Ростов. № 7.
[60] *Титов А. А.* Синодики XVII в. Переславского Никитского монастыря. М., 1903. С. 4.
[61] АФЗХ. Ч. 1. № 307.
[62] АСЭИ. Т. 1. № 21.
[63] Там же. № 54, 63.
[64] Там же. № 185; Т. 3. № 230.
[65] Там же. Т. 1. № 193, 308.
[66] КРК. С. 17.
[67] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 107, 108.
[68] Библиотека АН СССР. Археографическая комиссия. Рук. № 249. Л. 198 об.; ЦГАДА. Собр. Мазурина (ф. 196). № 240. Л. 175.
[69] ПСРЛ. Т. 23. С. 152.
[70] Там же. Т. 6. С. 236.
[71] АФЗХ. Ч. 1. № 115.

72 ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 20. С. 346. Купчую сыновей Ивана Ивановича Бутурлина (середины XV в.) см.: АСЭИ. Т. 2. № 353.
73 См.: Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 69.
74 ПСРЛ. Т. 13. С. 147.
75 *Курбский А*. История о великом князе московском. Стб. 303—304.
76 ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 232.
77 Там же. Т. 6. С. 149.
78 Там же. СПб., 1889. Т. 16. С. 206—207.
79 АФЗХ. Ч. 1. № 11.
80 ПСРЛ. Т. 8. С. 99.
81 ГИМ. Собр. Уварова. № 777. Л. 18. (Тот же год смерти: ПСРЛ. Т. 3. С. 148, 184).
82 ПСРЛ. Т. 13. С. 123, 415.
83 Там же. С. 102; Т. 20. С. 458.

От составителя

Исследование С. Б. Веселовского о предках А. С. Пушкина осталось незавершенным. Смерть помешала ученому завершить эту работу и рукопись обрывается на изложении событий рубежа XVII—XVIII вв. Между тем, предки поэта, жившие в XVIII в., довольно любопытны сами по себе, и поэтому нельзя не сказать о них хотя бы несколько слов.

В наброске автобиографии А. С. Пушкин рассказывает о них: «Прадед мой, Александр Петрович был женат на меньшой дочери графа Головина, первого андреевского кавалера. Он умер весьма молод, в припадке сумасшедствия, зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын его, Лев Александрович, служил в артиллерии, и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступал, и жил в Москве и в своих деревнях.

Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму, за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды велел он ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась — чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую и положили

на постелю всю разряженную и в бриллиантах. Все это знаю я довольно темно. Отец мой никогда не говорил о странностях деда, а старые слуги давно перемерли».

Отец поэта, Сергей Львович, по характеру не имел ничего общего с дедом. Получив превосходное для того времени образование, прекрасно зная французский язык, на котором мог говорить не только прозаической речью, но и стихом, он запомнился своим современникам как светским остроумием и находчивостью, так и полной неспособностью к практическим делам. Будучи в малолетстве записанным в Измайловский полк, а потом перейдя в гвардейский егерский, он очень тяготился крайне несложными обязанностями гвардейского поручика, и сразу же после женитьбы вышел в отставку. Управление домом было всецело поручено им жене, а имениями — приказчикам, беззастенчиво обкрадывавшим его. Деревни, если она не походила на подмосковную дачу, он терпеть не мог, и проживая там, проводил все время за чтением у себя в кабинете. Когда обстоятельства принуждали его заниматься детьми или хозяйством, он становился вспыльчивым и раздражительным, но при гостях делался веселым, оживленным и внимательным. До старости он отличался пылким воображением и впечатлительностью, доходившей до смешного. Он был способен острить у смертного одра жены, а иногда от пустяков заливался слезами. Обычно расточительный и небрежный в денежных делах, временами он становился мелочно расчетливым и порой даже жадным. По выражению первого биографа Пушкина П. В. Анненкова, у него не было времени для собственных дел, т. к. он слишком усердно занимался чужими. Приятели любили его, но собственным детям, когда они подросли, часто казался жалким и сам настойчиво требовал от них, чтобы они опекали его как маленького.

Мать поэта, Надежда Осиповна Ганнибал, была на четыре года моложе супруга и происходила из рода, ос-

нователем которого был «арап Петра Великого» Абрам Петрович Ганнибал, чья фигура привлекала пристальное внимание его правнука — поэта. «Родословная матери моей еще любопытнее,— писал А. С. Пушкин.— Дед ее был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне в 1707 г., с польской королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганнибал. В крещении наименован он был Петром, но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом. Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп. Но Петр оставил при себе своего крестника. До 1716 г. Ганнибал находился неотлучно при особе государя, спал в его токарне, сопровождал его во всех походах; потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен *в одном подземном сражении* (сказано в рукописной его биографии), и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света. Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганнибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец государь написал ему, что он неволить его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции, но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уж отыскать. Государь пожаловал Ганнибала в бомбардирскую роту Преображенского полка капитан-лейтенантом. Известно, что сам Петр был ее капитаном. Это было в в 1722 г.

После смерти Петра Великого судьба его переменилась. Меншиков, опасаясь его влияния на императора Петра II, нашел способ удалить его от двора. Ганнибал был переименован в майоры тобольского гарнизона и послан в Сибирь с препоручением измерить Китайскую стену. Ганнибал пробыл там несколько времени, соскучился и самовольно возвратился в Петербург, узнав о падении Меншикова и надеясь на покровительство князей Долгоруких, с которыми был он связан. Судьба Долгоруких известна. Миних спас Ганнибала, отправя его тайно в ревельскую деревню, где и жил он около десяти лет в поминутном беспокойстве. До самой кончины своей он не мог без трепета слышать звон колокольчика. Когда императрица Елисавета взошла на престол, тогда Ганнибал написал ей евангельские слова: «помяни мя, егда приидеши во царствие свое». Елисавета тотчас призвала его ко двору, произвела его в бригадиры, и вскоре потом в генерал-майоры и в генерал-аншефы, пожаловала ему несколько деревень в губерниях Псковской и Петербургской, в первой Зуево, Бор, Петровское и другие, во второй Кобрино, Суйду и Таицы, также деревню *Раголу*, близ Ревеля, в котором несколько времени был он обер-комендантом. При Петре III вышел он в отставку и умер философом (говорит его немецкий биограф) в 1781 г., на 93 году своей жизни. Он написал было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами.

В семейственной жизни прадед мой Ганнибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре, а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза. Вторая жена его, Хрис-

тина Регина фон Шеберх, вышла за него в бытность его в Ревеле обер-комендантом и родила ему множество черных детей обоего пола».

К сказанному Пушкиным добавим, что по семейному преданию возможностью избрать военную карьеру знаменитый русский полководец Суворов был обязан исключительно Ганнибалу, убедившему его отца уступить наклонностям сына.

По мнению П. В. Анненкова, быть может, довольно пристрастному, у Ганнибала была «мягкая, трусливая, но вспыльчивая абиссинская натура», наклонная «к невообразимой, необдуманной решимости». Сыновья его унаследовали его вспыльчивость: крепостных людей, возбудивших их гнев и ими наказанных, «выносили на простынях». Двое из них, Иван и Петр (последнего поэт посетил в его деревне в 1817 г.), достигли высоких чинов, но при этом Петр писал совершенно безграмотно. Всего же у Абрама Петровича было семь человек детей.

«Старший сын его,— продолжает Пушкин,— Иван Абрамович, столь же достоин замечания, как и его отец. Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая на коленях, выпросил отцовское прощение. Под Чесмою он распоряжал брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 году он взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон. Его постановления доныне уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память. Он поссорился с Потемкиным. Государыня оправдала Ганнибала и надела на него Александровскую ленту; но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде, уважаемый всеми замечательными людьми славного века, между прочими Суворовым, который при нем оставлял свои проказы, и которого принимал он не завешивая зеркал и не наблюдая никаких тому подобных церемоний.

Дед мой, Осип Абрамович (настоящее имя его было

Януарий, но прабабушка моя не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения: *Шорн шорт*, говорила, она, *делат мне шорни репят и дает им шертовск имя*) — дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводится внучатым братом моей матери). И сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостью вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь, а дедушка послан на службу в черноморский флот. Тридцать лет они жили розно. Дед мой умер в 1807 году, в своей псковской деревне, от следствий невоздержанной жизни. 11 лет после того бабушка скончалась в той же деревне. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре».

После развода с мужем Марья Алексеевна со своей дочерью Надеждой (матерью поэта) жила под покровительством своего шурина и крестного отца дочери Ивана Абрамовича Ганнибала. Она была доброй женщиной и прекрасной хозяйкой старорусского деревенского склада. Позднее внук скажет о ней:

Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
О толстобрюхой старине.

Но дочь свою она избаловала порядком, «что сообщило нраву молодой красивой креолки, как ее потом называли в свете,— писал Анненков,— тот оттенок вспыльчи-

вости, упорства и капризного властолюбия, который замечали в ней позднее и принимали за твердость характера». Мужа своего Надежда Осиповна настолько «прибрала» к рукам, что он до старости курил тайком от нее, к детям и прислуге бывала порой непомерно сурова и обладала способностью «дуться» на тех, кто вызвал ее неудовольствие, целыми месяцами и даже больше (так, с сыном Александром она не разговаривала чуть ли не целый год). Хозяйством она занималась так же мало, как и муж, и подобно ему страстно любила свет и развлечения.

Дом Пушкиных,— вспоминал современник,— «всегда был наизнанку: в одной комнате богатая старинная мебель, в другой пустые стены или соломенный стул, многочисленная, но оборванная и пьяная дворня с баснословной неопрятностью, ветхие рыдваны с тощими клячами и вечный недостаток во всем, начиная от денег до последнего стакана». Но подобным образом жили тогда многие дворянские семьи. От других Пушкины отличались лишь большей, если можно выразиться, литературностью. В этом отношении тон задавал дядя поэта Василий Львович, который, будучи сам стихотворцем, был в дружбе и приятельских отношениях со многими тогдашними литераторами.

Перед нами на страницах этой книги шаг за шагом раскрывалась жизнь целого рода. Под пером историка ожили фигуры многих людей прошедших столетий. И если читатель, заинтересовавшийся этой темой, захочет узнать больше о предках поэта, он может обратиться и к другим работам по этой теме, список которых приводится ниже.

Вегнер М. Предки Пушкина. М, Сов. писатель, 1937.

Вересаев В. В. Жена Пушкина. М, Жургазобъединение, 1935.

Вересаев В. В. Родственники Пушкина. М, Жургазобъединение, 1933.

Комаровская Л. Г. Заметка о родстве Пушкиных с Веневитиновыми. // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб., 1909. Вып. XI. С. 120.

Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., Наука, 1986. (Глава VI. Пушкины в Смутное время и летописец из их рода. С. 231—265).

Леец Георг. Абрам Петрович Ганнибал. Биографическое исследование. Таллинн, Ээсти раамат, 1980.

Малеванов Н. А. Прадед поэта. // Звезда. 1974. № 6. С. 156—167.

Модзалевский Б. Л. Род Пушкиных. // Библиотека великих русских писателей. Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907. Т. 1. С. 1—24.

Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины. Родословная роспись. Л.; Изд-во АН СССР, 1932.

Муравьев М. В. Родословие А. С. Пушкина. // Пушкинский сборник (в память столетия дня рождения поэта). СПб., 1899. С. 655—668.

Овчинников Р. В. К изучению автобиографических записок А. С. Пушкина. Версия об участии Л. А. Пушкина в дворцовом перевороте 1762 г. // История СССР. 1988. № 3. С. 156—165.

Романюк С. К. К биографии родных Пушкина. // Временник Пушкинской комиссии. Л., Наука, 1989. Вып. 23. С. 5—18.

Русаков В. М. Рассказы о потомках А. С. Пушкина. Л.: Лениздат, 1982. (Помещена родословная роспись потомков А. С. Пушкина по 1980 г. С. 312—331).

Скрынников Р. Г. Борис Годунов и предки Пушкина // Русская литература. 1974. № 2. С. 131—133.

Телетова Н. К. Ганнибалы — предки А. С. Пушкина // Белые ночи. Л., Лениздат, 1978. С. 260—292.

Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., Наука, 1981. (Приводится родословная таблица Ржевских, предков поэта со стороны матери. С. 159—169).

Фейнберг И. Л. Абрам Петрович Ганнибал — прадед Пушкина. Разыскания и материалы. Изд. 2-е. М., Наука. 1986.
Черкашин А. А. Родословная Пушкина. // Агитатор. 1989. № 24. С. 23—26.

Разумеется, этим списком не исчерпывается вся литература по этой теме — она обширна. Указания на другие работы можно легко найти в библиографических ссылках и примечаниях в вышеназванных трудах.

К. А. Аверьянов

Указатель имен *

* Полужирным шрифтом выделены номера, под которыми то или иное лицо значится в поколенной росписи прямых и ближайших боковых предков А. С. Пушкина.

Географический указатель

Оглавление

Научное издание

Веселовский Степан Борисович

Род и предки А. С. Пушкина в истории

Утверждено к печати
Архивом АН СССР

Редактор издательства Л. В. Абрамова
Художник С. А. Резников
Художественный редактор М. Л. Храмцов
Технический редактор Н. Н. Плохова
Корректор Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 46518

Сдано в набор 25.09.89
Подписано к печати 19.03.90
А-05866 Формат 70×100[1]/32
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 14,7. Усл. кр. отт. 19,23. Уч.-изд. л. 15,3
Тираж 50 000 (1-й завод 1—25 000) экз. Тип. зак. 3526
Цена 4 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

4 р. 20 к.

С. Б. Веселовский

Род и предки А. С. ПУШКИНА в истории

·Наука·